МОСКОВСКИЙ СОЮЗ ЛИТЕРАТОРОВ

альманах

Литературный перекресток 13

МОСКВА 2018

УДК 821.161.1=8
ББК 84(2=411.2)6
Л 64

Литературный перекресток. № 13, 2018: альманах,
Московский союз литераторов. — М.: — 2018. — С. 168.

Дизайн обложки:
Александр Астрин

Для писем: 125009, Москва,
Б. Дмитровка, 5/6, строение 8,
Московский союз литераторов.
Тел.: 8(495)692-06-03
Электронная почта: litcross@aport.ru

Орфография, пунктуация и стиль авторов сохранены.

Рукописи, присланные в редакцию, не рецензируются и авторам не возвращаются.

УДК 821.161.1=8
ББК 84(2=411.2)6

© Коллектив авторов, текст, 2018
© Александр Астрин, обложка, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ

Владимир Квашнин. Найдёныш. Родинка. Я построю наш дом на околице. На самом краешке земли. Недотёпа. Родное. Моя родная глухомань 5
Умут Кемельбекова. Танцовщица. Любовь колдуньи. Заклинанье. В неге восточной… Ты ли, моё Семиречье… Караваны проходят… У жёлтых скал… 14
А.И. Аргутинский-Долгорукий. *Римские элегии.* Лети на Рим, взвивайся в белой пене… Владычица, ты ночи покрывало дарила мне… Когда ступлю на первые ступени… 19

ПРОЗА

Жанна Голубицкая. Отрывок из книги «Тегеран-1360» 23
Александр Аргутинский-Долгорукий. Из книги «Хроники и пейзажи мышления» 37
Владимир Квашнин. Коготь Манараги 41
Виктор Черняк. Большой любитель пива. Дождь 49
Надежда Днепровская. Победа 55
Виктор Кротов. Из книги «Дарованное десятилетие. Бурные приключения тихой жизни» 71
Ева Меркачева. День рождения 81
Татьяна Шипошина. Фиалка 84

ДЕТСКАЯ СТРАНИЦА

Марина Рябоченко. Урок математики 91
Александр Галаганов. Стрекозёнок 96
Виктор Кротов и Ксюша, *его дочка, когда она была маленькой.* Влюблённый крокодил 99

ДРАМАТУРГИЯ

Михаил Стародуб. Большое звёздное «БУ» с куплетами.
Пьеса в 2-х действиях 102

ЮМОР

Олег Иванов. ***Проза жизни.*** Не положено! Всем миром.
Товарищ полковник 129

СТРАНИЦА МТО ДА

ПОЭЗИЯ

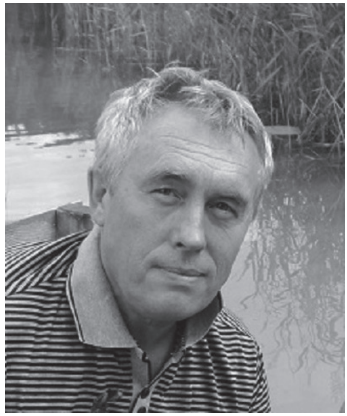
Татьяна Шипошина. ***Стихи этого лета.*** Да… Шашлык у леса.
Везде мои части… Что-то японское. Слова. Ангел мой… Эй!
О возрасте. Лечо 134
Мария Семёнова. Старые сады. Меж Пречистенкой-Остоженкой.
Возвращение в город. Утро. Переулок. И. А. Шагал 142

ПРОЗА

Тамара Крюкова. Чёртовы старички 147
Елена Шутилова. Прощание славянки 159
Ольга Кисилёва. Мышь 163

Главный редактор *Координатор*
Михаил Стародуб **Джангули Гвилава**

Редакционная коллегия:
Жанна Голубицкая *(заместитель главного редактора),*
Татьяна Шипошина *(заместитель главного редактора),*
Лариса Адлина, Надежда Днепровская, Ева Меркачева,
Виктор Черняк



Владимир КВАШНИН

Найдёныш

Я нашел его чисто случайно
За распадком, во время пурги —
Под сосною, в кровище, отчаянно,
Рвал стальную удавку с ноги.
Браконьеру какие законы…
Это с виду улыбчив и мил.
Зол и жаден, он даже патроны,
Экономя, на трос заменил.

Олененок. Полгода, не больше.
Эк тебя угораздило, друг.
Весь измученный, клочьями кожа,
Боль во взгляде сменяет испуг…
Ничего, кости, главное, целы,
Ну, а мясо само нарастёт…
А парнишка-то вовсе уж квелый,
Чуть промедли — и точно помрёт.
Взгромоздил пацанёнка на плечи,
Как донёс, и не помню теперь…
Лишь одно, — как в зимовье, под вечер,
Колотился в пристывшую дверь.
Еле выходил. Сердце кричало.
Мази, травы варил с корешком…
Только малость ему полегчало,
И уже — почеши за ушком.
То — за лайкой без всякой опаски…
То — устроят в снегу кутерьму…
Так представь — стал рассказывать сказки
Перед сном каждый вечер ему.
Так и жили всю зиму: две лайки,
Оленёнок и я — зверобой.

Как ни странно, но даже собаки
Понимали, что зверь этот — свой…

Отрыдали над тундрой метели...
Распахнули озёра глаза...
Ели лапы свои отогрели...
Май черёмух надул паруса…
Я оттягивал время разлуки,
Вел ночами бессонными спор,
И устав от терзающей муки,
Сам повёл его к ленточке гор.

Где-то пели на сопках олени…
Погоди, ты успеешь к своим…
Оглянувшись, всего на мгновенье,
Он шагнул в дикий мир. Перед ним
Раскрывали объятья берёзы…
Обнимали, целуя, кусты…
И душа улыбалась сквозь слёзы,
Не стесняясь своей доброты.

Родинка

Утонул закат в реке блесною.
Ночь-старушка бродит по лугам.
Спит река, укрывшись тишиною,
Подоткнув туман по берегам.
Над костром взлетают к звёздам пчёлы.
Иней травы выбелил мукой.
И телёнком месяц через долы
Тянется к покосам за рекой…
Вот и пролетел денёк в заботах.
Осень. Да какое — отдыхать?!
Там — дрова, здесь — клюква на болотах,
И соседке — с печью, и вспахать.
Некогда, и отказать неловко,
А тяп-ляп сложи — и нет тепла.
Застеклить — и то нужна сноровка,
А тут печь. Серьёзные дела!

А в деревне жизнь всему научит.
Здесь вожжами лечат даже лень.
Помню, дед, — с махоркой раз прищучил,
Так горчичник греет по сей день!
А потом до плача доходило,
Если вдруг не брали на покос.
Вот с тех пор в плечах и забродила
Силушка… Потом уж, как подрос,
В кузне Митрофаныча, все знают,
На спор гнул в руках любой металл.
С пацанов по бате величают,
Уваженье — вот он, капитал!

И чего в деревне не живётся?
Пьянство? О! А город, глянь, — святой!
Здесь же зорька ласково прижмётся,
Подмигнёт под шалью золотой,
ТАК от поцелуя захмелеешь, —
Ни с какою бражкой не сравнить!
А душой прижмись и обомлеешь —
Боже мой, да как же не любить
Эти дали, это синеглазье
Над тайгою, песни журавлей…
Чувство — как у Бога на лабазе.
И живёшь в затаинке своей.
А подумать, сколь их по России
Родинок таких вот, как моя?

Оттого, видать, и небо сине,
Что соединяются края.
Может, кто свою любовь расскажет.
У меня вот — костерок, река,
Зорька нитью розовою вяжет
Распашонки, сев на облака.
Малость рассветет — и на болота,
Ягодку поднял — и отдыхай!
Я ж не депутат, у тех забота:
Дождь ли, снег, а голос — собирай.
Шутка… Кузовок вот за ночь сладил

На пять вёдер... Ну, а что спина? —
Вытерпит. Не потому, что сзади,
Потому что русская она.

Я построю наш дом на околице

Я построю наш дом на околице
У берёзы на самом яру,
Чтобы видеть, как зорюшки молятся
За рекою в лугах поутру.
Как с травы серебро осыпается
На сопящих в обнимку шмелей,
Пусть душа до ушей улыбается,
С лёгким сердцем и жить веселей.

Всё, родная, для счастья я сделаю:
Баньку слажу, овечек возьмём,
Не забором, смородиной спелою
Вдоль тропинки к соседям пойдём.
Огороды вспашу, стог за рощицей
Подниму в синеглазую высь…
Да с такой-то любовью-помощницей
Все задумки исполню за жизнь.

Первым делом — иконы с лампадкою
В красный угол, потом уж — кровать,
И, скрывая истомушку сладкую,
Стол, смущаясь, начнём накрывать.
Всё своё — и картоха, и маслице,
А в деревне иначе никак...
Только, коли уж руку-то на сердце, —
Я по дереву больше мастак.
Кажду плашку рубаночком вылижу,
И узоры, и лаком пройдусь,
Печь-кормилицу русскую выложу,
Чтобы Бог ещё чувствовал Русь.
И крыльцо распишу, и наличники,
Затеплю по окошкам герань,

И кормушку — чтоб вспомнили сырчики*
Добрым словом в студёную рань.
Там, глядишь, домовёнок поселится,
Станет сказки ночами читать,
И, усевшись на крышу, Медведица
Звёздной лапою люльку качать.

На самом краешке земли

С ружьишком стареньким и лайкой
Под мелко сеющим дождем,
С душой ранимой под фуфайкой
Иду в тайгу осенним днем.
Как Рудакова баба Шура,
У ней одна дорога — в храм.
И я — такая же натура —
К своим рябиновым кострам
На дальних клюквенных болотах
С аптечкой к старцу-глухарю,
К простым, но жизненным заботам:
Полянку выкосить зверью,
Поднять стожок, ведь всяко может —
Морозы жмут который год.
А вдруг лосиха занеможет,
Ведь у нее уже приплод...

И дело даже не в добыче.
А в чем? Да мне ли это знать...
Кому-то — страсть, кому — обычай,
Но я готов и ниц упасть
Перед зарею на колени,
Пичугой малою, за шаг
И слушать с детским умиленьем
Лесных доверчивых бродяг.
Замолкнет дятел, сойка тонко
Заверещит: «Лиса, лиса!»...

* Сарчик, сырчик — трясогузка (Коми язык)

Живи, живи, моя сторонка!
Смотрите, люди, в небеса!
И я смотрю, смотрю и плачу
От счастья жить, дышать, любить,
Брать в сердце слово на удачу
И вить серебряную нить
Таких стихов, чтоб мир дивился,
Чтоб по углам щемилось зло...
А то, что здесь, в глуши, родился,
Не значит, что не повезло...
Не плачьте, гуси, надо мною,
Не рвите душу, журавли,
Я первым выйду к вам весною
На самый краешек земли.

Недотёпа

Зверь в тайге обмял свою берлогу,
Засыпает, в лапу спрятав нос.
Зорька, косы путая, подолгу
Выбраться не может из берёз.
День короче детской рукавицы.
Тем и дорог каждый светлый час.
Утром покрошил сухарь синице,
Свистнул лайку, да и за лабаз —
Лыжами тайгу родную гладить
По глухим распадкам и ключам.
Лаечка, то спереди, то сзади
Ищет куний след по кедрачам.
Кто ещё на промысле поможет?
Не на кашах выросла, поди,
Что отыщет, — всё к ногам положит,
А такой попробуй-ка, найди…
А судьба охотника какая?
Что Бог дал, — семья тем и живёт.
Это городские, осуждая,
Говорят — охотник всё убьёт…
Ничего. Сейчас капкан проверю
И займусь под елью костерком.

Пень свалил, в трухе — глазам не верю —
Бурундук застывшим колобком!
Да какой там чай!? Опять на лыжи,
Мелкого за пазуху, и в путь,
Вроде бы уже зимовье вижу,
Только чую — смерть не обмануть.

Затопил печурку. В сердце смута.
Загрустил, да вдруг и задремал.
Даже вздрогнул, показалось будто,
Кто-то щёку вдруг поцеловал.

Обнимались с пламенем полешки.
Золотился лампы язычок.
И хрустя, пощёлкивал орешки
На груди моей бурундучок.

Родное

Уже и ветром тёплым манит,
И вербой за реку, весна,
А мне дедуля: «Ох, обманет,
Весна-то ноне затяжна.
Сосульки, глянь каки длиннючи?
Мотай на ус примету, внук…»
А тут и Север, скомкав тучи,
Навесил ветром добрый хук,
Запел, усевшись на фронтоне…
А утром глянул вдоль плетня, —
С пригорка тёплые ладони
Мне тянет, вытаяв, земля.
Эх, деда, деда, ветер — к счастью!
А значит скоро за мыском
Ушицу, утречком, карасью,
Туман разбавит молоком!
Просмолим лодки нашей днище,
Фитиль — под берег заревой,
И вот такущих карасищей,
Мотня нам вывалит, с икрой!

Как в прошлом годе, помнишь, деда?
Ты только сильно не болей.

И не болел… А в день Победы
Погиб разведчик Пантелей
На той войне — осколок мины
Под сердцем, стронувшись, убил…
Сосед, под градусом «Полтины»,
Врачей по матушке крестил.
Войну и немцев, и начальство,
И власть, и тёщу, — всех пучком.
Ментов, и тех, зачислил в братство,
И засопел, упав ничком…
С серванта чёрная шалейка,
Кручинясь, свесила крыло…
И только деда телогрейка
Всё глубже прятала тепло…
И бился в полдень над оградой
Многоголосый плач родни…
Я помню всё, — и те награды,
Что нёс, стесняясь, впереди.
И домовину на подводе,
И речки дальний поворот,
Где целовался с половодьем
Среди черёмух небосвод.
Зайчата плыли на лесине…
Протока — в дымке костровой...
А где-то там, в небесной сини,
Чеканил шаг незримый строй.
Дрожали тесовые крыши,
И прогибались облака,
И каждый русский сердцем слышал
Шаги бессмертного полка.

Моя родная глухомань

Моя родная глухомань,
Ты всё: и радость, и забота.
Казалось — что? Тайга, болота…

А выйдешь в утрешнюю рань
К родимой Ляпушке с мостка,
Перекрестясь на свет, умыться,
А над водой — заря-девица
С мешочком звёзд у пояска.
Налево горсточку махнёт —
И блещут в травах самоцветы,
Направо — звонкие монеты…
И наше, русское поёт.
Ты ей — поклон, так и она
Ответным ласково приветит…
А тут уже и солнце светит,
И тает воском тишина.
И зазвенел покосный день!
Буксир чихнул дымком солярки…
Денёк сегодня будет жаркий!
Косу, фуражку набекрень,
И от плеча, держак — к бедру,
С размаху пяточкой под корень!
Пускай кузнец Мишаня — шкворень,
А я в косьбе своё беру!
Брусочком — вжик, и понеслась
Душа в полёт — валок к валочку…
А там и сердце ищет строчку,
А вслед — и песня родилась
Или стихи... А вечерком
Прочтёшь рябинке, знаешь — плохо —
Прижмётся ласково, дурёха,
Лопочет что-то на своём.
А сопки, словно госпожу,
Уже на мхах качают зорьку.
С рук покормлю лосёнка Борьку,
Придумку на ночь расскажу…
Коней в ночное отведу,
Возьму туман — простынку лета —
С уснувших трав, и с книжкой Фета —
На стог под яркую звезду:
Читать и слушать в тишине
Как ветер шепчется с осокой,
И месяц с нимфой одинокой
В озёрной плещут глубине.

Умут КЕМЕЛЬБЕКОВА

Танцовщица

Медленнокрылых
теченье рук.
Неумолимых
созвучий круг.

И взор нескромный,
Как зверь умолк.
Кинжал ладони
откинул шелк.

Звенят браслеты,
и змеи кос
как сталь мерцают
в багрянце роз.

Так мчится всадник
во весь опор,
так звезд нетленных
горит узор.

Любовь колдуньи

В черном кубке красное вино —
поднесу тебе я колдовство.

Зелье приготовила сама —
буду ли тебе теперь мила?

Позабудь на миг свой край и кров
и своих таинственных богов.

Ясноликих братьев и сестер
там оставь, у падей синих гор.

И пока ты в пепельном бреду,
я к тебе, мой суженый, приду.

К чужедальним, блещущим огням,
словно жертва огненным богам.

Только миг, и чары колдовства
мне дарует вечность торжества.

Заклинанье

Если забудешь —
улыбка моя умрет.

Если забудешь —
гребень мой упадет.

Если забудешь —
браслеты мои отзвенят.

Если забудешь —
белый шелк начну отмерять.

* * *

В неге восточной,
в плену у созвучий
дней отступающих
отблеск грядущий.

Древний оазис —
мираж для живущих,
темная зависть
слепоидущих.

Зной расскаленный,
хмурые лица…
Нам ли стеною
отгородиться?

Дням вопрошающим
негой пролиться,
вот и колодцы,
чтобы напиться.

* * *

Ты ли мое Семиречье,
звонкий глагол, Талас,
смешивай все наречья,
вечных долин рассказ.

Встраивай странную думу
в пенье и пляски муз,
солнца мои и луны,
мой золотой комуз.

Я ли не дар случайный
гор, побережий, стран?
Странствуй и правь, мой тайный,
шелковый караван!

* * *

Караваны проходят
с востока на запад
и с юга на север.

Средь барханов идут
без дорог
и в песках исчезают.

Долог путь караванов,
безводен, тяжел,
но упрямо
от колодца к колодцу
идут как слепые
верблюды.

Песню дальних дорог
все поет и поет
караванщик.

Нет у песни конца,
нет конца у путей
караванных.

Степь скупая не даст
ни прохлады,
ни влаги,
ни тени…

* * *

У желтых скал,
над черною водою
стоишь ты,
словно страж
чужих веков.

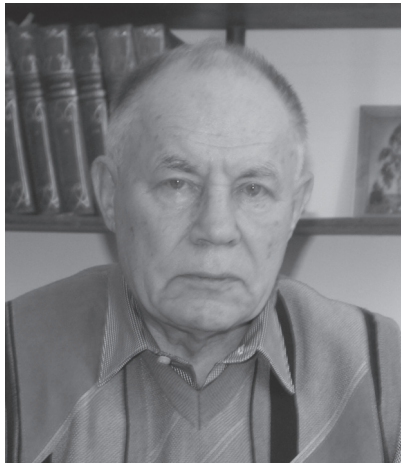
Ни смерч,
ни пламень
не сломили силу
и не качнули
каменных основ.

Мечеть Шахбагата,
и пламень заката
по водам, по скалам…

Но страх и коварство
их темное царство
к тебе подступило.

Но гордо и черно
блеснула над морем
волшебная сила.

И в солнечном свете
мерцает агатно
как отзвук набата
мечеть Шахбагата!



Александр АРГУТИНСКИЙ-ДОЛГОРУКИЙ

Римские элегии

I

Я помню все — тяжелая сова
огромным глазом медленно взирала,
качался лес, и отблеском металла
посверкивала жесткая трава.

Пиликала неведомая скрипка, дремал телец,
и путник утомленный,
и ветхий дом ладьей златооконной
врезался в ночь, как божеский резец.

Я плакал, спал, кружилась голова,
и стрелки сонные текли за кругом круг,
и демон ночи — черная сова —
всей мощью крыльев мчалась в Бежин луг.

II

Брат любимый, слышишь ты меня?
Маленький страдалец неутешен,
голый труп качается, повешен.
Весь уж Рим во власти забытья.

Ах, что заготовили — осталось,
выпитого — горестная малость,
нить судьбы — негаданно распалась.
Весь уж Рим во власти небытья.

III

Милый ангел,
тень моей подружки,
ты лежишь прозрачен и недвижим,
перышки сладчайшие разъяты,
горсткой пепла, пухом серебристым.

Кто же твой доносчик и убийца?
Аргус,
что смотрел ты в рот воды набравши?!
Верный ангел, друг мой ненаглядный.
Где твой взор, хваленный мерзкий Аргус?

IV

Вот повержен, распластан и смят,
милый птенчик как будто уснул,
красных бусинок порван ряд…
Где же друг твой, любимый Катулл?

Десять тысяч стадий меж нас пролегли,
десять тысяч стадий, дюн или ден,
десять тысяч страждущих к лику Земли,
милый птенчик канул, пал, убиен.

Где твой верный ангел, бедный Катулл?
Где твоя веселость, воля, жест?
Милый птенчик канул, почил, уснул,
волчьи стаи бродят Рима окрест…

V

Клио слепая, ты плачешь навзрыд?
Где твой Флавий Иосиф, где честный Тацит,
где же утро твое, где туманящий день?

Пал трепещущий птенчик, и ранен олень.
Поминания колокол — убиен, убиен,
окровавлено облако, порван шелковый лен.

1968

* * *

Лети на Рим, взвивайся в белой пене,
как вздох Доре, стремящийся с Фавора.
Ужели повстречаемся мы скоро?
Призывный зов услышан. Molte bene![*]

Ступени вниз. В осаде коридора
ты возвратишь предвосхищенный случай
дыханьем сна, субстанцией летучей.
Внимаю Вам, владычица Сеньора!

Но в этой беспредельной теореме
я просто брат почтенного Петрарки.
И слышится: насвистывают кварки
над головой моею. Molte bene!

Не время мне, печальная Сеньора,
спешить на зов, как раб к своей галере,
хотя б на миг унять по крайней мере
плачь погребальный памятного хора!

II

Владычица, ты ночи покрывало
дарила мне. С судьбой моей согласна.
Ты не спеши, волнуешься напрасно,
не отшучусь небрежно, как бывало!

[*] Очень хорошо *(итал.)*.

Руки твоей коснусь, в прощальной сцене
ты не томи послушника, не мучай,
не обольщай надеждою живучей,
тогда и я отвечу: «Molte bene!»

В последний раз увижу мостовую,
коней понурых, бедную двуколку.
Но эту ночь и вздохи втихомолку
уже в альбом твой не перерисую.

Как ты строга, печальная Сеньора!
Как седоки ветшают в древних платьях!
Услышу я сестер своих и братьев
и отголосок скорбный приговора.

III

Когда ступлю на первые ступени,
ты влагу слез не отнимай у взора.
Не умножай утраты и позора,
тебя я заклинаю: «Nota bene»*.

Пусть в судный день прощального собора
твой знак благой со мной не разлучится,
в дороге долгой страннику простится
незавершенность начатого спора.

Ты так строга, печальная Сеньора,
Теперь и я уж склонен к перемене,
но труден путь к космической поэме,
отметь в небесных свитках, nota bene!

* Заметь хорошо *(лат.)*.

Жанна ГОЛУБИЦКАЯ

ОТРЫВОК ИЗ КНИГИ «ТЕГЕРАН-1360»

За год до первого класса весь мой сокольнический двор повели поступать в музыкальную школу. А меня не повели. И я сама увязалась с подружкой Олей и ее бабушкой.

На прослушивании выяснилось, что весь последний месяц Оля готовила вступительную песню под руководством своей бабушки с музыкальным образованием. Я ничего не готовила, но не растерялась. Когда Оля закончила тянуть свою «Во поле березку», я вышла и артистично, как мне показалось, исполнила единственную песню, слова которой помнила наизусть: «Где же моя черноглазая где, в Вологде-где-где-где…». Папа любил пластинку со сборником советской эстрады и часто заводил ее дома. Первой песней на ней была «Вологда», поэтому я помнила ее лучше всего. За ней шли «Роща соловьиная» в исполнении Льва Лещенко, «Лебединая верность» Софии Ротару и «Остановите музыку, прошу вас я, с другим танцует девушка моя…» не помню, кого. Их я тоже могла бы спеть, если очень нужно, но только наполовину. Я подумала, что если меня попросят спеть еще что-нибудь, я, пожалуй, выберу «Над землей летели лебеди…». Красивая песня и грустная.

Но на бис меня, увы, не вызвали.

Пока я пела, какой-то дядя закрыл лицо руками. А когда открыл, оказался весь красный как рак. А тетя рядом с ним громко шептала, что смеяться над ребенком неприлично. Может, у меня другие дарования.

Когда я закончила петь, эта тетя ласково сказала:

— Вот что, милая девочка, давай ты пока пойдешь в спорт, вон у тебя фигурка какая ладная. А там посмотрим. Приходи к нам в следующем году.

А потом повернулась к красному дяде и снова громко прошипела:

— У некоторых детей слух прорезается с возрастом.

Я догадалась, что родители не забыли повести меня в музыкалку, а постеснялись. За ужином я торжественно сообщила им, что они правы, что стесняются меня.

— Ой, это прямо как я в хоре! — обрадовался чему-то мой папа.

— Не надо это рассказывать! — насупилась мама. — Она растет в семье, где мать закончила музшколу с отличием! — и мама гордо указала на блестящий черным лаком довоенный «трессель» с медными подсвечниками. Когда приходили гости, она играла на нем «К Элизе» и «Полонез Огинского».

— Ну, это ты с отличием, — возразил папа, — а меня выгнали из хора, и я имею право рассказать.

Папа рассказал, что когда только приехал в Москву учиться из города Чарджоу Туркменской ССР, соседи по общежитию рассказали ему, что в Москве с хорошими девушками лучше знакомиться на культурных мероприятиях — в театре или в каком-нибудь кружке по интересам. В театр первокурснику особо ходить некогда, поэтому папа записался в хор при институте иностранных языков имени Мориса Тореза. Туда ходили самые красивые студентки.

— Мне так все понравилось! — вспоминал папа с мечтательной улыбкой. — На первое занятие пришли сплошь девушки, человек 15, а юношей всего трое. Руководитель был такой милый старичок, какой-то заслуженный музыкант, очень смешно махал руками…

— Не махал руками, а дирижировал! — с упреком встряла мама.

— Дирижировал, — согласился папа. — Песни мы такие зажигательные пели про комсомол и про любовь. Я очень старался. После первого занятия руководитель нас всех похвалил, но под нос себе задумчиво пробубнил: «Но что-то мне мешает, не пойму!» После следующего занятия снова: «Кто-то один мне мешает…» На третьем занятии он долго прислушивался, морща лоб, а потом вдруг хлопнул себя по уху и воскликнул: «Ну, конечно!» Поднялся в последний ряд, где стоял я, — мы на таких специальных приступочках для хора занимались, — и пригласил спуститься вниз, к фортепиано. Я вышел, такой гордый, думал, сейчас он будет меня хвалить за усердие. Я же старался петь громче всех. Думал, чем громче, тем лучше. А он мне и говорит: «Извините, молодой человек, но хор вы не украшаете. Ступайте лучше в какой-нибудь спорт!» Оказалось, громко — не значит хорошо. К тому же, я еще и фальшивил. Ну, я упираться не стал и записался в институтскую парашютную секцию. Там тоже девчонок было полно. А пою с тех пор только когда выпью.

— Все прямо как у меня! — восхитилась я.

— Только о девчонках думал, поэтому и выгнали из хора, — заметила мама.

— Зато я стал парашютистом-отличником и на тебе женился, — выкрутился папа. — Главное, не опускать руки. Одному человеку очень редко дано все и

сразу. Нет способностей к музыке, значит, к чему-то другому есть. И чем быть хуже всех в деле, в котором ты не одарен, лучше сразу узнать правду и попробовать себя в чем-то другом.

А когда мама вышла с кухни, папа и вовсе развеселился:

— Тебя единственную со всего двора не взяли в музыкалку? Даже из вежливости? Значит, ты особенная! А «особенная» бывает не только со знаком «минус», но и со знаком «плюс». Если на середняка ты не тянешь, значит, в чем-то у тебя никак, а в чем-то максимум. Во всем «никак» быть не может, поэтому просто ищи свой максимум.

Это было довольно путаное объяснение, но суть я уловила. И с тех пор совершенно спокойно относилась к тому, что у меня нет ни слуха, ни голоса, просто не подписывалась ни на что, связанное с пением.

А родители после этого разговора отвели меня на фигурное катание и в английский кружок при Доме детского творчества в парке Сокольники.

Английский кружок не произвел на меня особого впечатления, кроме того, что ходили туда мы вместе с подружкой Олей, и это было весело. А учительницу нашу звали Дженни Николаевна, что в моих глазах делало ее почти англичанкой.

Но фигурное катание тревожило мое воображение куда больше.

На катке ДДТ я возмечтала стать фигуристкой, такой, каких показывали по телеку — чтобы выезжать на лед в красивом платье и за границу в красивой шубе. Чтобы я стояла на пьедестале и улыбалась, а мне хлопали и снимали для телевизора. Но в свои 6 лет я скоро смекнула, что секция при ДДТ — слишком долгий путь к моей цели. И решила применить блат.

Папа мой в то время дружил с директором сокольнического ледового Дворца Спорта «Спартак», его назначили взамен того, которого посадили после трагедии в марте того же года, когда после хоккейных соревнований случилась давка и обрушился балкон. Дядя Рудик бывал у нас дома и интересовался моими успехами в фигурном катании. Я дождалась удобного случая и попросила его взять меня «к настоящим фигуристам», которые тренировались на его подшефном катке.

Мой туркменский папа был страшно далек от интриг большого льда: кажется, он даже не понял всего цинизма ситуации. А, может, просто решил показать, что вовсе меня не стесняется. А мне лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать, что такое спорт высоких достижений. Во всяком случае, папа не возразил, когда дядя Рудик пообещал мне исполнить мою просьбу.

Через пару дней меня привели во Дворец спорта.

На большей части льда катались взрослые фигуристы, некоторых я узнала: я смотрела по телеку все соревнования и ходила с папой на турнир «Ну-

вель-де-Моску» в Лужниках. Там он даже провел меня в закрытую зону, откуда фигуристы выезжают на лед, и я взяла автограф у своих кумиров Елены Водорезовой, Марины Черкасовой и Ирины Родниной. А пока я толкалась у бортика, на меня наткнулась телекамера, и бабушка увидела меня в программе «Время»! И не только бабушка, многие нам после этого звонили и спрашивали, когда же я буду стоять у выезда на лед, но уже не просто так, а в коньках?!

Очевидно, после этой минуты славы я и решила связать свою жизнь с фигурным катанием. В нем мне виделось окно в мир. Да, в общем, так оно и было.

На катке Дворца Спорта меня поразило, что мои кумиры катаются безо всяких блесток, в черных тренировочных трико, никто им не хлопает, а тренер еще и покрикивает на них, как на простых смертных.

В крохотном уголке катка (искусственный лед в Москве 1975-го был только в нашем Дворце Спорта) тренировались фигуристы моего возраста, 5-6 лет. Всего человек пять. Как я узнала позже, это были тщательно отобранные по всей стране юные дарования.

Какая-то строгая тетя отправила моего папу, который меня привел, ждать за дверью, а мне велела надеть коньки и присоединиться к детской группе. Всего на катке было два тренера — мужчина и женщина. Мужчина сидел на трибуне, но иногда вскакивал, схватившись за голову, подбегал к бортику и начинал кричать. Женщина стояла у бортика там, где тренировались взрослые фигуристы. Кричать она начинала, только если уже кричал мужчина — судя по всему, он был главнее.

А строгая тетя, выгнавшая моего папу, видимо, была их помощницей. Она все время бегала выполнять какие-то их поручения и тоже кричала, но не на фигуристов, а на всех остальных.

Сопровождаемая громким шепотом строгой тети: «Блатная!», — я выехала на искусственный лед, на котором стояла впервые в жизни. Ноги мои разъезжались, а рядом девочки моего возраста выписывали какие-то немыслимые пируэты! Они крутились волчком и задирали ногу в коньке к самой макушке, как Дениз Бильман!

Мне стало невыносимо стыдно. Мысленно я поблагодарила злющую тетю за то, что моего позора не видит мой папа. Однако я решила, что сразу бежать с поля боя стыдно, и торжественно поехала по кругу. Моей задачей было хотя бы не упасть, и я с ней справилась. Гордо описав полный круг по единственному в Москве искусственному льду для олимпийского резерва, я ушла из большого спорта — навсегда.

Папа курил на лавочке возле Дворца. Я сказала ему, что фигурное катание мне разонравилось. В ответ он только ухмыльнулся и даже не полюбопытствовал, почему.

Дома, заметив, что я не особо расстроена отсутствием у меня ледовых дарований, папа принялся веселиться:

— Может, теперь в художественную студию? У меня там знакомые есть.

— Прекрати! — вмешалась мама. — Ты устроишь ей комплексы!

— Какие еще комплексы? — подозрительно буркнула я, подозревая, что это очередной кружок, где я буду самая неуклюжая.

Хождение в музыку и в большой спорт стало мне хорошим уроком. Мне по-прежнему хотелось быть среди лучших. Но я поняла, что самое ужасное — быть среди них худшей.

К счастью, родители не постеснялись повести меня в английскую школу №1 в Сокольниках, а там была такая нагрузка, что я быстро забыла о своих высоких карьерных амбициях.

Поступать в Первую школу в апреле 1976-го тоже пошли всем двором. Принимали туда по результатам собеседования, содержания которого никто не знал.

Бабушка моей подружки, которая знала все и про всех, сказала, что на 20 блатных детей возьмут двоих детей рабочих и двоих умных.

— Ты рабочий? — спросила я папу, придя со двора и рассказав, что услышала от Олиной бабушки.

— Нет, но ты умная, — ответил он.

Я очень переживала, что не смогу показать свой ум. Но виду не показывала.

В день икс меня нарядили в модные красные брюки-клеш и японский батник с персонажами мультиков. Все девочки во дворе школы были в белых блузочках и черных юбочках.

— Я же говорила! — выдохнула мама.

— Пусть чувствует себя расслабленно, — тихо ответил папа.

Я поняла, что в своих красных штанах я снова белая ворона. Загладить штаны мог только мой невероятный умище.

Вызывали по списку, по одному. Родителей не пускали даже в здание школы.

Во двор выходила тетя со списком, выкрикивала фамилию и забирала нужного ребенка. Соискатели места в престижной школе толпились во дворе с 7 утра до 8 вечера. Мы, правда, опоздали и пришли в 11. Мама с утра побежала в парикмахерскую, а потом долго выбирала платье. Среди родителей она была самая нарядная, но толпиться во дворе ей пришлось наравне со всеми. Меня вызвали часа через два, папа успел сбегать за горячими пончиками, а я испачкать свои красные «клеши» в сахарной пудре от них.

Наконец, тетя со списком пришла и за мной. Меня привели в комнату, где за столом сидело человек восемь. Я их не считала, но мне показалось, что их ужасно много. Все тети и только один дядя, почему-то в синем тренировочном костюме. Прямо как тренер у фигуристов.

— Умеешь ли ты говорить по-английски, девочка? — зычно спросила из-за стола полная тетя с огромным сооружением из волос на голове. Она чем-то напомнила мне дедушкину подругу тетю Шуру, которая работала в психиатрической больнице, и в гостях всегда про нее рассказывала.

— Умею, — с достоинством ответила я. Зря, что ли, я почти целый год ходила в английский кружок.

— Ну, скажи нам что-нибудь! — потребовала тетя.

— А можно я спою? — неожиданно для себя спросила я. Наверное, фиаско в музыкальной школе все же не давало мне покоя.

Комиссия заулыбалась и спеть разрешила.

Я затянула «Teddy Bear». Этот стишок легче было бы просто продекламировать, но в кружке мы почему-то его пели.

Если в свои шесть с половиной я могла бы рассчитывать, то расчет оказался верным. Пение мое быстро остановили со словами:

— Ну английский ты знаешь, мы слышим. А теперь расскажи, что ты видишь на этой картинке?

И они повесили на доску картинку, изображающую солнечный зимний денек, искристый снег и румяных детей, часть из которых катается с горки на санках и картонках, а другая весело играет в снежки.

Надо сказать, что именно такую погоду я почему-то ненавидела. В подобные дни, пока мои дворовые друзья резвились в снегу, у меня наступал ступор. Я, конечно, была укутана, как положено. Но толстая цигейковая шуба, подпоясанная папиным армейским ремнем с пряжкой, две шапки, а под ними косынка, валенки с галошами и три кофты под шубой не давали мне даже пошевелиться. А лицо, которое единственное оставалось снаружи, все равно противно щипал мороз. В толстых варежках пальцы мои не гнулись, а резинка от них, перекинутая через мою шею, нещадно в нее впивалась. Как-то я потихоньку сняла эти варежки, чтобы открыть дверь подъезда, и моя ладонь тут же примерзла к железной ручке.

Я ненавидела такие дни настолько, что даже стихотворение Пушкина «Мороз и солнце, день чудесный…» вызывало во мне содрогание.

Куда больше мне нравилась «подтаявшая» зима, когда вдруг случался ноль, и на улице становилось пасмурно, тепло и сыро. Хотя другие находили такую погоду серой и склизкой.

Но тут я решила, что высказать на собеседовании отвращение к прекрасной солнечной погоде, которую любят все нормальные дети, будет неправильно. Еще решат, что я больная.

И принялась упоенно описывать, как весело играют изображенные на картинке дети. В процессе я увлеклась: нарисованные мальчишки получили имена

и личностные характеристики. Я сообщила комиссии, что вон тот мальчик Петя, который едет с горки на картонке, страшно завидует Васе, который мчится на санках-ледянках. Да чего уж там, я сама ему завидую! Вот сколько выпрашиваю у родителей ледянки, а они все дорого да дорого…

Тут единственный среди теть дядя, тот самый, в тренировочных, не выдержал. Он и так весь мой рассказ ерзал на стуле и явно не проникался везением Васи и завистью Пети. А тут и вовсе перебил:

— Все, хватит, лично я ее принимаю!

На этом тетя со списком вывела меня назад во двор. Ко мне сразу бросились родители, не только мои, но и тех соискателей, которых еще не вызывали.

— Дядя в трениках сказал, что лично он меня принимает. Наверное, он там главный, — успела успокоить я маму и папу, и тут у меня начисто пропал голос.

Видимо, я все-таки перенервничала, поступая в эту школу. Хотя мне казалось, что собеседуюсь я легко и непринужденно, как Ленка и Светка с нашего двора. Они хоть и считались хулиганками, зато язык у них был без костей и они никогда не смущались, даже перед взрослыми. Мне очень хотелось стать на них похожей. И, судя по всему, на собеседовании в первую школу мне это удалось. Но сражение с собственной робостью отняло мои силы и голос.

Услышав про «дядю в трениках», мой папа хохотал так, что даже слезы вытирал от смеха. Мама никак не могла понять, в чем дело.

Как выяснилось позже, папа пытался подстраховать меня на собеседовании через сокольнический райком партии, где у него были знакомые. Первая английская слыла «позвоночной»: приемная комиссия учитывала звонки «сверху». Папе пообещали помочь на уровне директора школы. Но директриса даже не успела вставить свои пять копеек в мою пользу, ее опередил школьный физрук Степан Степаныч по прозвищу Стакан Стаканыч. Его никто не коррумпировал по партийной линии, ему просто надоело меня слушать.

Позже, во взрослой жизни, я еще не раз сталкивалась с тем, что мужчины-физкультурники не любят, когда женщины много разговаривают.

А «блат» от Стакан Стаканыча родители припоминали мне на каждую плохую оценку:

— Недаром тебя в школу из всей комиссии принял только физрук!

Сразу после того собеседования я слегла с высокой температурой. А когда через неделю вышла во двор, узнала, что мои раскрепощенные примеры для подражания — Ленка и Светка — в мою школу не прошли по конкурсу и пойдут в простую — 369-ю.

Зато мою соседку по подъезду и лучшую подружку Олю не только приняли, но и зачислили в первый «А», куда отбирали самых умных детей. Так сказала Олина бабушка моей маме, встретив ее в лифте. Меня же определили в «Б». По

версии Олиной бабушки, туда отсортировали «блатных и рабочих», но класс у нас оказался что надо. Мы как 1 сентября 1977-го года подружились, так до сих пор не можем угомониться.

В сортировке на «А» и «Б» меня расстроило только то, что я не смогу сидеть с Олей за одной партой.

Зато в моем классе оказались дети моих кумиров — хоккейного «Спартака» и танцев на льду. В танцах мне нравились блеск и слава, а в «Спартаке» — Александр Якушев.

Хоккей в то время любили все — от Брежнева до детсадовцев. Парни в хоккейной форме казались особенно широкоплечими, мужественными и решительными, что подтверждала песня «В хоккей играют настоящие мужчины, трус не играет в хоккей». А увидев фото Александра Якушева в газете, я полюбила конкретно его.

В моем первом «Б» оказалась дочь товарища моей любви по команде, спартаковца Дмитрия Китаева. Ленка выросла на катке — сначала в Австрии, где ее отец тренировал по контракту, а потом в том самом сокольническом ледовом дворце, который хоккейному «Спартаку» приходился тренировочной базой, а Ленке — вторым домом. Волшебный мир хоккея для Ленки был родным и домашним, а благодаря ей, и нам всем стал ближе.

В наш «Б» «отсортировали» и Киру Дубова, сына тренера по танцам на льду Натальи Дубовой. Но тогда, в 1977-м, она еще не была такой знаменитой, какой стала буквально пару лет спустя.

Увидев меня, Кира заявил:

— А я тебя знаю! Тебя приводили показывать моей маме!

Я думала, что он будет надо мной смеяться, но он больше ничего не сказал.

Десять лет спустя, уже в студенческие годы, мы с подружкой тусовались с дубовскими танцорами мужского пола. Они были наши ровесники и тренировались в том самом Дворце спорта возле парка, а мы жили рядом. Познакомил нас наш однокашник из «А», он подрабатывал в радиорубке катка.

У моей тогдашней подружки Ники случилась любовь с Самвелом Гезаляном, катавшимся в паре с юной Татьяной Навкой. Мы иногда смотрели на их тренировки из радиорубки.

Самвелу было 18, как и нам, а Тане всего 13, и партнер, бывало, орал на нее благим матом и даже замахивался. Но Ника все равно ревновала и называла Навку «канавкой». А если она падала, то «космонавкой». И тогда именно Кира Дубов сообщил нам, что его мама крайне недовольна романом Самвела с «не фигуристкой». От этого, дескать, Самвел таскается по ресторанам, нарушает режим, снижает показатели и уж лучше бы он влюбился в Навку.

В «бэшки» записали и Катьку из известной актерской семьи. Оказалось, что мы с ней даже живем в одном доме, только Катькин подъезд — крайний слева. Она гуляла в другой части двора, вот я ее раньше и не видела.

В наш длинный белый 12-этажный панельный дом в Сокольниках Катина семья, как и моя, переехала в конце 1974-го, когда наши старые дома в центре решено было снести. Сокольники тогда считались «выселками», поэтому в них отправляли в основном молодые семьи. Моя бабушка, например, с Арбата поехала в район Киевского вокзала, чтобы быть поближе к своей поликлинике. Зато у нас под боком был лесопарк и тот самый легендарный Дворец Спорта, который, так или иначе, красной нитью прошел через жизнь каждого ребенка, выросшего в Сокольниках.

С Катькой было невероятно интересно: она не просто воспитывалась за кулисами театров им. Моссовета и им. Вахтангова, где служили ее мама и папа, но, по-моему, и родилась там. К ней домой запросто приходили разные знаменитости, а ее родители были красивыми, веселыми и не занудными. Катька ставила у себя дома спектакли, набирая актеров в нашем дворе, а я по дружбе получала у нее главные роли.

В первом классе после уроков я все время торчала у Катьки, поэтому скоро познакомились и наши родители. Они тоже быстро спелись и периодически устраивали совместные вечеринки. Это были лучшие вечера и ночи! Если взрослые посиделки у нас дома затягивались, нас с Катькой отправляли ночевать к ней — и наоборот.

Когда это случилось впервые, тетя Нина, Катькина мама, отправляя нас к себе домой спать, сказала своим глубоким, хорошо поставленным актерским голосом:

— Девушки, вам повезло, что мы припозднились.

И добавила, обращаясь к моим:

— Пусть в школу завтра не идут, а то поздно уже! Ничего страшного, зато выспятся. А школа не убежит.

Тете Нине никто никогда не возражал. Даже моя мама.

Именно в мастерской тети Нининого театра перед отъездом в Тегеран моей маме шили вечерние платья. После того, как тетя Нина, бывавшая на гастролях за рубежом, заявила своим фирменным голосом:

— Ирина, ты едешь за границу! И должна выглядеть там на все сто! Шикарно — это как минимум.

В классе Катька тоже проявила себя заводилой, но с творческим уклоном. Детские проказы, свойственные нашему возрасту, ее интересовали мало. Она уже тогда зачитывалась Дюма и восхищалась интригами при французском дворе.

Кроме меня, Катя выбрала еще двоих девчонок из класса, которые не прыгали в классики во дворе и в резиночку в школьном туалете (в коридорах это запрещалось), а не по годам увлекались игрой в отношения, про которые вычитали во взрослых книгах.

Мы вчетвером стали мушкетерами: Катька — Д'Артаньяном, Женька — Атосом, Ирка Арамисом, а я — Портосом. На роль Портоса я согласилась с радостью: я вообще гордилась тем, что Катька приняла меня в свою компанию. «Трех мушкетеров» на тот момент я не читала, но по фильму знала, что Портос не просто толстяк. Он веселый, благородный, храбрый и отличный друг.

Конечно, под Катькиным влиянием я пыталась тоже почитать Дюма: собрание его сочинений стояло в рядочек у нас в гостиной среди прочих нарядных новеньких книг, полученных в обмен на сданную макулатуру. Но придворные экивоки утомили меня странице к десятой. Зато вместо них я с удовольствием проглотила «Американскую трагедию» с той же полки. Когда об этом узнала моя мама, то пришла в ужас:

— Но это же для взрослых! — воскликнула она.

— Но я же тоже скоро буду взрослой, — резонно возразила ей я. — Вот, готовлюсь заранее…

На самом деле, самое глубокое впечатление на меня произвели не «запретные» отношения между героем и его женщинами, а блистательная жизнь американского светского общества. И еще то, что между взлетом и падением — всего один неосторожный шаг.

С того момента я перечитывала этот последний роман Драйзера примерно каждые три года. И каждый раз узнавала что-то новое. Папа меня понимал, он тоже любил «Американскую трагедию». А мама ворчала, что это во мне его «дурные туркменские гены», а она в моем возрасте, как любой нормальный ребенок, зачитывалась «Детством Темы» и «Дикой собакой Динго».

В нашем 1 «Б» учились близняшки Оля и Лена, тоже артистические дети. Их мама танцевала в ансамбле «Березка», а дедушка играл в каком-то народном ансамбле. Близняшки были очень активными и тоже любили устраивать самодеятельность. Но не камерную, на дому, как Катька, а общественно-полезную, в актовом зале.

Оля и Лена были очень активными: близко к сердцу принимали все дела класса, рвались к общественной работе и имели подходящие для этого громкие голоса.

Там, где были близняшки, всегда было много шума и эпицентр чего-нибудь общественно-значимого.

К концерту 7 ноября наш класс готовил песню «Тачанка-ростовчанка». Пение сопровождалась инсценировкой, и нас поделили на медсестер, которые

поедут в тачанке, и кавалеристов, которые поскачут на лошадях. Я почему-то попала в кавалеристы.

Репетировали мы без реквизита, но ко дню концерта в актовом зале школы медсестрам велели принести белые халаты и повязки на голову, а кавалеристам — лошадей. Разумеется, не настоящих, а на палках, такие продавались в Детском мире.

— Но лучше сделать лошадь своими руками, — добавила наша первая учительница Нина Александровна.

Про лошадь мои родители узнали вечером накануне концерта. Я должна была сообщить им об этом намного раньше, но забыла. И вспомнила, только когда Нина Александровна записала время концерта каждому из нас в дневник, чтобы родители тоже пришли.

Меня коротко отругали за наплевательское отношение к общественно-важным мероприятиям и уложили спать. Несколько раз я просыпалась от шума. Мои родители чем-то шебуршали на кухне, и то переругивались, то ржали как лошади.

Утром стало понятно, что они мастерили мне коня.

Он уже ждал всадника у входной двери.

Папа не мог даже смотреть на моего скакуна, у него сразу начиналась истерика.

На палке от швабры гордо возвышалась лошадиная голова, любовно приклеенная к ней моими родителями, а до того вырезанная ими из картона. Раскрасили они ее тоже сами — моими акварельными красками. Слева моя лошадь была серо-буро-коричневой с зеленым глазом, а справа — черной с лиловым. Глаза у нее были на разном уровне, поэтому разница в цвете не так бросалась в глаза. Уши моей лошади вырезать забыли, зато усы у нее были как у Буденного, а грива как у Аллы Пугачевой — из старого бабушкиного парика.

— Ну как? — тихо спросила моя мама с неожиданной для нее робостью.

Я посмотрела на своего косого скакуна. А потом на мамины синие круги под глазами, появившиеся от того, что она всю ночь его мастерила. И мне вдруг стало жалко всех троих — и лошадь, и маму, и даже папу, несмотря на то, что он не мог сдержать смеха при виде моего коня. Но ведь он тоже корпел над ним ночь напролет, пока я мирно спала. А теперь они с мамой оба пойдут на работу, а потом на мой концерт, так и не сомкнув глаз. А что они не успели в Детский мир, так это я сама виновата.

— Отличная лошадь! — твердо заявила я и погладила ее по бабушкиному парику.

Родители облегченно вздохнули, папа взял лошадь подмышку и пошел провожать меня в школу.

Когда я вошла в класс со своим скакуном, там повисла пауза Станиславского. Потом в гробовой тишине один мальчик заплакал. Учительница испугалась, пока не поняла, что он рыдает от смеха. Через минуту рыдали все.

— Дети, нехорошо смеяться, не у всех родители могут позволить себе покупку готовой лошади, — пыталась угомонить класс Нина Александровна, указывая на кавалькаду красивых и стройных резных деревянных лошадок у двери. Родители остальных кавалеристов предпочли не напрягаться и отоварились в магазине игрушек.

Но даже она не могла сдержать улыбки, уж больно смешной была моя лошадь.

Я вспомнила папины слова про «особенную» и поняла, что снова ею стала. И в этом даже что-то есть. В конце концов, другой такой лошади ручной авторской работы ни у кого нет. Слова «эксклюзив» я тогда еще не знала, но в полной мере ощутила его значение и даже возгордилась своим конем. Особенно, когда одноклассники стали наперебой просить разрешения погладить мою лошадь по парику. На большой перемене поглазеть на моего чудо-коня сбежалась вся школа.

Я так и не призналась, что лошадь, сделавшую меня знаменитой, смастерила не я сама, а мои родители. Мне понравилась слава.

В этот роковой момент надо мной и взяла шефство близняшка Лена из ансамбля «Березка». Она решила, что человеку, соорудившему такую горе-лошадь, просто необходима помощь опытных товарищей. Лена вызвалась подтянуть меня по рукоделию, а заодно и по домоводству, да и вообще подтянуть. Обе сестры были отменными рукодельницами: в свои семь лет они умели шить, вышивать, вязать, готовить, убирать и командовать. На уроках труда наша пожилая Нина Александровна могла спокойно дремать, их вели Лена и Оля.

Я никогда не умела отказываться от навязанных услуг. Оля с Леной мне нравились, но хотела я не мастерить поделки для школьной ярмарки, а играть в мушкетеров с Катькиной компанией.

Вскоре Нина Александровна сказала, что нас будут торжественно принимать в октябрята. Для этого мы должны разбиться на звездочки по пять человек, по количеству ее лучей.

— Кто хочет стать командиром звездочки? — спросила учительница.

— Я! — одновременно сказали Оля и Лена.

Все остальные выжидательно молчали: мы еще не знали, что такое звездочка, и чем может обернуться командование в ней.

— Хорошо, — сказала Нина Александровна. — Оля и Лена станут командирами первых двух звездочек. Теперь набирайте в свои звездочки ребят и раздавайте им октябрятские поручения.

С этими словами учительница выдала Оле и Лене по пять круглых значков с наименованиями должностей. Обе сразу гордо нацепили на себя значки с большой красной звездой и надписью «командир». А остальные значки внимательно изучили и сложили перед собой кучкой.

— Я первая набираю людей! — звонко объявила новоиспеченный командир Лена. — В моей звездочке будешь ты, ты, ты и ты…

И Лена ткнула в четверых, кто поступит к ней в подчинение безо всякого своего на то согласия. Второй из них была я.

Я до сих пор не знаю, зачем добрая Нина Александровна избрала такой недемократичный способ деления на звездочки. Вообще-то я хотела оказаться в одной звездочке со своими подружками Катькой, Женей и Иркой. А Лена набрала под свое начало тех, с кем дружила она. А меня прихватила, видимо, из жалости — чтобы не бросать в беде человека, не умеющего нормально смастерить лошадь.

Не успела я прийти в себя от столь неожиданного поворота в моей судьбе, как Лена объявила, что я назначаюсь цветоводом-озеленителем. Выдала мне круглый значок с изображением кактуса и велела сейчас же прикрепить его к фартуку.

Отныне моей обязанностью стало поливать все цветы в классе. Не могу сказать, что это было сложно. Но я очень расстроилась. Дело было не в цветах и не в личности активистки Лены, а в чем-то ином. В семь лет я не знала, как сформулировать свое возмущение тем, что меня не спросили, с кем я хочу быть и что делать.

После того как Лена и Оля избрали себе подчиненных тоталитарным методом, прочие разбились на звездочки по остаточному признаку. Катька, как я и предполагала, возглавила звездочку, куда вошли Женя и Ира. А вместо меня и на еще одно вакантное место они взяли двух парней и были крайне довольны.

С тех пор каждое утро, просыпаясь, я первым делом вспоминала, что я не в той звездочке, и у меня портилось настроение. И ладно бы это деление было чисто условным и сводилось к поливке цветов под начальством Лены, но ведь нет! Звездочками мы делали много чего — готовили на труде, дежурили на уборке класса, готовили выступления на школьных мероприятиях и поделки для учителей на праздники…

Вся моя школьная жизнь оказалась накрепко связана со звездочкой и ее громогласным командиром Леной. Я не умела противостоять насилию над своей октябрятской личностью, поэтому избрала путь тихого саботажа. Например, когда Лена издала указ, что дни рождения мы теперь тоже должны праздновать звездочками, я быстренько прикинулась больной. Мне хотелось

пригласить на свой день рождения не звездочку во главе с командиром, а Катьку, Женьку, Ирку и соседку по подъезду Олю. И разыгрывать с ними сценки из адюльтера французской королевы с английским королем, а не печь пирог из банановых корок, чему в качестве подарка собиралась обучить меня командир Лена прямо в день рождения.

Наш отъезд в Тегеран разом прекратил все мои мытарства по кружкам и по общественной линии. И мое тщеславие дремало на тегеранском солнышке — вплоть до концерта самодеятельности, в котором мне отвели роль умирающего лебедя.

Александр АРГУТИНСКИЙ-ДОЛГОРУКИЙ

ИЗ КНИГИ «ХРОНИКИ И ПЕЙЗАЖИ МЫШЛЕНИЯ»

23 ноября

Михаил Евгеньевич Скорняков — житель соседнего дома. Коренастый, одноногий, с окладистой бородой, казался старше своих шестидесяти пяти лет, походил на волшебника. Познакомились с ним года два назад, обсуждая автомобильные проблемы. У него было старое инвалидное авто, которое собирал и разбирал время от времени. Говорил он громко, не стесняясь улицы. Светился несокрушимой радостью, несмотря на инфаркты. Сразу понял: передо мной один из пресеченных жизнью русских оригиналов, талантливых поведением, направленностью ума. Я не ошибся. Был он давно на пенсии, куда ступил с должности главного экономиста министерства.

То, что узнал, — поразило. Двадцать лет отдал он переосмыслению человечества, связывая судьбу с неодушевленной и одушевленной активностью космоса.

Погрузившись в древние и средневековые источники, выяснил, что халдейские маги были посвящены в тайны пребывания инопланетян на Земле. Календарь магов трактует события давностью в 460 тысяч лет. Именно тогда инопланетяне вступили в прямой контакт с землянами. Тайну эту и почерпнутые знания маги зашифровали, чтобы пользоваться знаниями, как властью.

Столь же самобытен был Михаил Евгеньевич в определении истоков общественности. Он подразделял людей на гомозиготных эгоистов и гетерозиготных альтруистов. Это неравенство считал основой общественного расслоения общества, которое неискоренимо, но может быть использовано и направлено обстоятельствами к справедливости.

Он убежден, что без коммунизма, примиряющего гомозиготных и гетерозиготных, мир развиваться далее не может. В этом следует убедить капиталистов — представителей гомозиготного эгоизма.

Жизнь Михаила Евгеньевича необычна. С молодости отличался большой физической силой, участвовал в отлове тигров.

— Это очень жутко, — рассказывал он. — На тебя, сверкая яростными, умными глазами, несется мощь. Мы валили его рогатинами, одномоментно прижимая четыре лапы. Каждую лапу еле удержишь, навалившись.

— С чем можно сравнить? — спросил я.

— С чем? Пожалуй, с автобусом, если бы был разумен.

— С автобусом? Это не так страшно.

— Тогда с электровозом.

— Да, это жутко.

— Жутко, когда на тебя валится громадина. В молодости я держал пари, что смогу отвернуть парусник в двадцати метрах от броненосца. С броненосца сигналили. Думали, не вижу. Чего стоило не отвернуть раньше!

Разговор вернулся к тиграм.

— Был свидетелем такого случая, — улыбался Михаил Евгеньевич. — Видел схватку в комнате между тигром и гигантским английским мастифом — собакой величиной с крупного телёнка, силой намного превосходящего дога. О силе мастифа вот что расскажу. Как то мальчишкой играл я у пруда с пастушьим мастифом. Вдруг слышу крик. Обернулся, за моей спиной бык роет землю. Мастиф обежал быка схватил его уши и остановил.

Так вот. У одного русского купца в Таджикистане жила прирученная тигрица. В другой части дома — мастиф. Однажды в гостиную залу привели тигрицу показывать гостям. Мастиф почуял ее и, сломав перегородку, ворвался в комнату. Двумя молниями они метнулись друг к другу, стали на задних лапах, балансируя. С огромным трудом тигрице удалось подмять мастифа, и они рухнули на пол. Тогда хозяин приказал служителю заколоть тигрицу.

— Как он это сделал, — спросил я?

— Поднял тигрицу и ударил кинжалом в бок. Мастиф стоил очень дорого.

— Как же смог поднять тигрицу, за шиворот?

— Да, дело известное. У шахов в свите были телохранители, которые должны были расправляться с бунтующими тиграми. Сильных людей в народе было немало. Помню, у нас в деревне был конюх. Молчаливый, любящий лошадей. Он предупреждал нас, ребятишек, чтобы мы никогда лошадей не били. Если застрянет воз, бежали к нему. И вот воз застрял однажды в мокрой глине. Пришел конюх. Осмотрел — не били ли? Потом нарвал лапника, подлез под воз, вырвал из топкой глины передок и попросил мальчишек, чтобы они подложили лапник. Потом проделал это с задними колесами. После чего выпряг лошадь, сказав: «Что бы ты делала, если бы не я?» Обмотал оглобли ремнем, навалился телом, вытащил на песок.

Вообще у Михаила Евгеньевича была целая теория силы.

— Когда то, — говорил он, — в древности сила выделяла, ставила над другими. Так выделилась вполне естественно владеющая мечом военная аристократия — силой! Я пробовал поднять двуручный меч, не смог!.. Это я — одарённый силой от природы. Что говорить о других, обыкновенных той эпохи, которые и весили меньше, и питались гораздо хуже.

— Полагаете, легенды о богатырях повествовали о живых людях? Живых, в смысле живших в действительности?

— Безусловно. Ильи Муромцы были. Такой витязь один мог совладать с десятками простых воинов. Аристократия была отобранной по этому качеству. В детстве я приятельствовал с бароном Мантейфелем. Он обладал чудовищной силой. Это результат направленного отбора. В народе одарённых сверх меры — 5 процентов. Важно их выявить и сгруппировать. В восточных деспотиях монархи культивировали кровосмесительные браки. В течение столетий браками сочетались братья и сестры — те из них (это ясно сейчас), чьи летальные гены были подавлены. Для всего народа такие браки губительны, так как генные неполадки нарастали бы. Но здесь была настоящая генная инженерия. У монарха был генофонд в виде потомства, произведённого от гарема, которое могло превышать тысячу душ. Наследовали лишь дети, рождённые от кровного брака. Так, видимо, обстояло дело с концентрацией умственных сил у египетских жрецов. Эксплуататоры всегда пользовались этим, ставя по существу талант народа под свой контроль.

26 ноября

Михаил Евгеньевич явно отличается от умствующих героев моего повествования, как Гиляровский от бескровных обитателей писательского союза.

Всё, что читал моего, — хвалил и отвергал тут же.

— Как хорошо написано. Короткие, точные фразы. Но зачем все это? Вы отвлекаетесь от главной задачи — борьбы с эксплуататорами. Разве можно в одном ряду ставить Демокрита и Пифагора? Пифагор — человек вредный, затуманивает разум. А Платон? Социальный реакционер, мракобес! Ваша семиотика — надувательство! Если это философия, — ничего не стоит. Если наука — чепуха!

Слушая его, внутренне радовался.

— Михаил Евгеньевич, может ли быть неистинным хорошо написанное?

Он засмеялся.

— Может! — воскликнул, — Если видно, что способен писать лучше, — может!

— Благодарю Вас. Но семиотика пока — единственная форма, в которую может облечься гуманитарное размышление. Это не только жаргон. Это и некоторая мощь. В борьбе с жаргоном мысль окрыляется, обретает подвижность. Бесплодность, приносящая плоды!

Но все это говорю, скорее, для подбодрения духа.

Под спудом чахнут, а не воспаряют. Правда, не все и не всегда. Здесь тоже свой закон.

Я убеждал его опубликовать в семиотической форме доказательства пребывания инопланетян и их роли в нашей цивилизации. Колебался, но мои статьи взял. Возражение сводилось к тому, что не хочет обнародовать отрывок до того, как завершит общую теорию космического поведения, которую определял, как космический коммунизм. Он хотел, чтобы я, как писатель, помог ему. Но я отказывался делать это раньше, чем он опишет, хотя бы кратко, доказательства. Сказал — это важнейшее. Такое доказательство за какие нибудь сто-двести лет изменило бы сознание человечества, а стало быть, социальные отношения, подействовало бы решающим образом на реальность и будущее.

Поверил? Думаю, нет.

Владимир КВАШНИН

КОГОТЬ МАНАРАГИ

(таёжная быль)

До зимовья оставалось уже всего ничего, но Алексей все одно налегал, понимая, что буквально через десять минут декабрьская ночь плотно захлопнет свои черные челюсти вместе с ним и его родимой тайгой. Оттопав за день порядка двух десятков километров, он понимал, что силёнок у него осталось не так уж много, оттого и выкладывался по полной, чтобы успеть засветло. Огонёк — его наиглавнейший друг и помощник, карело-финская лайка, — где-то впереди, а скорее всего наверно уже грызёт любимую кость под крыльцом, однако он не сердился, понимая, что собакам на промысле достается куда больше.

Неожиданно в полной тишине, сдавленный собачий всхлип окатил Алексея ушатом холодной воды. Срывая с плеча двустволку, он ринулся вперед. Буквально в долях секунды, как на застывшем кадре, Алексей увидел меж заснеженных деревьев огромного белого полярного волка, на загривке которого маленьким рыжим галстуком, болталась собака, его Огонёк и… всё. Проломившись в горячке ещё десяток метров через плотный ельник, он понял, что ничего уже не изменит, никого не догонит и никого не спасёт. Размазывая по лицу горький пот, а скорее слёзы, Алексей вернулся назад.

Угрюмым молчанием в полной темноте встретило его родное зимовье. Затопив печь, он на автомате поужинал, и, борясь, с накопившейся усталостью, в полном раздрае чувств упал на нары. А вроде всё так классно начиналось. И с вертолетом всё сладилось, и соболь в капканы идёт, и была полная уверенность, что к Новому году он вернётся домой с полным рюкзаком пушнины. Что за напасть сегодня свалилась!? Нет для промысловика горя сильнее, чем остаться посреди сезона без помощника — собаки. Эх, Рыжик, Рыжик, на своей груди вынянчил… Царствие тебе небесное. Однако слезами горю не поможешь, и работа, а это семь 15 километровых путиков, не ждёт. Отмаявшись без сна и отдыха всю ночь и, поднявшись, как обычно, ещё

затемно, он покормил у крыльца ещё одну собачку — четырехмесячного щенка Громика и вышел на лыжню.

Декабрьский рассвет, словно через силу приподнял на горизонте своё хмурое веко, разглядывая его, и, словно узнав, тут же уронил, оставив лишь маленькую щель, да и то ненадолго. Далёкая Манарага, грозя небесам, всё так же тянула свою каменную когтистую лапу. А еле слышное рокотание сходящих лавин говорило, что она так и не смирилась со своим заточением в недрах Приполярного Урала…

Каково же было негодование Алексея, когда в четвертом капкане не нашел даже лапки соболя, — он был начисто съеден волком. Нет, не росомахой, уж он-то разбирается в следах, а именно волком. О таком беспределе он даже и от стариков не слышал. Ладно бы росомаха или рысь. А тут — полярный волк! И Алексей всем своим нутром понял, что впереди у них будет схватка не на жизнь, а насмерть и кто победит, только Богу известно. В следующем капкане не было даже приманки, а «нулёвка» прихлопнутым воробьём валялась под жердочкой. И со следующим капканом была та же картина. В удрученных чувствах он не спеша тащился обратно, когда, ещё издали, услышал истошный вой щенка.

То и спасло Громика, что он был щенком, а не взрослой собакой и лапа волка просто не смогла до него, забившегося под вмёрзшие брёвна крыльца, дотянуться. Пришлось Алексею на ночь взять его в тепло, что настоящие промысловики никогда не делают. Несколько раз посреди ночи щенок начинал заполошно взлаивать, уставившись на дверь. Алексей брал фонарик и с ружьем выходил наружу. Всё та же тишина и напряжение встречали и провожали его. Уже неделю, как по замкнутому кругу, он ходил по своим путикам, находя повсюду разор. Щенка он держал при себе, на глазах, и водил с собой на длинном поводке.

День за днём он возвращался в зимовье с пустым рюкзаком. Сегодня после ужина, Алексей вскипятил новый чайник, заварил его доброй горстью тридцать шестого, сел за стол и стал думать — что делать? Что?! Или выходить через три дневных перехода в Саранпауль с пустым рюкзаком к не ждущей его семье или… Сколь не ломал себе голову, он так ничего и не мог придумать. Волк даже шанса на выстрел ему не даёт, он его, кроме как следов, ни разу с той первой встречи и не видел. В лампе уже заканчивался керосин, но Алексей, так ничего не и придумав, прилёг и незаметно уснул.

Шуршали по углам счастливые мыши, посапывало поддувало печки, в окно на него холодно и безучастно смотрела круглолицая луна, и только старое зимовье по матерински тихо вздыхало, не зная, как и чем ему помочь…

— Лёшка, вставай! Ты что разоспался-то!? А ну-ка одеваться и пулей во двор, я уже Серко давно запряг, поедем, как вчера договаривались, капканы проверим…

— Батя? Батя!? Так.

— Что так? Если хочешь настоящим мужиком вырасти, ты должен всё в жизни уметь — и на медведя с рогатиной, и карася за хвост.

Из-под копыт Серко в его лицо летели снежные льдинки, екала селезёнка мерина, а отец, укрывая Алексея полой своей шубы, на ходу учил его премудростям капканного лова лис, в части которого он был первым докой на деревне. Но всё, что он рассказывал, как залетало в ухо Алексея, так и вылетало, единственно, что он запомнил:

— А если возьмёшь капкан «семёрочку», так и с полярным волком управишься!

Закончил отец, подтыкая под ним свою волчью шубу…

Очнувшись Алексей, как будто воочию увидел давно умершего отца — Александра Нестеровича. Он, как и всё его послевоенное поколение, почему-то быстро и незаметно ушел... Досталось им… Эх, батя, батя, я уже сто раз пожалел, что пренебрегал твоей наукой. Сейчас бы спросить, посоветоваться. Кажется, вот он — локоток, а не укусишь… Разве интересны мне были твои байки, когда в клубе ждала Любушка-голубушка, яблочко моё наливное… Это уж после армии тяга к охоте появилась, но тебя уже и в живых не было…

Погоди, а что он про семёрочку-то мне сказал? Погодь, так ведь есть у меня этот, ещё дедом Нестором капканчик кованный!

Люди часто и сами не понимают, откуда им порой приходят знания, но в какой-то миг это происходит и память снимает свои замки-печати. Где-то в подсознании он уже знал, что и как надо делать, чтобы выиграть схватку.

Два дня он ходил по своим разоренным путикам, искал волчьи мочеточки и собирал в полиэтиленовый пакет желтые льдинки. Два вечера из подходящей осины он выстругивал ножом полутораметровую ложку — лопату. А потом, уже днём на улице, раз за разом, взявшись за кончик ручки, делал подкоп под застывшим следом щенка, ставил там взведенный капкан и, отходя, маскировал его до тех пор, пока с трех метров и морщинки не было на снегу. Так день за днём он оттачивал своё охотничье мастерство.

«А волк-то, сына, как лиса, как и любой хищник, никогда не остаётся дневать рядом с местом, где кормиться. Уходит в самые далёкие крепи, вот там, оставив свою осторожность, спокойно и отдыхает. Только единственное чувство, — чувство голода заставляет его выходить опять на свою тропу»…

Главное, что сейчас выделил Алексей из отцовского монолога, это было слово «тропа». Да! Ну конечно же, у его противника она должна обязательно быть. Вот её и надо найти. Это на подходе, за три-четыре километра, он начинает осторожничать и нарезать по тайге, путая след, кренделя всякие, а где-то там, дальше, глубже в тайгу, у него должна быть эта тропа.

Уже сносно наловчившись работать лопаткой, зная, как и каким снегом лучше маскировать подходы и отходы к месту установки, Алексей не упустил и выпавшего ему шанса — обильная пороша, лёгкая и объемная, как пух гагары, выпала прямо под утро.

Одевшись как можно легче, он положил в рюкзак всё необходимое, закинул за спину Ижевку и отправился на место предстоящей схватки, которое выберет именно он, а не его противник. Отойдя от зимовья порядка 7 километров, Алексей стал по кругу обходить зимовье. И вот она — набитая волчья тропа, по которой хищник еженощно ходит к нему на разбой. Осторожно продвигаясь вдоль неё, Алексей подобрал место, где, выйдя из-за высокой кочки, можно без особого труда незаметно установить под след капкан и так же отойти.

Он достал калёный дедов подарочек, перекрестился, надел чистые холщовые рукавицы и стал тщательно натирать капкан волчьими желтыми льдинками. Упираясь в дужки ногами, Алексей взвёл капкан, подправил чуть капроновые симки и осторожно положил на снег.

Взял свою лопатку, крупными шагами подошел из-за багра к следу и вырыл под ним пещерку. Потом не спеша, осторожно стал подрезать снизу ножом застывший «стаканчик» следа, пока сверху не увидел мутное мельтешение лезвия. Сходил за капканом, установил его на сучках-палочках, чтобы не примёрз, и, отходя, лопаткой стал маскировать свой след, приглаживая неровности и посыпая свежей порошей, взятой со спины.

Когда он встал опять на лыжи и со стороны осмотрел свою работу, то подумалось: «А батя бы, наверное, похвалил…» Настолько качественно, что с двух метров не заметишь и складочки на снегу. Привязав к березе тросик от капкана, он отправился назад.

Таких лютых морозов уже давно не знала Югорская тайга. Такой треск по лесу стоит, что упаси Господь попасть где в дороге под его жесткий замес.

И сколько добрых слов благодарности наслушались две старые подружки за эти дни от молодого охотника. Печурка аж зарделась по девичьи, а старушка-зимовьюшка от похвал только ахает да охает, да стыдливо окошко своё белым платочком изморози промокает. «Ну как же вас не хвалить, родимые вы мои. Ближе вас, моих спасительниц, сейчас и нет у меня никого,» — ласково наговаривал Алексей, подкидывая очередное березовое полешко.

А в далёком заснеженном урочище одинокий волк, подняв к свинцовому небу рваное ухо, прислушался и, втянув изуродованным носом морозный стылый воздух, глубоко вздохнул. Нет, это не лось кормится, ветки с треском бесшабашно ломает, это мороз-батюшка явился, ходит по лесу барином, да деревья наотмашь хлещет — забавляется. В брюхе у него заурчало, он хотел потянуться, но пронзительная боль в спине тут же заставила его упасть на колено. Да, старость не радость. Интересно, а у этих, у двуногих, как они со своими стариками? Наверное, до самой смерти дети заботятся и ухаживают. Люди же как-никак не мы, волки безродные….

Он вспомнил свою последнюю схватку с молодым соплеменником. Нет, он не был вожаком, он просто был верным спутником волчицы, которая и держала всю стаю. Однако на этот раз она не заступилась за него, когда дорогу к ней ему перегородил молодой и сильный.

Всю осень он скитался, пробавляясь то зазевавшимся зайцем, то глухарем. Трудно волку выжить в одиночку, практически невозможно. Доходило до того, что только полёвка и была на обед. Но это ещё куда бы ни шло. Беда случилась, когда он попытался отжать у зазевавшейся лосихи телёнка. Видно действительно стар стал, и реакция не та, вот и получил копытом по спине, да так, что чуть волчьему богу своему душу не отдал. Как увернулся от других ударов, и сам не знает. Еле уполз. А снегу с каждым днём всё прибавляет, добывать всё труднее, да и почти некого, а кто и встретится, уже не по зубам.

«Нет, действительно этот совершенно случайно встреченный одинокий охотник со своими щедрыми подношениями для меня сейчас подарок судьбы. О собачатинке, конечно, я уже и не заикаюсь, хотя у него и вторая попискивает, но кусочки мяса на лыжницах мне постоянно оставляет, добрый видать, это хорошо, глядишь, и до весны дотяну…» Размышляя, волк трусил по своей давно им набитой тропе.

Такого ужаса он не испытывал со времен своей молодости, когда зависший над ним вертолёт хлестал свинцовыми плетями в сантиметре от него. Наверное, стрелок накануне полета перебрал лишку, оттого его руки ходуном и ходили, и… слава Богу. Но то, что сейчас ударило его по ноге, было в сто раз страшнее и больнее, потому что — неожиданно. Страх и ужас бросали его на двухметровую высоту, осколки клыков отлетали от каленой стали, но невидимый в темноте трос не позволял ему глотнуть прежней свободы.

Выбившись из сил, он свернулся клубком и, скуля, стал осторожно лизать зажатую лапу. Полная луна, усмехаясь, равнодушно смотрела на его мучения, а мороз всё туже и туже стягивал его тело своими железными оковами. У него уже не осталось ни сил, ни желания бороться за свою жизнь. В очередной

раз, лизнув зажатую в железных челюстях лапу, вдруг осознал, — он её не чувствует. Из последних сил волк поднял проклятый капкан и ударил его о лёд, и железный враг вместе с его отмороженной лапой отлетел далеко в снег.

Свобода!!! Как же она сладка, когда ты молод, здоров, полон сил и надежд. А сейчас? Уходить. Куда? Что его, трехного, ждёт посреди лютой зимы? Смерть… А этот, кому я поверил? Нет, если уж умирать, то только вместе. Так будет справедливо. За предательство надо платить. Да, я старый и немощный, а сейчас к тому и калека, но он ещё и не знает, что такое настоящий охотник. У меня, даже мертвого, хватит сил сомкнуть челюсти на его горле…

Неуклюже припадая на переднюю ногу, волк шел в ночи под хохочущей луною по лыжне врага к его теплому жилищу, на каждом кусту ощущая его, предателя, запах.

Из последних сил он доковылял до высокого снежного бугра, идеально подходящего для засады, спрыгнул в сторону, обошел сбоку, и притулился к его тёплому снежному боку.

Холод, голод, жизнь, смерть — всё это теперь не имело ни какого значения. Месть, сладкая, как запах текущей волчицы, были единственным источником силы умирающего зверя.

— Что ж с тобою делать-то, а, Громик? У зимовья не оставишь, внутри — набедокуришь.

Думал Алексей, собирая рюкзак. Мороз ночью ослаб, потеплело, да и любопытно — отвадил он волчару или опять у него все путики пусты.

— Ладно, чертяка, будь по твоему, но только сзади и на верёвочке!

Обрадовал Алексей щенка своим решением. Привычно загнал в стволы картечь, бросил за плечи рюкзак, следом ружье, и маленькая компания под истошный крик ронжи отправилась на промысел.

Ничего не предвещало грядущей трагедии. Выглянувшее всего на полчаса декабрьское солнце сладко щурилось, осматривая таёжные дали. Где-то робко пискнула оттаявшая синица, ей ответила другая, и опять тишина, только шуршание лыж, но в воздухе была какая-то напряженность, по крайней мере, Алексей её чувствовал и понимал, что развязка близка, но даже и представить не мог насколько.

Они и отошли-то немного, чуть больше полукилометра, когда сзади истошно заголосил щенок, и он, с разворота, вскидывая ружье, уже был готов к выстрелу. Но скорее всего он и не успел бы его сделать. Передняя нога, на которую волк в момент прыжка перенёс всю тяжесть тела, в какой-то момент подвернулась. Как подрубленный, он упал в ноги охотника, и Алексей, не раздумывая машинально нажал спусковой крючок.

Где-то с воем улепетывал по лыжне щенок. После грохота выстрела в ушах звенела оглушительная тишина, а волк, затухающим взглядом, в упор смотрел в глаза Алексея. В какой-то миг из его глаз стекла слеза, потом вторая. И вдруг, неожиданно даже для него самого, он протянул руку и положил её на голову старого волка. Из последних сил зверь приподнял её и… лизнул ладонь человека. После чего ткнулся мордой в снег и затих. Алексей медленно закрыл ему глаза и положил его израненную одноухую голову себе на колени. Так он и сидел, не в силах ни встать, ни уйти. Вкус его победы был настолько горек, что он, не зная сам почему, неожиданно заплакал. Взахлёб, как плачут дети. Есть слёзы счастья, есть — горя. А есть вот такие — слёзы очищения.

В эти минуты его жгуче мучил только один вопрос — почему зверь, умирая, лизнул ему ладонь, а не отхватил руку по локоть? Было такое чувство, словно смерть он принял, как избавление. А может это действительно так? Или причина в чем-то другом? Может, даже такой хищник как волк, дикий зверь, знает и понимает, что такое одиночество. Если да, то что чувствует человек, брошенный и забытый на старости лет людьми и Богом?

А ведь действительно, сколько таких стариков у нас сегодня доживает свой век по всем русским деревням и сёлам? Как-то сами собой мысли Алёши перескочили на своих родителей. А ты сам, часто ли радовал их вниманием? А когда ты к отцу на могилку последний раз хаживал? А к маме? И что — у сестры живёт, за границей? Так горько и стыдно Алексею никогда ещё не было.

Что-то не так и не то он делает. Да и живёт неправильно. Хоть ты всех соболей перелови, и всех лис в округе, охотой никогда богат не будешь. Это ещё отец говорил. Может, так оно и есть? Может, в погоне за призрачным охотничьим счастьем я упускаю что-то важное? А подумать, так вроде и руки из нужного места растут, и с топором, и с рубанком дружен. Неужели я себе работу в селе не найду? А звери — что? Пусть себе живут, волей дышат, пока есть силы, здоровье и… молодость.

Он гладил на коленях остывающую голову зверя, смотрел на далёкую Манарагу и как-то внутренне перерождался.

Что казалось важным и необходимым ещё час назад, сейчас выглядело пустым и ненужным. Есть у человека в жизни главное, и есть второстепенное. И главное — это все-таки внимание к родителям, жене, забота о детях, о близких и дальних. Успеть за свою жизнь сделать добра столько, чтобы потом, когда наступит срок, и умирать было не стыдно. Ежедневно радоваться от общения с окружающим его миром, и что, наверное, самое-то главное — чтобы

мир ему радовался… И многое, многое другое, которое раньше он считал второстепенным, в одночасье стало самым главным в его жизни. И даже неяркое поздне-декабрьское солнце, словно поддерживая Алексея в его рассуждениях, дружески подмигивало ему сквозь густые кедровые ресницы.

Выкопав яму под широкой юбкой старой ели, Алексей опустил в неё волка и, перемежая еловыми ветками, засыпал снегом. Постояв над могилой, он побрел в зимовье. За три последующих дня Алексей оббежал все свои путики, посдирал с жердочек капканы и утром четвертого дня, простившись с родным зимовьем, пошел, обходя полыньи и продухи, вниз по заснеженной реке Хулге домой, в далёкий Саранпауль.

Так они и скрылись за дальним поворотом. Впереди — Человек, без ружья, с тощим рюкзаком за плечом и березовой жердочкой в руках, а следом, весело подпрыгивая и лая, бежал щенок.

Виктор ЧЕРНЯК

БОЛЬШОЙ ЛЮБИТЕЛЬ ПИВА

Удивительное было время, во всей стране продавали два сорта пива — «Жигулевское» и «Пива нет». Второе — чаще.

— Ага, привезли, — говорил Слава, не поднимаясь со стула.

Во двор въезжал грузовик, тащил на двухколесном прицепе желтую цистерну — «пиво». Огромного роста — под два метра и такой же в талии, ну немного меньше, тридцатилетний инженер Слава заполнял собой комнату. Когда он вставал со стула, в комнате становилось темней. Вечно у него проблемы с ремнем к брюкам: покупал два и сшивал их крепкой ниткой или даже проволокой.

Руководитель группы маленький седенький Геннадий Петрович тихо трудился за двоих, выполнял внешние связи — с директором и с другими группами, защищая проекты перед заказчиками. Возвращался на свое место и принимался за очередное поручение. Других сотрудников в группе не было. Они работали на втором этаже. Слава посмотрит на начальника, обидится, что тот все сам да сам, и опасается, что Геннадий Петрович поручит ему чего-нибудь сделать. Слава жаждал работы и опасался.

— Уже? — бормотал Геннадий Петрович, не отрываясь от расчетов. Слава не понимал своего равнодушного начальника. Что значит — «уже», он едва дождался, могли вообще не привезти цистерну. Долгое время пиво было только разливное, бутылки появились потом, стало легче жить.

Ни про какие бирдекели, галстуки и прочие атрибуты Слава не слыхал. Он был простым потребителем пива. Другое дело — бокалы с ручкой, но это по выходным. Потом нефильтрованное почему-то переехало в пакет. Оно оставалось самым ходовым и продавалось из танков дображивания. Может быть экономичнее, предположил Геннадий Петрович, и Слава распространил

это предположение в клубе по интересам, то есть среди таких же любителей в очереди у цистерны.

Слава звонил Павлу, молодому инженеру, работающему в соседней комнате.

— Понял, — моментально отзывался Павел и звонил на третий этаж.

Павел осторожно открывал дверь, шепотом здоровался с Геннадием Петровичем. У Славы под столом стоял большой коричневый портфель без перегородок, Слава передавал Павлу портфель и деньги. В любую погоду Павел бежал на улицу. От дверей дома быстро прокладывалась тропинка в снегу. Слава смотрел во двор: мало ли что может произойти, например, Павел директора встретит и тот спросит: ты куда в рабочее время? Или вдруг Павел заговорится с дружками и пиво закончится.

В огромный портфель вмещалось ровно три алюминиевых бидона с крышкой или двадцать бутылок — проверено. Пиво долгое время было только разливное. Потом стали завозить в магазин бутылки. Одну бутылку Слава вручал Павлу — за труды. Слава угощал всех, кто заходил в комнату, и люди злоупотребляли его добротой, приходили как раз вовремя. А за глаза посмеивались над своим благодетелем, как только ни называл ли: пивохлеб, пивнюк, пивец, пивосик, пиволюб, пивун, пиводуй, — по всякому называли, неблагодарные. Конечно, если рядом не было Геннадия Петровича. Про Славу всякие байки рассказывали. Говорили, например, будто однажды Слава «хорошо попил пива», пришёл домой и не смог открыть дверь. Заснул под дверью, оставив ключ в замке. Утром жена не может открыть дверь и стучит. Слава открывает один глаз. «Кто там?» — «Это я, твоя жена». — «Иди туда, где всю ночь таскалась. Не пущу».

Однако все это выдумки, никакой жены у Славы давно не было. Шуток про пиво он не любил, обижался.

Огромный Слава выпивал до вечера, не сразу конечно, девять или восемь бутылок, то есть всего литра четыре, а в конце рабочего дня, перед уходом домой, выпивал полстакана водки — это обязательно, ни с кем не делился. Больше не мог, чтобы не опьянеть. Тщательно закрывал бутылку какой-то специальной пробочкой и аккуратно устраивал ее в портфеле — на ужин.

Приезжали, бывало, в командировку начальники отделов или главные инженеры далеких институтов.

— Надо, — говорят Геннадию Петровичу, — скорректировать проект.

Пока Геннадий Петрович вникает в чертежи, Слава многозначительно смотрит в окно.

Известность о Славе распространилась на большое расстояние, равное почти всем странам далекой Европы, в которой Слава никогда не был. Ин-

женеры уходили за пивом — какая ж это взятка, так, мелочи, знак уважения. Добродушный Слава со всеми на «ты», его все знали. С ним можно быстро делать дело, не то что с Геннадием Петровичем, — с тем быстро не договоришься, начнет вникать, задавать вопросы.

На Сахалине они давно работали вместе в проектных институтах, — большой Слава и маленький Геннадий Петрович. Слава много думал, поддерживая голову кулаком, шевелил толстыми губами и даже ушами. Слава хорошо помнил все города и поселки, где какое было пиво.

Геннадий Петрович трудился за двоих — считал, писал пояснительные записки, ходил к начальству. Его тоже знали в стране, уважали.

Их трудовые дороги то расходились по стране, то снова пересекались. Наконец они стали неразлучны. Слава был надежным бездельником — помогал по хозяйству. Геннадий Петрович знал: в случае чего можно исчезнуть хоть на весь день, Слава прикроет, скажет: «Он вышел, щас вернется». Положит перед собой лист бумаги и как бы работать начнет. Да хоть три дня. А если надо шкаф переставить, телевизор втащить на этаж или окна вымыть, Слава незаменим, даже за продуктами на базар пойдет, когда жена Геннадия Петровича приболеет или просто в плохую погоду. Сослуживцы Геннадию Петровичу завидовали, говорили «Ваш Санчо». К Геннадию Петровичу он привязался, в очереди за пивом рассказывал о нем, говорил: «Ну! Геннадий Петрович! Это человек! К нему все обращаются!»

На Сахалине не хватало специалистов — нефтяников и газовщиков, Геннадий Петрович, бежал из родного Грозного, устроился на работу в проектный институт, а через месяц в институте появился неизвестно откуда огромный Слава. Его взяли на работу. Геннадий Петрович пошел к директору и Слава получил комнату.

Слава сказал, что пиво — это его любовь старая и единственная. В 80-х, как известно, с пивом начались перебои. Слава встревожился, он тогда первый понял, что в стране намечаются исторические перемены.

Когда исчезло бутылочное пиво, производительность труда резко сократилась. Стало появляться пиво в бумажных пакетах. А потом появилось — в небольших бочонках и банках, видно, где-то люди были обеспокоены, заботились о человеке. Слава сильно расстраивался. Но успокаивал себя, делать нечего — люди ко всему привыкают, рассуждал он. Узнал, как-то, что для начальства в специальный буфет привозили чешское пиво. Не «Жигулевское», но все же. Слава научился унижаться, не только говорил «здрасте», но и немного пригибался, это при его-то росте. Даже в шахматы проигрывал, когда оставались после работы. Бесхитростный Слава немного хитрил, проигрывал,

чтобы начальник радовался. Играли и понемногу выпивали. Слава блаженствовал. Ну и что — жена, ну и что — уехала. Зато на работе его ценят.

Геннадий Петрович не переставал удивляться: как он может столько поглощать пива? Но пьяницей Слава не был, это тоже удивляло.

И все-таки однажды они расстались. Геннадия Петровича пригласили на работу в Москву. Слава оказался в Саратове. Там с «Жигулевским» проблем не было. Старые сослуживцы иногда собирались в Сургуте. Вспоминали: «Славу помнишь?» — спрашивал Геннадий Петрович. «Это который — пиво?» Так его и запомнили.

Переехав в южный город к морю, пенсионер Геннадий Петрович рассказывал случайному знакомому: «Был у меня товарищ, друг, можно сказать, — большой любитель пива. Давайте посидим, я вам расскажу о нем. Здесь пиво “живое”. Вы как?»

В городском парке или на пляже они встречались снова и Геннадий Петрович, позабыв, кому рассказывал о Славе, опять принимался рассказывать о нем, большом любителе пива.

— А что, — говорил Геннадий Петрович, — пиво лучшим изобретением последних тысячелетий можно считать.

Подозревая, что ему не верят, Геннадий Петрович, сидя в соломенной шляпе под навесом в тени, глядел на море, вспоминал минувшее:

— Настоящие ценители, — говорил он, — посвящали ему стихи, песни и даже объединялись в клубы. Вот представьте: вы на пикнике, вокруг природа, птички щебечут, в руке бутылочка холодного пива — идиллия, одним словом. Есть что вспомнить.

Его не понимали, думали — шутит.

А Слава бы понял.

ДОЖДЬ

— Кажется, мы вашему сыну не нравимся? — сказала Дина.

Весь месяц шел дождь. Легкий, грибной, в лужах на дорожках плавали пузыри. В лесу стоял дивный запах — хвои, грибов, смолы. Резвились белки.

Гуляя по городку, они заходили в маленькое стеклянное кафе. Женщина медленно вдыхала забытый аромат кофе, девочка играла разноцветными шариками мороженого в пластмассовой вазочке. Хозяйка квартиры Юта сказала, что отдыхающие видели в малиннике медведя, будьте осторожны.

Юта — врач в санатории, весь день на работе. Сын — старшеклассник, с друзьями где-то на острове. Юта сказала, что мужа арестовали почти сразу по-

сле войны. Он мог переправиться в Финляндию, но думал — обойдется, даже когда увезли его приятеля, тоже врача из горбольницы. За что? Фотографии положил в коробку из-под леденцов, закопал в лесу. Они сохранились.

Квартира очень чистая, как не жилая, ни пылинки, на полу дорожки. Повсюду вышитые салфетки. На листках из тетрадки — объявления по-русски: «Обувь снимать», «Горячую кастрюлю в холодильник не ставить», «Экономьте электричество», «Бумагу в унитаз не бросать».

— За кого она нас принимает? — подумала Дина вслух.

В дождливое воскресенье они на кухне пили чай.

— Не вы лично, — говорила Юта. — Вас он не знает, он вообще мало что знает. Мальчики сейчас все такие. Им не нравится, что вы из Москвы.

Она помолчала.

— Приезжают, — думают они, — с деньгами, платят за квартиру, сидят в кафе. Мы с ним не можем себе такого позволить.

— Окончит школу — работать пойдет или учиться?

— В армию. Куда-нибудь на Дальний Восток, в тайгу. Наши мальчики все там служат, их отправляют подальше от дома. Они ваших не любят.

— Это генетическое?

— Не знаю. Историческое, наверно

— Что же нам делать? — спросила Дина. — Переехать?

— Не надо обращать внимания. Мальчишки. Они в войну играют. Их можно понять. Они думают, что живут в оккупированной стране. У него отца арестовали.

— Взрослые также думают. Это заметно. В магазине, в кафе.

— Тогда почему спрашиваете?

— Говорят, во время войны здесь был поставлен рекорд юденфрая — уничтожено больше девяноста процентов евреев.

— Говорят.

— Вчера на скамейке лежала тетрадь. Собирали подписи против строительства АЭС. — Мы могли тоже расписаться.

— Это наше.

— Получается, если мы оттуда…

— Я же говорю: лично против вас они ничего не имеют.

— Вчера ваш сын сидел на полу в коридоре, чинил магнитофон. Мы пройти не могли. Стояли, ждали.

— Я ему скажу.

— Не в этом дело. Он ведь видел нас.

— Я скажу.

— Не в этом дело.

— Конечно… Не могли бы вы заплатить до конца месяца?

— Думаете, уедем, не заплатив? Когда, например, вы на работе будете? Не беспокойтесь, разумеется, заплачу.

— Я не поэтому, — хозяйка смутилась.

Был сильный дождь. Они остались дома, свет не включали. В комнате душно и темно.

Вдруг в дверь сильно постучали. Девочка испугано прижала к себе куклу.

Заслонив дверной проем, на пороге стоял сын хозяйки. Всматривался в полумрак комнаты. Он решительно шагнул к девочке. Протянул ей руку. Из кулака выглядывала мокрая птица. Девочка подставила крохотную ладошку. Парень осторожно передал ей птицу и закрыл кулачок девочки ее пальцами.

— Это мне? — спросила девочка.

Парень молча вышел. Девочка сказала «спасибо» уже в закрытую дверь.

— Больше вы сюда не приедете? — спросила хозяйка, когда они снова встретились на кухне. — Я правильно поняла?

— Почему? Вы же будете сдавать комнату? Нам здесь понравилось. Замечательные дожди.

— Сын не изменится, — сказала хозяйка.

— Но птицы все равно будут мокнуть под дождем, — сказала Дина.

Надежда ДНЕПРОВСКАЯ

ПОБЕДА

1.

В конце лета Лиза и ее мама гуляли в парке Сокольники. Вчера Лизе исполнилось 6 лет, а сегодня мама отложила все дела, чтобы побыть с дочкой весь день. Они катались на каруселях, ели мороженое, Лиза собирала разноцветные листья, насобирала целую охапку и вдруг…

Среди деревьев она увидела маленькую черную лошадку. Лиза побежала к ней, все листья, которые она так долго собирала, полетели в разные стороны. Мама на своих высоких каблуках не могла ее догнать, только кричала вслед:

— Куда ты! Стой!

Но Лиза мчалась к лошадке, раскинув руки! И вдруг маленькая милая лошадка поднялась на задние ноги и завизжала. Лиза остановилась. Девушка, которая еле удерживала лошадку за веревку, крикнула Лизе:

— Что ты несешься, как сумасшедшая?! Смотри, как пони испугалась!

— Я, я… — Лиза едва сдерживала слезы. — Я только хотела погладить лошадку…

В это время подоспела мама и тоже набросилась на Лизу:

— Как ты могла! Убежала от меня! Эта лошадь могла убить тебя! Откуда здесь это животное? Кто разрешил? Это безобразие!

Девушка, которая успокаивала лошадку, растерялась и не знала, что ответить.

Мама схватила Лизу за руку и потащила прочь. Но Лиза не шевельнулась, продолжая любоваться маленькой лошадкой. Конечно, сначала она испугалась, но теперь, видя, как хозяйка разговаривает с лошадкой, решила остаться. А уж если Лиза что-то решила… Мама присела рядом с дочкой:

— Ну что ты! Пойдём отсюда!

— Я хочу на лошадке покататься!

— Эта лошадка злая, она тебя укусит!

Тут хозяйка лошадки возмутилась:

— Во-первых, это маленькая лошадка называется пони, во-вторых, она очень добрая, никогда никого не кусала. Просто она испугалась. Думала, что девочка её съест, — она улыбнулась Лизе, — можешь погладить, её зовут Победа, хотя мы её зовём Бусей.

Лиза прикоснулась к шелковой шёрстке, а потом вдруг обняла пони за шею. Какая милая лошадка! Чёрненькая, с белой полосочкой на лбу, с белыми носочками, с пушистой гривкой и с красным бантиком на челке.

— А почему у неё такое странное имя — Победа? Она что, всё время побеждает?

— Победа она по паспорту. Мама у неё Пушинка, а папу звали Багет, а кличка составляется из первой буквы клички мамы, и чтобы в середине была буква отца, — охотно объяснила хозяйка.

— А можно мне покататься? — спросила Лиза.

Девушка ответила:

— Если мама разрешит…

Мама недовольно поморщилась, но разрешила.

И вот она верхом! Как быстро шагает лошадка, хотя совсем не спешит! Лиза удобно устроилась в седле, оглядывая окрестности свысока.

— Ой, мама! Смотри сколько лошадей! И какие большие!

Они оказались на площади, по которой ходило много прекрасных лошадей, среди них были и рыжие, и серые, и даже пятнистые, как коровки. Мама сказала Лизе, показав на красивый плакат:

— Это конная выставка — мы с тобой попали на выставку!

Но Лиза еще не накаталась, она снова и снова гладила свою лошадку по шелковистой шерстке, разговаривала с ней. Вскоре Лизе всё же пришлось слезть с Буси, потому что появились ещё желающие покататься на ней.

2.

Мама с дочкой отправились бродить по выставке.

Они увидели богатырских коней, которые назывались тяжеловозами. Эти лошади были громадными. Лиза смотрела на них издалека и даже не осмеливалась подойти поближе. Их копыта были размером с большую тарелку!

Потом им встретились просто сказочные кони, их шерсть блестела и переливалась на солнце, тонкие ноги, длинная шея, но и к ним Лиза побоялась

подойти: они не были спокойны, как тяжеловозы, а прыгали и танцевали на месте, и людям, которые их держали, приходилось нелегко.

— Мама, эти лошади волшебные?

— И правда, удивительные! Пойдем, узнаем.

Они подошли с опаской к мужчине в лохматой шапке и полосатом халате.

— Как зовут этого прекрасного коня?

— Этот конь из Таджикистана, называется ахалтекинец. Зовут его Айдаргыш.

Но Лиза, прячась за маму, уже тянула её к маленькой лошадке, похожей на Победу, только еще меньше.

— Мама! Посмотри, это ребенок лошадки! Какой милый!

Высокий мужчина в ковбойской шляпе, который держал за поводок крошечную лошадь, возразил:

— Это взрослый жеребец Рокки, породы карликовых лошадей, их выращивают в Америке.

— Он что, никогда не вырастет? — удивилась Лиза.

— Именно, это взрослый жеребец! — повторил ковбой.

Мама тянула Лизу за руку, хотелось уйти подальше отсюда, ей было не по себе. А Лиза увлеклась и не желала уходить.

— А где Победа?

— Пойдем, поищем, — ответила мама, оглядываясь, но маленькой красавицы не было видно.

— Наверное, она устала и пошла отдыхать?

И мама с Лизой отправились в выставочный павильон.

3.

В огромном помещении было множество комнат для лошадей, на полу которых были опилки. Охранник всё время говорил посетителям, чтобы они не просовывали руки через решетки денника. Так Лиза поняла, что комнаты для лошадей называются денники. Рядом были огороженные площадки, там находилось по двое-трое маленьких лошадок, там Лиза и увидела, наконец, свою Победу. Она хотела чем-нибудь угостить любимицу, но всюду висели плакаты «Лошадей не кормить!»

— А почему? — начала хныкать Лиза.

— А ты подумай, — сказала мама, — если каждый угостит Победу хоть одним кусочком сахара, то она просто лопнет.

Лиза нахмурилась.

— Хочу лошадку!

— У тебя и так много лошадок!

— Они все игрушечные, а я хочу живую!

— И куда же ты ее поставишь? — улыбнулась мама.

— В ванну! — обрадовалась Лиза.

— А как мы будем мыться?

Лиза наморщила лобик и приготовилась плакать.

— Ладно, мы посоветуемся с папой! — поспешно сказала мама и повела усталую Лизу домой.

Дома Лиза немножко покапризничала, поплескалась в ванной, поужинала и отправилась спать. Как только ее голова коснулась подушки, она крепко заснула.

В то время, когда Лиза смотрела свои сладкие сны, на кухне мама рассказывала папе о новом капризе дочери.

— Как прошел день, Лидочка?

— Денис, ты только подумай, твоя дочь хочет лошадь!

— Зачем? — удивленно спросил папа.

— Кататься, зачем же еще?

— Ну и пусть катается.

— Ты что? Лизу — на лошадь? Ты это серьезно? — возмутилась мама. — А если она упадет и разобьется! Помнишь «Унесенные ветром»?

— Это ведь художественный вымысел! Наша девочка слабенькая, ей надо заниматься спортом.

— Спортом?! Конным? Ты хочешь, чтобы у твоей дочери были кривые ноги!

— Дорогая, ты говоришь ерунду, посмотри на мою маму, она была мастером спорта по конкуру — у нее что, кривые ноги?

— Но ведь говорят…

— Понимаешь, я не знаю, откуда взялось такое дурацкое представление о конном спорте, но думаю, что виноваты гусары.

— Это почему? — удивилась Лида.

— Во-первых, они ходили в лосинах, вроде женских легинсов, только из кожи. А ты ведь знаешь, как редко у мужчин бывают красивые ноги. Это приоритет женщин, — говоря это, он обнял Лиду.

— А во-вторых, — продолжал Денис, — когда гусар сходил с коня, он вынужден был при ходьбе ставить мыски сапог немного внутрь, чтобы шпоры не цеплялись друг за друга. Ну и походка получалась своеобразная.

— Как интересно! А для чего изобрели дамское седло?

— Ну, это просто дань моде, на мой взгляд. Сидеть по-мужски гораздо безопаснее. Но леди! Леди должны ездить верхом в длинных платьях-амазонках, прикрывая хорошенькие ножки. И рядом с такой дамой мужчина поневоле чувствовал себя джентльменом, готовым в любую минуту прийти на помощь слабому созданию. Такому, как ты.

— Леди, говоришь? Это, наверное, очень аристократично, ездить верхом!

— Конечно, уроки верховой езды обязательны для воспитания благородного человека.

— Тогда, может быть, и стоит Лизоньке научиться кататься на лошадке.

— Ладно, завтра узнаю, где ближайший конно-спортивный клуб.

4.

Весь следующий день Лиза провела с бабушкой. Лиза вообще редко видела своих родителей, они все время были на работе, а когда приходили поздно вечером домой, то обсуждали свои, взрослые проблемы. Лизе доставалось только «Спокойной ночи!» и нежный поцелуй от мамы и папы. А с бабушкой было скучновато, она писала иконы, ей нельзя было мешать, только когда приходила гувернантка Анна Васильевна, становилось весело и интересно.

Но сегодня все было иначе. После завтрака бабушка долго говорила по телефону с папой, после чего они с Лизой собрались и куда–то поехали. Бабушка Лизы отлично водила машину. Ехали не очень долго, а потом прямо из машины Лиза увидела лошадей.

— Бабуля, что это за место?

— Детский парк «Фили», иди, погуляй здесь, а я пойду все узнаю.

Пока бабушки не было, Лиза увидела много интересного: кроликов, козочку, уток, гусей. И вдруг мимо нее прошла маленькая лошадка: рыжая с большими белыми пятнами. Ее вела девочка.

Тут подошла бабушка вместе с элегантной женщиной, похожей на учительницу, и сказала:

— Сегодня ты начнешь учиться ездить верхом! Вера Николаевна, вот, ваша ученица, ее зовут Лиза.

Лиза просто онемела от восторга.

— Я поехала по делам, вернусь через час, будь умницей.

Бабушка ушла. Вера Николаевна взяла Лизу за руку и подвела к рыжей лошадке.

— Маленьких лошадок называют пони. А это Мультик.

— На нем уздечка и седло, — продолжала Вера Николаевна, — уздечка, чтобы управлять пони, а седло, сама понимаешь, чтобы удобно сидеть. Ну, садись!

Вера Николаевна помогла Лизе вскарабкаться.

— Вставь ноги в стремена, видишь, внизу? Так удобно?

— Здорово! — ответила Лиза.

Вера Николаевна пристегнула длинную веревку к уздечке и заставила Мультика ходить по кругу. Это называлось взять на корду.

Лиза узнала: чтобы заставить Мультика идти, не надо на нем прыгать или упрашивать ласковыми словами. Надо просто сжать его бока ногами. Лиза сжала бока Мультика изо всех сил, но ее старания не произвели на Мультика никакого впечатления — силенок оказалось маловато... Только благодаря Вере Николаевне, которую Мультик слушался, Лиза двигалась вперед. Еще она узнала, как разбирать, то есть правильно держать, повод. Ее ладошки все время ложились на повод не так. Тогда Вера Николаевна подходила к ней и терпеливо поправляла ее пальчики. Целый час Лиза ездила верхом, училась красиво сидеть в седле: ровно держать спину, ноги от коленей назад, пяточки вниз, да еще посылать — сжимать бока ленивого пони. Лиза и не заметила, как пролетел этот час. Приехала бабушка, и Лиза, поблагодарив тренера Веру Николаевну и погладив напоследок Мультика, отправилась домой.

Ночью, когда мама зашла поцеловать дочку, Лиза горячо обняла ее и долго не отпускала, рассказывая о своих приключениях. Мама снисходительно ее слушала, но в глубине души не одобряла этих занятий.

«Лошади, навоз, мухи… Фу», — думала она. Но под натиском бабушки, Лизы и папы она разрешила Лизе заниматься в пони-клубе.

5.

Теперь Лиза занималась верховой ездой через день. Сначала у нее сильно болели ноги и вообще все тело, но бабушка сказала, что это скоро пройдет. И правда, на четвертом занятии уже ничего не болело.

Она научилась седлать пони, то есть надевать уздечку и седло. Только у нее это получалось слишком медленно: то она запутается в ремешках, то пони начнет вертеть головой.

Сначала Лиза побаивалась Мультика, он прижимал уши и страшно скалил зубы. Вера Николаевна сказала: «Это он так пугает. Надеется, что ты испугаешься, и оставишь его в покое».

На десятом занятии Лиза уже уверенно держалась на рыси. Но это стоило ей больших усилий и терпения. Когда Мультик побежал рысью, Лизу так сильно подбрасывало в седле, что она сразу забыла, как управлять пони, думала только, как бы удержаться и не сползти. Она вспомнила, как недавно бежала с рюкзаком, опаздывая на английский. Как же сильно он бил её по спине… Лиза чувствовала себя как этот рюкзак. Мультику тоже было несладко, пока новенькая не выучилась правильной посадке.

Постепенно Лиза становилась все увереннее, и пони, решив, что девочка уже не совсем неумеха, стал с ней играть. Известно, что почти все лошади понимают, что за человек перед ними: если он совсем ничего не умеет, ни одна лошадь его не обидит, разве только по неосторожности. Но как только человек становится увереннее, лошадь начинает играть, как говорят, «проверяет». Ведет Лиза Мультика в поводу, он наступает ей на ноги, и Лизе приходится каждый раз останавливаться, вытаскивая сапоги из под копыт. Так она научилась беречь свои ноги.

А при посадке в седло Мультик развлекался от души! Как только Лиза перекидывала повод ему на шею, он поворачивался к ней мордой, и Лиза никак не могла залезть на него, прыгала вокруг него, пока не придет Вера Николаевна и не подержит. А Мультик хитро так смотрит: «Ага, мол, самой-то слабо?»

6.

Вскоре Лиза начала ездить с другими детьми. В группе было пять пони. Вера Николаевна стояла в середине манежа, подавала различные команды, и все ездили по кругу. Как ни хотелось Лизе быть головной, Мультика все время ставили в конец смены, потому что Лиза была начинающей, да и Мультик не проявлял особой резвости. Время от времени Лиза все-таки становилась первой, но только потому, что Мультик так медленно переставлял ноги, что группа его догоняла. Тогда Вера Николаевна выводила Мультика на середину и снова учила Лизу управлять пони. Ох, и тяжелая это работа — учиться ездить верхом.

В группе Лизы были одни девочки. Мальчики не выдерживали трудностей первых месяцев обучения. В самом деле, велосипед не тряский — едет туда, куда тебе надо, так же как скейт и ролики. А лошадь живая, у нее может быть плохое настроение, или игривый характер, мало ли что! Так что если всадник мужчина, значит, он по-настоящему любит лошадей, и у него сильный характер.

Прошел год. Лиза ни разу не пропустила занятия. Она уже красиво сидела на пони, ездила галопом и рысью; причем Мультик прекрасно ее слушался. И вот, за неделю до первого сентября, в субботу утром, папа сказал Лизе:

— Сегодня поедем покупать тебе подарок ко дню рождения.

— Какой? — запрыгала Лиза.

— Сюрприз. Одевайся.

Бабушка тоже собралась, и они поехали. Ехали они долго. Несколько раз папа выходил из машины и спрашивал о чем–то прохожих. Наконец они приехали. Вокруг был небольшой парк и здание, похожее на конюшню. Папа попросил их подождать в машине и куда-то ушел.

Вернувшись, он попросил бабушку выйти из машины и о чем–то с ней долго разговаривал. Потом они вместе ушли. Лизе это ужасно надоело, она уже приготовилась покапризничать, как появился папа и повел ее в сторону конюшни.

— Вот, хотел тебе сделать подарок, да не очень получилось. Если не понравится, то не возьмешь. Они зашли за конюшню, и там, около сарайчика, увидели… Победу! Прошел целый год, но Лиза не забыла своей красавицы, только что же с ней случилось? Её шелковая шерстка свалялась, стала серой от грязи, на спине — большая болячка, вокруг которой вились мухи… У Лизы на глаза навернулись слезы.

— Бедная Бусечка! Папочка! Её можно вылечить?

— Конечно можно, только на это нужно время, а день рождения у тебя сегодня.

— Это самый лучший подарок! Спасибо!!! Но… Где она будет жить?

— Когда она поправится, мы поставим ее в конюшню Веры Николаевны.

— Папочка, как я тебя люблю! — и она звонко поцеловала отца в щеку.

7.

Прошел месяц, Лиза пошла в школу, в первый класс, но продолжала ездить на Мультике по вечерам. Однажды, придя в пони–клуб, она увидела в деннике нового пони, а на двери висела табличка «Победа». Она очень обрадовалась. Теперь у Лизы прибавилось дел. Она приходила в клуб пораньше, чистила свою лошадку, угощала морковкой, мазала ей спину мазью, потом уходила с ней в парк гулять.

Сначала Буся была грустной и плохо ела, но ветеринар сказал, что она болела, а ее заставляли работать и не лечили. Он прописал ей уколы утром и вечером, покой и небольшие прогулки.

Однажды, когда выпал первый снег, ветеринар тщательно осмотрел Победу и сказал, что она поправилась и может начинать работу. В самом деле, она опять превратилась в сказочную лошадку, которой была когда-то: шкурка блестит, взгляд веселый, на лбу полосочка и белоснежные носочки. Грустно было Лизе расставаться с Мультиком, но теперь она была владелицей пони и отвечала за нее, за ее тренировки.

Сначала Вера Николаевна помогала Лизе, ведь Победа ничего не умела, даже ходить на корде. Она не бежала спокойно по кругу, как полагается, а пыталась вырваться, нападала на Веру Николаевну, но терпение и ласка сделали свое дело. Победа научилась слушаться голоса, понимала, когда ее хвалят, когда ругают, знала, что за послушание всегда угостят морковкой.

Пришло время Лизе оседлать Победу. Вывела она своего пони на заснеженный манеж и вскочила в седло. Победа сразу побежала резвой рысью, Лиза даже не успела взять стремена, она натянула повод, чтобы заставить пони остановиться, но лошадка сильно наклоняла голову и рвала повод из Лизиных рук. Это оказалось слишком для неопытной всадницы: трясясь на крупной рыси, удерживать повод было невозможно, и на повороте Лиза упала. Но она крепко помнила — повода из рук не выпускать! Буся тут же остановилась.

Вера Николаевна подошла, помогла Лизе подняться и, конечно, взяла непослушную Победу на корду. Лиза опять села в седло, и началась учеба — и для нее, и для Буси. Всю зиму Лиза занималась с пони, падала раз двадцать, хорошо, что в мягкий снежок, но к весне они уже ездили в смене, и Лиза была второй. Первой была девочка на старом, мудром пони Памире, который никуда не рвался, а ровно вел всю смену.

В школе у Лизы тоже все было хорошо, училась она отлично, все успевала — как же, она не могла пропускать занятия, у нее ведь была своя Победа.

8.

Всю весну Лизина группа готовилась к первому экзамену. Нужно выучить езду наизусть и проехать на пони без ошибок. В манеже на стенках вывесили буквы, и всадник от буквы к букве должен выполнить разные движения, например: от буквы Н до буквы М проехать рысью, а на букве М сделать вольт, то есть круг. Здесь Лизе помогла бабушка. В парке они написали буквы на асфальте, и Лиза сама ходила–бегала от буквы к букве.

Всё выучила прекрасно.

В конце мая, когда Лиза закончила первый класс и перешла во второй, состоялся конный праздник. На этом празднике были разные соревнования

на лошадях и на пони: преодоление препятствий, выездка и, конечно, экзамен.

Лиза с Победой выглядели нарядно и очень изысканно. Лиза была в белых бриджах, белой блузке, в чёрном жилетике и черных сапожках. На праздник пришли посмотреть бабушка и папа, они сильно волновались.

Когда пришло время выступать Лизе, не обошлось без приключений. Буся вдруг наотрез отказалась входить в манеж. То ли испугалась такого количества зрителей, то ли флажков — неизвестно, только встала как вкопанная, и ни шагу вперед, несмотря на все уговоры. Вера Николаевна быстро нашла выход: девочка на Памире, обогнав непослушную пони, въехала в манеж, а за ней по привычке вошла и Победа. Сделав круг, Памир вышел обратно, а Победа, как ни в чем не бывало, выполнила всю программу и ни разу не подвела Лизу. Громче всех аплодировали, конечно, бабушка и папа. Папа достал морковку и угостил Победу.

Поздно вечером, после всех волнений, когда вся семья сидела за праздничным пирогом и обсуждала события дня, мама встала и сказала:

— В самом деле, Лизонька, я рада твоей победе, я ведь думала, что это все детские капризы, что ты поездишь верхом, поймёшь, что это трудно, и бросишь. Но ты меня удивила: перестала капризничать, у тебя всегда хорошее настроение, и даже все вещи в твоей комнате лежат на своих местах. Ты очень изменилась, и хочу сказать спасибо твоей Победе. И вот тебе подарок. Поздравляю тебя с успешно сданным экзаменом. Так держать!

С этими словами мама достала из коробки небольшое красивое седло с блестящими маленькими стременами.

Мама всех удивила! Она не любила и боялась лошадей. И вдруг такой подарок! Лиза была счастлива.

9.

На следующий день бабушка начала собираться на дачу. Лиза все спрашивала:

— А Бусю с собой возьмем?

— Да возьмем, возьмем. Но ты должна будешь ухаживать за ней!

— Я буду! — закивала головой Лиза.

Занятия в пони-клубе окончились. Все дети разъехались на лето. Вера Николаевна занималась с Лизой отдельно еще две недели. Лиза не могла уехать сразу, надо было решить проблему с доставкой Буси, с кормом, с ее жильем.

И вот однажды, ярким солнечным утром, Лиза и бабушка приехали на дачу. Около дома, там, где прошлым летом был аккуратненький стриженый газончик, появилась огороженная площадка с высокой травой. Там гуляла Буся. Рядом находился просторный навес, в котором было небольшое стойло и несколько брикетов сена.

Бабушка обо всем позаботилась.

В Лизиной комнате на стене висел листок бумаги, на котором было напечатано расписание:

7.00 — подъем;

7.30 — 8.30 дать сена Победе, чистка, уборка стойла;

9.00 — завтрак;

9. 30 —11.30 тренировка…

Потом, если жарко, помыть Победу, протереть сеном. В расписании был ещё английский…

Это было необычное лето. Лиза узнала о своей Победе так много нового! Надо было каждый день менять подстилку, кормить и поить строго по расписанию. Бабушка напоминала Лизе, если та что-нибудь забывала.

Оказалось, это тяжелый труд — ухаживать за своей лошадью.

Но Лиза любила Бусечку, и готова была проводить с ней целые дни.

К Лизе приходили подружки с соседней дачи, две сестры — Катя и Даша. Даша, как и Лиза, перешла во второй класс, а Катя в пятый.

Они с удовольствием помогали Лизе, а она учила их понемножку ездить верхом. Конечно, бабушка всегда была рядом, и Буся вела себя хорошо. Надо сказать, что без бабушки она совсем не слушалась Лизу. Она считала Лизу подружкой, с которой можно играть.

Иногда эти игры плохо заканчивались. Буся любила ходить за Лизой, подталкивая ее мордой в спину. Лизе это тоже нравилось, но как-то Лиза побежала, Буся за ней, да как толкнет — Лиза упала и сильно ушиблась. Эта игра сразу перестала нравиться Лизе, а Бусе — нет. Маленькая, но проблема. Отучить от дурной привычки лошадь очень трудно. Пришлось Лизе соблюдать правила: идти не впереди пони, а рядом, не позволяя Бусе баловаться.

За это лето Буся приобрела множество вредных привычек. Она начала хватать травку во время работы. К примеру, едет Лиза спокойной рысью, вдруг Победа резко опускает голову и тянется за приглянувшейся травинкой, вырывая повод у зазевавшейся Лизы. Далее начинается «перетягивание каната», Буся, конечно, оказывается сильнее. Съев одну травинку, Буся тянется к другой, и только вмешательство бабушки прекращало это безобразие. Или на галопе — она резко опускала голову и поддавала задом. Лиза, пытаясь

поднять ей голову, валилась вперед, а удар задом завершал движение, и вот она на земле…

Сколько труда стоило Лизе научиться держаться на таком галопе! Со стороны это напоминало родео. Подружки все реже просились покататься. Победа не хотела ходить спокойно — срывалась в галоп, и девочки падали. Когда Лиза захотела их поводить в руках, Буся толкала ее в спину, вырывалась, и девочки начинали визжать от страха. Характер пони резко испортился, слишком баловала ее Лиза.

10.

В начале августа Бусю кто-то укусил, и на спине образовалась большая шишка. Сначала Лиза не заметила этого и, оседлав пони, проработала свои обычные два часа. Но когда сняла седло, ужаснулась: там была кровь… В панике Лиза позвонила Вере Николаевне. Она приехала и рассказала Лизе: в конце лета мухи становятся особенно злыми, а Победу укусил слепень, что еще неприятнее. Она привезла с собой попонку для пони, но не теплую, обычную, а сделанную из мелкой сеточки. Когда на лошади такая попона, мухи не могут сесть. Пришлось Лизе оставить тренировки, пока спинка у Буси не заживет, зато прибавилось забот по уходу. Чтобы мух было поменьше, Лиза старалась убирать навоз по мере его появления.

Нельзя сказать, что все своё время Лиза проводила с Победой: в распорядке дня был и английский, и купание, и игра в мяч, и математика, и даже сбор гербария — задание на лето.

А по субботам и воскресеньям, когда приезжали мама или папа, а иногда и вместе, Буся гуляла в манеже, заросшем травой. Конечно, бабушка не давала Лизе забывать вовремя накормить и напоить пони, но выходные были и у Лизы, и у Победы.

11.

В середине августа, когда спина у Победы прошла, приехала специальная машина, которую бабушка назвала «коневозка», и увезла пони в клуб. А Лиза с родителями поехала в Голландию. Лиза никуда не хотела ехать, да кто спрашивает детей! Родители решили совершить туристическую поездку, посмотреть новую страну, уверенные, что и Лизе это будет полезно.

Пробыли они там почти две недели и едва успели к началу учебного года. В Голландии Лиза видела ветряные мельницы, каналы, и еще она каталась в повозке, которую везла огромная красивая лошадь со смешными лохматыми ногами. Папа сказал, что это лошадь породы шайр. Она ему тоже очень понравилась. Он вообще любил лошадей, а мама по-прежнему с трудом терпела Лизино увлечение.

— Этот ужасный запах! А какие зубы у них огромные! — часто повторяла она. Когда Лизе звонили подружки, и мама брала трубку, то отвечала недовольным голосом:

— Она на конюшне!

Мама ни разу не погладила Победу. Счастье, что она не запретила Лизе заниматься конным спортом.

Чтобы мама не сердилась, Лиза старалась поддерживать идеальный порядок. Её бриджи всегда были чистыми, сапоги протёрты. Бабушка тоже помогала. Только с ней и папой Лиза могла говорить о своей Победе сколько угодно.

Небольшие проблемы появились на уроках музыки. Только Лиза добилась хорошей посадки: спина прямая, локти прижаты к туловищу, нога от колена назад, как учительница музыки стала возмущаться её прижатыми локтями. Сложно было Лизе сидеть за пианино не так, как на пони. Но в остальном все шло хорошо, до тех пор, пока Лиза не сломала руку.

Её подвела самоуверенность. Однажды во время тренировки ей стало жарко, и она, бросив повод, начала снимать с себя свитер. Вера Николаевна предупреждала, что так делать нельзя, но Лиза видела, как взрослый спортсмен снимал на ходу куртку, и решила, что с ней ничего не случится. Но случилось. Когда свитер закрыл ей лицо, раздался странный шум. Как позже выяснилось, к манежу подъехал грузовик и, подняв кузов, высыпал опилки. Все пони бросились врассыпную, а Победа и подавно, тем более, повод был брошен, и ничто не мешало ей опустить голову и поддать хорошенько задом. Все ужасно испугались, увидев Лизу, лежащую неподвижно.

Когда бабушка отвезла ее в больницу, то оказалось, что у неё ещё и сотрясение мозга. Хорошо что Лиза всегда надевала шлем, хотя в нем бывало и жарко.

В больнице она лежала десять дней, сотрясение мозга — не шутка. Папа и бабушка навещали её по очереди, утешали её, приносили сладости.

— А когда придёт мама? — спрашивала Лиза.

— Она очень сердится на Победу, все время ее ругает! — огорченно отвечал отец, — мы её не пускаем к тебе, чтобы ты не расстроилась.

Когда бабушка, наконец, привела внучку домой, бледненькую, с рукой в гипсе, мама сразу закричала:

— Не дам калечить ребёнка!

— Да что такого случилось? Обычное дело! — возразила бабушка.

— Может, вам нравится ломать себе кости, но Лиза больше не сядет на эту бешеную лошадь!

И сколько Лиза не объясняла, что она сама виновата, а Бусечка тут ну при чём, мама стояла на своём.

12.

Через месяц, когда с руки Лизы сняли гипс, она собралась к Победе.

— Бабушка! Поехали в клуб! Я уже сделала уроки!

— Ты же знаешь, мама — против. Она считает, что тебе надо подтянуть английский, и поэтому сегодня вместо клуба придет учительница английского.

— Бабушка! Я Бусеньку не видела уже сто лет! Я так соскучилась!

— Ну, надеюсь, что после английского я тебя к ней отвезу, повидаться-то можно!

Печально просидев целый час с учительницей, думая только о Бусе, Лиза наконец-то освободилась.

— Поехали скорее, бабуля!

Взяв с собой морковки и сухариков, они поехали в клуб. Там, схватив лакомства, Лиза кинулась в конюшню, но на полпути остановилась, изумленно глядя на манеж. На ее Победе сидела совершенно незнакомая девочка! Лиза бросилась к Вере Николаевне.

— Лиза! Как хорошо, что вы приехали! Нам нужно серьезно поговорить.

И Лиза с бабушкой узнали, что мать Лизы подарила Победу клубу, оформив все бумаги. Теперь на Победе ездили все желающие. Новость просто потрясла Лизу. Вера Николаевна как могла, успокаивала ее, но Лиза не прекращала горько плакать. Как можно смириться с тем, что любой может сесть на твою Бусю, скакать на ней, а ты будешь стоять и смотреть на это? И совсем не утешало, что и она тоже будет три раза в неделю седлать своего пони. Дождавшись, когда занятия кончились, Лиза побежала к Бусе. Она хотела сама расседлать ее, но девочка, которая на ней ездила, не позволила.

— Я ездила, я и буду за ней ухаживать.

— Но это моя Буся! — вытирая слезы, сказала Лиза.

— Было ваше — стало наше!

— Дай хоть морковкой угостить!

— Это — пожалуйста, — великодушно позволила девочка.

Буся с жадностью накинулась на лакомства, а Лиза, проливая слезы, гладила и гладила свою подружку. Когда девочка ушла, Лиза растерла спинку Победы соломой, как учила бабушка. Ей не хотелось уходить — она расчистила копытца и думала, что бы еще сделать для своей красавицы, как вошла бабушка.

— Лизок! Пойдем домой, а то нам попадет, мы и так поехали сюда без спросу.

— Я не хочу домой!

— Милая! Я тебя так понимаю! Но что поделаешь? Мама за тебя боится! Мы будем сюда ходить в гости и каждый день уговаривать твою маму. Ей нужно время, чтобы успокоиться, потерпи, моя дорогая. Вера Николаевна обещала беречь твою Победу.

Лиза обняла бабушку, и они поехали домой.

По дороге бабушка рассказывала Лизе, как она в молодости тоже училась ездить на разных лошадях, и у нее была любимая лошадь Тога. И хотя ездить ей приходилось на других лошадях, при этом она не переставала заботиться о своей любимице.

— Редко доводилось мне на ней ездить, в мое время собственных лошадей не было, какую лошадь даст тренер, на той и выступали. Но я все равно ухаживала за ней.

— А потом что было?

— Знаешь, у каждой лошади свой характер, и чтобы она делала все, что ты хочешь, надо найти к каждой из них свой подход.

— А как это?

— К примеру, ты не хочешь делать уроки, а мама говорит, что тогда ты не пойдешь в гости. Ты же с радостью примешься за уроки?

— Нет, я заплачу, — ответила Лиза, подумав.

— А если я предложу тебе пойти в кино после уроков?

— О! Я быстренько сделаю уроки! — Радостно сказала Лиза.

— Вот и с лошадьми также. Одни слушаются только хлыста, а другие ласкового слова. Будешь заниматься на разных пони — справишься с любым.

— Это даже интересно, — задумалась Лиза.

13.

Дома Лиза первым делом спросила у мамы:

— Мама! Как ты могла?!

— Что случилось? — спросил папа.

— У меня нет больше Победы!!! — снова заплакала Лиза.

— Как это? — не понял папа.

— Как это нет? — вмешалась мама. — Она просто принадлежит клубу!

— Так! Сейчас разберемся! — сказал папа. — А ты, Лиза, пока иди с бабушкой в свою комнату.

Там внучка и бабушка сидели обнявшись на диванчике и прислушивались к приглушенным голосам родителей. Прошло довольно много времени, когда вошел папа и сказал:

— Мама разрешает тебе заниматься в клубе. А с Победой ты ведь всегда сможешь пообщаться, правда?

Лиза кинулась папе на шею, расцеловала его, бабушку.

Внезапно вошла грустная мама:

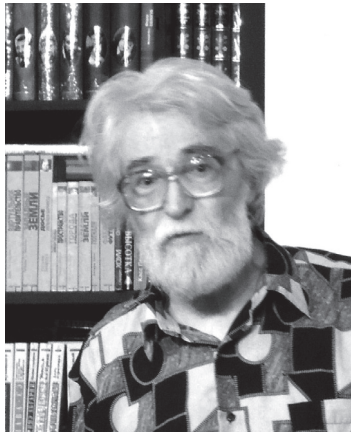
— Лиза, ты уж прости меня… так и быть, продолжай заниматься своим конным спортом. Просто я так тебя люблю, что все время боюсь, как бы с тобой что-нибудь не случилось! — сказала она.

— Да ничего не случится! — обрадовалась Лиза, и они обнялись все вместе.

Лиза много тренировалась, берегла Победу и участвовала в соревнованиях по конкуру.

Через три года Лиза обнаружила, что когда она опускает стремена на нужную длину, — они почти касаются земли… Лиза выросла, и Победа стала для неё маленькой. Грустно было расставаться с другом, но теперь она тренировалась на настоящей спортивной лошади.

На Победе теперь учились ездить другие дети — она была воспитанной лошадкой. А Лиза, приходя на тренировку, каждый раз заглядывала к своей подружке, разговаривала с ней и угощала морковкой.



Виктор КРОТОВ

ИЗ КНИГИ «ДАРОВАННОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ. БУРНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ТИХОЙ ЖИЗНИ»

Начальное приключение: губительное и спасительное

Событие, с которого всё началось, вполне могло стать последним в моей жизни. Однако оно оказалось чем-то вроде введения к череде многих других интереснейших событий. Все они не очень заметны извне, потому мне и хочется о них рассказать тем, кому захочется о них прочесть. Можно было бы назвать произошедшее «Инсульт за инсультом».

Один раз я уже писал об этом в первой главе своих мемуаров. Нужно было выразить тогдашнее впечатление от всего, что произошло, прежде чем углубиться в давние времена. Но теперь ведь я знаю то, что случилось дальше, а значит лучше понимаю смысл перехода через этот жизненный перевал.

Книга не очень-то хронологически последовательна. Дарованное десятилетие — не просто десять прожитых лет. Это энергетический сгусток обновлённого отношения к жизни и нового общения с ней. Хронология, переплавленная в осмысление, утрачивает педантичную привязанность к датам. Важнее становится суть происходившего и его разные ракурсы, позволяющие каждый раз по-особому соединять то, что при календарном выстраивании выглядело бы разрозненным.

Инсульты разгулялись

Итак, 26 декабря 2008 года среди ночи у меня случился инсульт. Скорая, больница, где мне и ходить разрешили, и почти не лечили (сами знаете,

новогодние праздники...), так что вскоре произошёл второй инсульт. Моя жена Машенька (позволю себе разок назвать её так же, как и на самом деле называю; дальше она будет Машей или даже Марией Романушко), которая перебралась в больницу, чтобы быть рядом, заметила по глазам и, наверное, по другим признакам, начинающийся отёк мозга. С трудом она настояла, чтобы дежурный врач, вопреки инструкциям, принёс из реанимации что-то эффективное, и меня постепенно вернули обратно. Кроме двух больших инсультов, было ещё два микроинсульта, как выяснил по результатам томографии опытный профессор в институте Бурденко, куда меня возили родные и друзья.

Многие близкие побывали у меня в эти дни, каждый по-своему помогал мне и Маше (не буду больше повторять уменьшительное имя, чтобы не смущать читателя), которая была главной моей поддержкой. Очень многие за меня молились. И сейчас я совершенно уверен, что всё это сыграло свою роль в том, что моя жизнь продолжилась. А тогда мне было приятно со всеми повидаться, но я относился к попаданию в больницу как к случайному эпизоду, который вот-вот закончится возвращением к обычной жизни.

На самом деле всё было совсем не так.

Никакой мистики

Пограничная ситуация между жизнью и смертным переходом не была обозначена ни началом «тёмного туннеля», ни проходящими перед сознанием кадрами прошлой жизни. Не было вообще ничего мистического. Наверное, так чувствует себя человек в зыбучем песке, тёплом и приятном, будучи уверен, что сейчас выберется на твёрдую почву, отряхнётся и пойдёт дальше, а в действительности погружаясь всё глубже.

Вспоминается мне и тот давний случай, когда я чуть не утонул в море, совсем недалеко от берега... Это произошло в Судаке, когда не очень заметное волнение стало настойчиво оттаскивать меня от берега и от пирса. Я изо всех сил сопротивлялся, но приблизиться к берегу не удавалось, да и сопротивленческих сил уже почти не оставалось. Тут я заметил на пирсе встревоженную Машу, которая видела, что со мной происходит, и совершенно успокоился. Раз она здесь, значит всё кончится хорошо... И в самом деле, она уговорила двух парней нырнуть и спасти меня, что они и сделали. (Между прочим, позже мы узнали у местных спасателей, что по несколько человек за лето так вот и тонут недалеко от берега.)

Вот и в этот раз я спокойно претерпевал происходившее: помутнение сознания, двоение и троение в глазах, а также прочие «прелести уплывания», — пока не выплыл с помощью тех, кто понял ситуацию, обратно в земную жизнь.

Послеинсультные битвы

Дальше развернулось приключение восстановительное. Ведь инсульт — такая штука, которая оставляет разнообразные последствия в мозгу, сказывающиеся на разных сторонах жизнедеятельности. Мне очень повезло в том, что основной удар пришёлся на зону, заведующую вестибулярными делами, а не на более важные для меня центры. Но всё-таки понемногу досталось и речевому центру, и некоторым другим зонам. Реестр приводить не буду, да и вряд ли сумел бы его составить. Суть в том, что забот хватало.

Суперврач Ирина Михайловна

В больнице лечащего врача не беспокоило моё восстановление, поскольку даже моё выживание он не прогнозировал. И когда в положенный по регламенту срок меня выписали, Маша принялась искать хорошего частного врача. Удалось найти энергичную и эрудированную в своей области Ирину Михайловну, которая специализировалась как раз на восстановлении после инсульта. Она применила ко мне все свои знания и умения (диагностические, фармакологические, акупунктурные, массажные, и так далее). А главное — качественно ориентировала нас с Машей в том, что со мной происходит и какие возможны средства противоборства с нежелательными последствиями.

Борьба по всем фронтам

Всё это было очень актуально, поскольку моё состояние удручало меня самого и беспокоило Машу с Ксюшей (нашей младшей, но уже не маленькой дочерью), которые были рядом. Первый месяц я передвигался дома с помощью палки на четырёх ножках и ручек, прикрученных к дверным косякам Антоном, нашим сыном-путешественником, который прилетел на помощь, прервав очередную поездку. Речь у меня была не очень внятная, да и всякого другого хватало. Особенно неприятно было то, что появилась во мне какая-то вспыльчивость, обидчивость, даже капризность. Короче говоря, со всем этим приходилось не только быть начеку, но и решительно сражаться. Что ж, две мои чудесные соратницы, практичная помощь Антона, плюс чёткая врачебная поддержка — это была небольшая, но мощная армия, вооружённая креативностью и настойчивостью.

Мне был поручен собственный хозяйственный фронт: мытьё посуды, развивающее мелкую моторику не очень послушных пока что рук. До сих пор я гордо несу эту домашнюю обязанность. Мы с Машей после многолетнего перерыва стали время от времени танцевать, укрощая мою коварную вестибулярку. Они с Ксюшей по очереди ходили со мной гулять. Несмотря на

то, что я постоянно настаивал на самостоятельных прогулках, вместе было куда приятнее. Я не только старался побольше писать правой рукой, но ещё и приучал к этому левую, которую надо было активизировать, как и всю мою левую сторону тела: она пострадала заметнее. После визитов Ирины Михайловны в моём арсенале появлялись всевозможные новые упражнения, направленные на успешное прохождение её тестов при осмотре. У меня и сейчас в утренней зарядке почётное место занимает навык стояния на одной ноге с закрытыми глазами.

Завершение велосипедной карьеры

Хотя на счету нашей послеинсультной армии было всё больше и мелких, и крупных побед, случались и поражения. Одним из них стала отважная попытка Ксюши, под моим натиском, совершить со мной небольшую пробную прогулку на велосипедах. Как ни в чём не бывало, мы спокойно стартовали от подъезда, но на первом же повороте (который я совершал внимательно и осторожно) мы с моим велосипедом неожиданно упали. К этому не было никаких поводов... кроме моей видоизменившейся вестибулярки. Ксюша, которая несла за меня ответственность перед мамой, была так поражена этой неожиданностью (да я сам тоже), что мы пешим ходом тихо отвели велосипеды домой. С тех пор я не велосипеде не ездил.

Тем временем меня удостоили постоянного звания инвалида второй группы.

Снова в больницу

Ирина Михайловна, которая уважительно относилась к нашим успехам, тем не менее, посоветовала мне пройти двухнедельный курс поддерживающей реабилитации в больнице, где меня могла курировать её ровесница и коллега Мария Павловна. Это был удачный вариант: и больница была несравненно лучше предыдущей, и Мария Павловна оказалась такой же знающей, позитивной и доброжелательной, как Ирина Михайловна.

Мне опять делали капельницы и давали таблетки, но теперь я чувствовал себя гораздо более здоровым, делал утром зарядку и принимал контрастный душ (хотя то и другое было не так-то просто в организационном плане), а также писал — и на бумаге, и на ноутбуке. В тихий час ходил гулять в парк неподалёку, где однажды приключился казус с мячом.

Шепелявый жук

В больнице был ещё один боевой момент — за чистоту речи. Мария Павловна отправила меня к логопеду, и та заметила, что у меня остались

проблемы с шипящими согласными. Чтобы было интересно упражняться, я сочинил себе стишок, который назывался «Шепелявый жук»:

Ужасно шокирован жук:
Всё жиже, шипящее звук.
Уже не жужжит, а шуршит.
Уже не мужик — инвалид!
Жужжи, шепелявый дружок,
Чтоб мир весь жужжаньем прожёг!
Давай же, мужик, зажигай!
Жужжанием жару жжжадай!..

Логопеду стишок понравился, как и результаты его применения. Она даже попросила переписать его себе для работы с другими пациентами. Мы с жжжуком пыжжжились от важжжности.

Сражения продолжаются

По возвращении домой с улучшенным жужжанием я стал активно гулять, понемногу начал бегать трусцой (и читать книги о беге). Кроме утренней зарядки делал днём небольшую гимнастику на Берёзовой аллее, нашей прогулочной зоне. Осваивал появлявшиеся поблизости уличные тренажёрные площадки. Совершал вылазки в парк Дружбы, в парк Речного вокзала, предпринимал и более дальние путешествия.

...И много-много всякого ещё было, индивидуального и общего.

Чего удалось достичь, стало понятно при общении с нашим давним другом Виктором Гельманом. Он много раз имел дело с людьми, пережившими инсульт, и долго, глядя на меня и слушая рассказы о наших приключениях, удивлённо покачивал головой.

— Нет, — наконец вынес он заключение. — Ты как-то совсем не похож на инсультника.

Никогда я так не радовался, что меня забраковали.

То, что я сам почитал позже об инсультах и повидал в больнице при реабилитации, показало мне, что не только избавление от возможного завершения земной жизни было чудом. Достаточно ограниченное поражение организма и наши успешные сражения за его восстановление — всё это было не менее удивительным исходом.

Совсем недавно, в процессе работы над книгой «Старость или старшесть?», о чём ещё напишу, я прочитал книгу Рам Дасса о старости, где он

описывает свой опыт перенесённого инсульта (примерно в том же возрасте, как случилось у меня) и противостояния его последствиям. Параллелей оказалось много, но ему выпало куда более трудное испытание, поскольку рядом не оказалось самоотверженной любимой женщины. То, как он с этим испытанием справился, даже оказавшись прикованным к инвалидному креслу, напомнило мне, что есть куда более героические люди, чем я, и что в истории моих послеинсультных сражений решающую роль сыграли те, кто бились за меня и до сих пор поддерживают больше, чем это заметно.

Творчество в водовороте изменений

Что касается внутренней опоры в боях за восстановление дееспособности, то наиболее подходящее название для неё — творческая мотивация. Те разительные изменения жизненных возможностей, с которыми я столкнулся в первое время после инсульта, привели меня в странное состояние. С одной стороны, я торопливо схватился, несмотря на больничную обстановку и разнообразные колебания самочувствия, за те писательские проекты, которые считал необходимым осуществить до того как... С другой стороны, это не было паникой: я вполне понимал, что быстро такое не осуществимо. Мною руководила какая-то уверенная надежда (ничем особо не обоснованная), что если делать то, что можешь, на максимуме — всё придёт к нужному результату.

Во мне всё больше упрочивалось ощущение, что продолжение моей жизни — это некий целенаправленный подарок судьбы. А значит, нужно обращаться с ним бережно и использовать по назначению. То есть в творческом направлении.

Хорошо помню, как составлял план пятой книги про червячка Игнатия, сидя в инвалидной коляске, когда мы ждали консультации в институте Бурденко (в значительной степени этот план и лёг потом в основу книги). Помню, как диктовал Маше первые фрагменты для книги воспоминаний (довольно сумбурные, как выяснилось позже). Как потом эти и другие наброски вводил в ноутбук Антон, прилетевший из Таиланда в связи с произошедшим и дежуривший возле меня, чтобы немного освободить маму. Со временем эти тексты мне не раз пришлось переделывать, но большое психотерапевтическое воздействие этот процесс, несомненно, оказывал.

Аккуратное обращение с подарком

По мере восстановления телесного состояния и душевного равновесия мне пришлось вырабатывать новый способ существования. Ведь обстоятель-

ства жизни существенно изменились и продолжали меняться дальше. А подарок дополнительной жизни заслуживал аккуратного обращения.

Прежде всего, важно было уменьшить уровень риска возникновения новых проблем, учитывая то, что уже случилось. В больнице я насмотрелся немало подобных примеров. Особое впечатление произвёл на меня сосед по палате — здоровенный мужик, которого некоторое время назад восстановили после инсульта. Тяжёлых последствий не было. Теперь его привезли после того, как он грохнулся со стула, на который встал, чтобы что-то положить на шкаф. Понимая, что мои вестибулярные фокусы тоже могут привести к чему-то такому, я на несколько лет отказался от замены лампочек в люстрах и от других возвышенных работ. Только в последнее время стал себе это позволять — при условии, что ничего не шатается и есть что-то прочное, чтобы держаться.

Отказался и от дальних поездок на общественном транспорте. Когда меня приглашали где-то выступить, первым моим условием стало «привезите меня туда и обратно». Связано это было и с тем, что в тёмное время мои вестибулярные проблемы обострялись. Исключение составляли наши вылазки с Машей. Держась с ней за руки, мы совмещали приятное с обеспечением безопасности.

Менялись отношения со сном. Да и сейчас они ещё продолжают модифицироваться. Ракурсы проблемы в том, чтобы количество и качество сна удовлетворяли организм. И чтобы ориентироваться на ритмы сна (насколько они мне понятны). И чтобы сознание оставалось эффективным и работоспособным, чтобы увлечённость работой не вносила чрезмерных возмущений в ночной режим. И чтобы возможная нехватка сна компенсировалась днём, чтобы иметь запас прочности, позволяющий встать среди ночи и записать что-то важное... И, поверьте, это ещё не все «чтобы».

Думательные листочки

Особой заботой для меня стал навык утренней зарядки. Конечно, я настраивал себя, как и со всеми остальными физическими процедурами, что это необходимо для поддержания нормального самочувствия и работоспособности. Но чем дальше развивался мой комплекс упражнений, тем больше утреннего времени (которым я особенно дорожу в творческом отношении) он требовал. Чтобы избежать внутреннего дискомфорта, я придумал класть на столе, рядом с которым расстилал гимнастический коврик, листок бумаги и ручку. Это позволяло сразу же записывать мысли, приходившие в голову. Постепенно я к этому привык и стал относиться к зарядке в комплекте

с «думательными листочками», как к важному элементу ежедневной работы. Правда, в таком виде зарядка занимала уже не час, а полтора. Но думал-то я все полтора часа! Двадцать-тридцать минут уходили только на запись.

За прошедшее десятилетие я научился использовать эти листочки по-разному. Сначала сочинял афористические фразы для Твиттера (листочки стартовали через две недели после открытия моего аккаунта). Но полгода спустя ориентация на Твиттер уступила место самостоятельному подходу к листочкам. Получалось намечать текущие и будущие темы, планировать общую структуру задуманного, искать новые ракурсы того или иного явления, целенаправленно продумывать нужные формулировки, а также сохранять возможность для свободного мыслеприимства...

Но самое интересное началось с возникновением канвы. Об этом приключении расскажу потом особо. Пока скажу лишь, что именно думательные листочки стали основным руслом её, канвы, формирования.

А когда меня охватила лихорадка доделывания (о ней тоже рассказано ниже), листочки уже служили мне мощным и эффективным инструментом.

Безработная свобода работать

Мои врачи настойчиво советовали мне не работать, имея в виду штатную или внештатную работу для заработка. Когда я спрашивал про писательскую работу, обе специалистки снисходительно улыбались и говорили, что это совсем другое дело, если для души и в охотку. Меня эта свобода оставаться безработным писателем вполне устраивала. Но важно было самому выработать какие-то правила жизни, сочетающие достаточную возможность поведенческих импровизаций с соблюдением разумных установок. С этим я экспериментирую все десять лет и достиг некоторого устраивающего меня компромисса. Хотя эксперименты по-прежнему продолжаются.

Всё время хочется добиться такого ритма жизни, который позволял бы максимально наполнить её творчеством, но при этом поддерживать организм в тонусе и не подвергать его напрасным напряжениям, сказывающимся на жизнедеятельности. Ведь именно чрезмерные напряжения, как стало потом понятно, привели к созданию условий для инсульта, хотя сам факт его относится, наверное, к таинственным решениям судьбы.

Например, удачным приёмом для меня оказалось правило однодневного нарушения правил. Оно состоит в том, что в любой день можно нарушить любую принятую установку, если того требуют обстоятельства, но на следующий день надо постараться, чтобы всё пошло по-прежнему. Для поездок на несколько дней или недель, когда обстоятельства становятся другими, были

выработаны свои правила, подходящие к этим обстоятельствам. Но с тем же условием — не нарушать их на следующий день после того, как они были нарушены.

Впрочем, даже обстоятельства «тихой домашней жизни» постоянно видоизменялись. Бурные инициативы Маши и Ксюши, в которых я с радостью участвовал, путешественническая жизнь Антона, вовлекающего всех в соучастие ей, мои собственные писательские вылазки... Да и сама творческая работа (хотя казалось бы — сиди и пиши) на каждом новом витке (особенно на каждой новой книге) то и дело вовлекала в очередное приключение, многое менявшее внутри и вокруг. Впору было воспользоваться девизом капитана Немо: «Подвижный в подвижном».

Отказ стать президентом

Звучит это, конечно, немного пафосно, но таков один из фактов моей послеинсультной жизни. Возможно, если бы не все эти события, я бы и не отказался. Мой друг Дональд, создатель и президент того издательства «Нарния», которое так успешно издавало много хороших книг, в том числе и мои, приехал ко мне в гости именно обсудить передачу своей президентской должности. Приехал с громадным плюшевым львом, которого звали, естественно, Асланом, и в этом было нечто символическое.

Дональд уже некоторое время как собрался к себе на родину, в Америку, и понемногу готовил меня к этой передаче эстафеты. Я даже числился в издательстве на какой-то подготовительной должности, мы обсуждали планы на будущее — и вдруг такое: инсульт.

Мы с Дональдом оказались с самого начала близки по духу, хотя он был пресвитерианин, а я православный. Он раскрутил меня на книги про червячка Игнатия и другие, организовал семинар для начинающих христианских авторов, мы с ним летали в Салехард... Даже ездили однажды на лошадях вместе с нашими дочерями.

Но всё-таки я сказал твёрдое «нет». Хотелось все силы и время направить в другое русло. А он оставил мне на память плюшевого Аслана.

Передача студии «Родник»

Литературную студию «Родник» для детей и взрослых, вступившую в десятый год своего существования, я тоже решил закрыть. Хотя несколько месяцев искал варианты сохранить её в каком-то независимом от себя виде. Для взрослой группы попробовали вариант самостоятельных занятий, но это долго не продлилось. Для детской группы я вроде бы подыскал подходящего

молодого руководителя, который и в этой группе немного занимался, и во взрослой, и педагогическое образование у него было. Мы провели с ним вместе переходное занятие, потом несколько провёл он сам, но потом и здесь дело как-то заглохло.

Своего рода облегчённую замену «Роднику» я вскоре организовал — интернет-студию, о судьбе которой ещё расскажу.

Вкус творчества и привкус преодоления

Изменения начались ещё и до всех инсультных событий. Уход на пенсию (который должен был бы стать благоприятным для творчества), попытки трудоустройства и поиски подработок (которые и привели в итоге к этим событиям, но по мере своей успешности во многом препятствовали писательской работе). И теперь, когда всё должно было бы успокоиться, изменения вовсе не прекратились. Ведь другим стал сам образ жизни, другими стали взаимосвязи с внешним миром.

По новому нужно было управляться и с самим собой. Хотелось не становиться прежним, а что-то в себе улучшить. Становиться достойным подарка дальнейшей жизни. Не давать ему запылиться, а тем более заржаветь.

...А ведь я ещё не представлял себе, насколько необычен этот подарок, какие щедрые неожиданности ждут меня дальше...

.

Ева МЕРКАЧЕВА

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Сокамерники разбудили Стаса в 8:30.

— С днем рождения! — пробасили четверо здоровых мужиков. — Будь мы на воле, отвели бы сейчас в баньку да в ресторан. Но вот что смогли...

Сокамерники не без гордости жестом показали на стол. Там стоял самый настоящий торт. Оказалось, накануне, пока Стас был на встрече с адвокатами, они сами приготовили его на основе творога и коржей, из баранок и сухарей сделанных, с добавлением орехов, меда и т. п.

— Это Серега придумал рецепт, — улыбаясь, кивнул один на полного мужчину. Тот смотрелся комично в коротких спортивных штанишках и резиновых тапочках, в которые едва влезли ноги в толстых вязанных носках.

Серега еще месяц назад понятия не имел, как готовить даже яичницу. Почти тридцать лет в бизнесе, — обеды только в лучших ресторанах или дома (готовил повар, который когда–то кормил президента). А тут пришлось самому придумывать рецепт чудо-торта. Это спецзадание камеры (она была маломестная, сюда поместили предпринимателей, обвинявшихся по одной 159 статье — «мошенничество») Сереге, или Сергею Николаевичу, как его звали в миру, пришлось по душе. Искал «наводки» в газетах и журналах, которые, слава Богу, разрешено выписывать заключенным. Сложность состояла в том, что в камере нет ни плиты, ни духовки. А с помощью кипятильника торт точно не сделаешь. Но природная смекалка помогла ему и на этот раз. Торт был отменный.

Получилось в итоге вообще все необыкновенно празднично. Не хватало только свечей (они запрещены ПВР — правилами внутреннего распорядка).

После чаепития вручили подарок — сделанную из пустых полуторалитровых пластиковых бутылок и веревок, скрученных из разрезанной простыни, — настоящую книжную полку. Сказали: «Нашему Командору» (в тюрьме

у Стаса появилась кличка — Командор, которую дали в знак уважения и непререкаемого авторитета). Наверно, так трогательно ученого, профессора не поздравляли никогда.

— Пройдите в адвокатский кабинет, — вежливо пригласил сотрудник СИЗО. Там ждал подарок от супруги Светланы. Она передала открытку, написанную вместе с детьми. Очень теплую, нежную, одним словом, семейную. Стас перечитывал каждое слово и впитывал потоки любви, которые, как ему казалось, лились через него. На воле такие открытки и супруга, и дети вручали ему каждый праздник, но ритуал их прочтения был дежурным, занимал несколько секунд. А тут все приобрело новый вкус, не только торт, но и простая открытка.

Стояла адская духота, и супруга позаботилась — передала футболку с короткими рукавами и очень тонкие носки. Теперь не будет жарко. Скажи ему кто-то, что он будет однажды радоваться простой футболке, он бы отошел от этого чудака подальше.

А подарки тем временем не заканчивались. От соратников передали гамбургер с картошкой фри (на воле Стас бы ни за что есть не стал, но за решеткой это был настоящий гастрономический изыск), а от адвокатов — коробку конфет «Рафаэлло».

О дне рождения узнала конвойная служба и продольный. Предложили вне графика вывести всю камеру в баню. Праздник продолжался. Баня — это на самом деле обычный душ, даже без лейки. Но в тюрьме он особенно ценен, так как снимает стресс и все отрицательное, что накоплено за последние дни. На воле ты не понимаешь, какое это счастье стоять под льющимся потоком воды 30 минут, меняя режимы от ледяного до кипятка. М-да, на воле у Стаса никогда и не было 30-ти лишних минут на душ. Максимум 5. Обмылся — вытерся — оделся — побежал. Здесь же профессор открыл для себя еще одну обыкновенную радость.

Вернулся из бани, а в камере — фуршет. Ребята нарезали сыра, колбасы, фруктов, сделали бутерброды с маслом и красной икрой (как в старое советское время). Не хватало только бутылочки хорошего вина. Раздобыть ее в СИЗО не удалось, хотя каждый из сокамерников готов был заплатить за нее пару миллионов (люди тут собрались, точнее, их собрали, далеко не бедные).

Посидели здорово, поговорили от души и насмеялись до коликов. В тюрьме без шуток и юмора нельзя — очень быстро скиснешь и зачахнешь. Поэтому Стас и его сокамерники постоянно шутили и поддевали друг друга. Завершился праздничный вечер рубиловой в домино. В домино вся камера вообще играла только по праздникам, зато с большим азартом и вдохновением.

Прочли вечернюю молитву по всем канонам и правилам (в камере сидел человек, который раньше был священником) и отошли ко сну. Стас понял — этот день рождения не забудет никогда. Но главное — он понял другое. Тюрьма каждому из них подарила то, о чем они мечтать не могли на воле, — время. Время, чтобы жить и чувствовать сок жизни. На воле у всех были дела или делишки, все носились без конца по странам и городам, мелькали лица, пейзажи... Но времени, чтобы остановиться и отдаться мгновению, не было. И как жалок, как беден в действительности тот, кто имеет все, но не может позволить себе этим насладиться.

Стас пошел к окну и увидел знакомого тюремного кота. Беспородный, с драным хвостом, он был желанным гостем в каждой камере.

Стас почему-то подумал, что больше всего на свете он хотел бы получить в подарок на следующий день рождения (дай Бог встретить его на воле) вот этого облезлого кота. Чтобы тот нагло забирался на колени в самый неподходящий момент, мурчал так громко, что не слышно звенящий мобильник, сбивал с мыслей и не давал распланировать следующий день.

Этот кот напоминал бы ему не о самой тюрьме, нет, а о простых радостях, которые она для него открыла.

ТАТЬЯНА ШИПОШИНА

ФИАЛКА

1.

Женщина любила растения. Домашних животных в её доме не водилось, зато домашние растения у неё жили.

Первым она подобрала около помойки кактус в разбитом горшке. Наверно, прежний хозяин не хотел напоследок оказаться исколотым кактусовыми колючками, и вынес беднягу на помойку вместе с горшком. Правда, кинул горшок на землю. Тот и разбился.

Женщина же — вся искололась, пока тащила кактус домой. Видимо, кактус уже не верил людям, вот и колол во все четыре стороны. Женщина посадила злюку в новый горшок, предварительно купив в магазине землю для кактусов. Неделю потом вытаскивала занозы — кактусовые колючки.

Затем женщина подобрала фиалку. Та погибала на окне соседнего подъезда. Её никто не поливал, потому что она стояла на окне площадки. Фиалка представляла собой жалкое зрелище. Пара мелких листочков и сухой корешок, торчащий из земли, напоминающей пустыню.

Примерно такое же происхождение имели и ещё несколько цветов. Кустик алоэ, маленькое денежное деревцо, да пара цветов без названия. Только орхидею подарили женщине на день рождения, чем орхидея очень гордилась.

Все растения женщина пересаживала, обильно поливала, удобряла, когда надо. И растения отвечали ей, как могли. Даже кактус зацвёл на следующий год, не говоря уже о фиалке и орхидее!

Бывало, женщина подойдёт к своим цветам, постоит рядышком. Иногда спросит:

— Как дела? Всего ли достаточно вам, милые мои?

Растения, конечно, тоже любили хозяйку и отвечали ей, но люди не могут расслышать голоса растений и не понимают их языка.

Сына женщины растения тоже любили. Потому, что тот никогда на них не кричал, и листочки им зря не обрывал. Да и просто так любили, не за листочки.

А тут…

Горе случилось в семье. Настоящее горе. Прозвучало в воздухе, как резкий крик, слово «лейкоз». А мальчик, сын хозяйки, ещё совсем маленький! Только-только шесть лет исполнилось!

Мальчика сразу же забрали в больницу.

Женщина… Что может сделать слабая женщина против ужасного, страшного монстра по имени «лейкоз»?

Упала женщина перед иконами, начала молиться. Помощи у Бога просить. Потому, что врачи-то делают всё возможное, а ничего мальчику не помогает. Тает ребёнок, тает на материнских глазах.

Не у кого ей больше помощи просить — только у Бога. Просит, просит… нет ответа.

Ещё просит — опять нет ответа.

Месяц бьётся, два месяца… Сидит рядом с сыном в палате целыми днями, только на ночь домой приходит. Уже на себя не похожа стала. Наконец, сказали ей, что переводят сына на «последнюю надежду» — на сильнейшее химиолечение, в специальную палату. Если уж это лечение не поможет… всё. Надежды больше нет.

Разрешили женщине в этой палате вместе с сыном лежать и днём, и ночью.

Пришла она на ночь домой последний раз, перед новой палатой. Чаю попила, цветы полила. Позвонила подруге, чтоб та раз в три дня приходила поливать цветы.

И упала снова на колени перед иконами. Долго молилась.

Перед самым сном подошла женщина к подоконнику, где цветы. И говорит им вслух:

— Понимаете ли вы, милые мои, что погибает мой сынок, ненаглядная кровинушка моя?

И вдруг женщина слышит… Или не слышит, а чувствует… В общем, как–то так, необычно слышит:

— Понимаем… Понимаем…

Женщина головой тряхнула и подумала: «Наверно, галлюцинации у меня. Мерещится, что цветы разговаривают… Совсем худо… а ведь нельзя мне. Мне надо держаться, а иначе — кто с сыном будет в больнице?»

Мотала она головой, да, видно, зря. Продолжает слышать:

— Я буду от всех говорить. Я, фиалка.

— Фиалка? — пошатываясь, переспросила женщина. — Говорить? От всех?

— Да, — снова прошуршал тот же голос–видение, если можно так выразиться. — Тебе надо сделать вот что: каждый вечер ты должна отрывать у меня по одному листочку…

— Зачем?

— Ты должна листок измельчить, и дать своему сыну перед сном. Хоть — с водой, хоть — с компотом.

— Галлюцинация, почему я должна тебе верить? — громко спросила женщина и схватилась руками за голову.

Женщина отпрянула от подоконника и включила телевизор. Громко! Из телевизора полились холодные слова, жестяная музыка, в глаза ударил свет, наполненный неживыми картинками. Тут уж точно — не услышать, что говорит фиалка.

Если даже она запоёт хором с кактусом, орхидеей и алоэ — и то не услышишь.

Но, рано или поздно, телевизор приходится выключать. Женщина выключила телевизор очень быстро. Потому, что не могла его слушать. Она уже лежала в постели, но сон никак не шёл к ней. И тут она снова услышала голос фиалки:

— Каждый вечер ты должна отрывать у меня по одному листочку. Потом листок измельчи, и дай своему сыну перед сном. Хоть — с водой, хоть — с компотом.

Женщина вскочила и кинулась к иконам:

— Господи!

— И сын твой поправится, — услышала она в ответ шелестящий голос фиалки.

В изнеможении упала женщина снова на кровать. В слезах — уснула. А утром упаковала горшок с фиалкой в мешок и потащила с собой в больницу, в палату к сыну.

В больнице женщина спросила молодую докторшу, можно ли ей оставить цветок в палате.

— Ни в коем случае! — ответила молодая, но строгая доктор. — Стерильный бокс! А в горшке — земля! Сейчас же выбросить!

— Нет, доктор, — женщина прижала к себе злосчастный горшок. — Давайте я его в коридорчике возле кабинета профессора поставлю. Там же можно?

— Можно, — разрешила доктор.

Вид доктора выражал неудовольствие, а глаза… глаза у доктора такие, словно она сейчас отойдёт в сторонку и заплачет. В таком отделении, как это, не могут работать доктора с иными глазами.

Потянулись долгие дни лечения. Сыну женщины было очень, очень плохо. Казалось, не только дни — часы его маленькой жизни уже сочтены. Да что часы — минуты!

Женщина не отходила от сына. Она забывалась коротким сном и снова сидела у его постели, держа тоненькую ручку сынишки в своей руке. Словно пытаясь передать малышу частицу самой себя. Молилась, молилась…

С надеждой смотрела она в глаза докторов, а глаза докторов всё так же готовы были плакать.

С надеждой и болью скармливала она сыну очередной толченый листик фиалки, растворённый в собственных слезах…

2.

Наступил день, когда на кустике фиалки осталось три–четыре листика. Да и те — мелкие, какие–то вяловатые. Видимо, у растения погибали и корни.

Но!

Сыну-то становилось легче! Вот он впервые попросил есть. Вот он попытался поиграть с любимой машинкой, десять раз промытой и простерилизованной. Вот он впервые попытался встать.

Женщина…

Бедная женщина! Она ещё не верила. Не могла поверить, что кризис миновал, что у неё и её сына появилась надежда.

Но докторша! Строгая докторша вдруг улыбнулась и заговорила на отвлечённые темы! Неужели — правда, и сын идёт на поправку?

«Господи! Спасибо Тебе! Слава Тебе!» — думала женщина, не представляя, какими словами кричать ей в небо о том, как она благодарна…

В тот вечер женщина, как всегда, вышла в коридорчик к кабинету профессора за листком фиалки. Сердце её пело от надежды и чувства благодарности. Впервые за многие месяцы она могла позволить сердцу не бояться таких чувств.

А на кустике… Если то, что осталось, можно назвать кустиком…

На кустике осталось два листочка.

— Милая ты моя, — прошептала женщина, усаживаясь на лавочку около цветка. — Ты ведь погибаешь… Ты ради моего сыночка погибаешь…. Наверно, тебе очень плохо… Тебе больно, да?

Если бы могла женщина как-то обнять цветок, как–то поблагодарить цветок…

— Не волнуйся, — вдруг снова услышала — почувствовала женщина голос фиалки. — Не плачь. На всё — Божья воля. Мне плохо, да. Но мы, цветы, чувствуем иначе… не так, как люди…

Фиалка! Женщина снова услышала её голосок! Но звучал он едва слышно, прерываясь.

— Я тебя слышу! — чуть не закричала женщина. — Спасибо тебе! Спасибо! Но… Разве для тебя есть Божья воля? Ты же…

Женщина хотела сказать: «Ты же — просто цветок!» — но остановилась.

Зато фиалка прошелестела, словно услышав вопрос женщины:

— Я — просто цветок. А Божья воля на то, чтобы твой сын выздоровел именно так, а не иначе.

— Почему?

— Я не знаю. Не знаю, не знаю… — тихо шелестела фиалка. — Может потому, что ты любишь растения… спасаешь нас… Ты никогда не разрешала сыну рвать листочки просто так. Даже в лесу. Но, может, и совсем не поэтому.

— Не может быть! — воскликнула женщина. — Не понимаю!

Фиалка молчала.

Наконец, женщина опомнилась, чтоб спросить:

— А ты… то есть вы, растения, всегда выполняете Божью волю?

— Протестуют только люди, — прошелестела в ответ фиалка.

— Но ты же… ты же погибаешь!

— Да. Но смерти — нет. Я просто скоро уйду в Божьи сады.

— В Божьи сады?

— Да.

— Но ты хотела бы… ты хотела бы ещё пожить здесь?

— Да, — прошелестела фиалка. — Наверно, да.

Женщина снова молчала, не зная, что сказать.

— Я не могу… — прошептала она. — Я не могу сорвать твой листок…

— Не бойся, — прошелестела фиалка.

Женщина вошла в палату к сыну. Предпоследний листок она сорвала.

— Мама, ты мне книжку почитаешь? — с порога спросил выздоравливающий сынок.

Сердце женщины готово было разорваться. От боли и от счастья одновременно.

3.

— Завтра мы переводим вас из бокса в палату, — сказала строгая молодая доктор.— Вы молодцы. Честно говоря, вы понимаете… иногда мы теряли надежду. Совсем, понимаете, теряли… Наверно, Бог вам помогает.

— Спасибо, доктор, — ответила женщина. — И Бог, и вы, и…

Если бы доктор знала, что она, да в стерильном боксе, да каждый вечер, да после тяжелейшей химиотерапии, по капле вливала сыну в рот толчёный листик обычной комнатной фиалки, да ещё после того, как с этой фиалкой поговорила…

Наверно, поехала бы она в психиатрическую больницу.

Вечером женщина снова вышла в коридор к своей фиалке. Бедняге, видимо, стало совсем плохо. Она молчала, а последний листик безжизненно свисал вниз.

Женщина сорвала листик у самого основания. Она уже приняла решение, поэтому делала всё быстро.

Принеся листок в палату, она аккуратно, наискосок, подрезала черенок листа. Часть черенка растолкла, как всегда, и добавила сыну в чай.

А листик с коротким черенком поставила в приготовленный стеклянный стаканчик. До завтра, до перевода в общую палату, его никто не должен здесь увидеть.

Конечно, женщина сделала это не просто так.

Конечно, она думала пред этим. Но…

Божья воля на то, чтоб её сын выздоровел. Именно так, а не иначе. Все листки она должна была дать сыну, все!

А она…

Правильно сказала фиалка, что только человек протестует.

Но разве Бог не видит человека, со всеми его потрохами? Разве воля Божья — это что–то каменное, застывшее навсегда? Разве не может быть Бог милостив к фиалке, как к человеку, и к человеку, как к фиалке? И ко всему этому миру, как к фиалке и человеку?

«Прости меня, Боже! — молилась женщина. — Ты был так милостив к моему сыну, что у меня не находится слов, чтоб поблагодарить Тебя. Нет у меня ничего, чем я могла бы как–то отплатить Тебе за доброту и милость! Не суди же меня строго, пожалуйста… Я не выполнила всё до конца, а решила спасти хотя бы частицу этой фиалки, жизнь которой ушла на спасение моего сына… Я не могу миловать, как Ты… Я просто…»

Да… попробуй тут, найди слова.

4.

Листок ожил. Дал корешки, и скоро оказался пересаженным в симпатичный светлый горшочек. Горшочек занял достойное место на подоконнике. Среди прежних жителей и парочки новых спасённых растений.

Мальчик пошёл в первый класс.

А женщина?

Женщина иногда садится на стул около своего подоконника. Смотрит на цветы, словно разговаривает с ними.

Но, к сожалению, люди не понимают языка растений и не слышат их голосов.

Чаще всего.

МАРИЯ РЯБОЧЕНКО

УРОКИ МАТЕМАТИКИ

Наташа была самой красивой девочкой в классе. С круглыми глазами, вздернутым носиком, пухлыми губками и тугими русыми локонами. Когда ее вызывали отвечать заданный урок, она мило хлопала ресницами, поджимала губки и молчала. Учеба почему–то давалась Наташе трудно.

Маринка уже нескольких одноклассников подтянула по математике — занималась с ребятами дополнительно дома. И вот ее прикрепили к Наташе. Девочки договорились, что ходить будут друг к другу по очереди.

Маринка очень любила приходить к Наташе. Зайдя в прихожую ее квартиры, она сразу оказывалась в сказочном мире. Наташин папа коллекционировал кукол. В прихожей вдоль стен стояли шкафы со стеклянными дверцами, за которыми на полках красовались принцессы в сказочных нарядах, фигурки мужчин и женщин в национальных одеждах разных стран, фарфоровые статуэтки… Маринке было неудобно задерживаться около шкафов, ведь она приходила по делу. Удавалось лишь мельком бросить взгляд то на одну, то на другую полку.

Заниматься с Наташей было трудно. Можно было несколько раз объяснить, как решается уравнение, а Наташа решительно ничего не понимала и сидела скучная–прескучная.

— Дай, я лучше спишу у тебя, — говорила она просто. И списывала все домашнее задание.

Маринке такие занятия не нравились. Другие ребята — и Саша, и Рита — очень даже хорошо подтянулись, с троек перешли на четверки. А Наташа и до сих пор могла решить контрольную на три с минусом.

Так и ходили они уже два месяца по два раза в неделю друг к другу. У Маринки дома Наташа занималась ничуть не лучше. Пока Маринка объясняла, Наташа смотрела куда–то по сторонам. Хотя ничего примечательного

вокруг не было — самая обычная квартира, с обычной мебелью. Единственное, чем можно было заинтересоваться, это два шкафа с книгами. Маринкина лучшая подруга Олька иной раз не отлипала от этих шкафов и часто уходила домой с новой книжкой в руках. Наташу книги не интересовали. Она останавливалась только у одной полки, за стеклом которой стояла совершенно невиданная по тем временам открытка с объемным изображением. Девушка в воздушном розовом платье, с белокурыми локонами, стояла под руку с прекрасным юношей. Если взять открытку в руки и повернуть ее немного вбок, изображение менялось: девушка улыбалась, а юноша подмигивал. Такой открытки не было, наверное, ни в одном доме Советского Союза. Ее прислал старшей сестре Маринки друг из далекого Перу, который когда–то учился в Москве. Открытка была подписана по–русски, мелким и острым почерком Хуана.

Все друзья, приходившие к Маринке, любили повертеть в руках это чудо.

И вот очередное занятие у Наташи. Она доедает на кухне суп, а Маринка терпеливо стоит у порога. Потом снимает валенки, подходит к крайнему шкафу с куклами, ненароком бросает взгляд в Наташину комнату, дверь в которую открыта, и чуть не вскрикивает от неожиданности: под стеклом на полке с учебниками стоит сказочная парочка из Перу. «Неужели у нее тоже есть такая открытка? Но этого не может быть…» Девочка так поражена и удивлена, что не слышит, как Наташа зовет ее заниматься. Все сорок минут Маринка сидела как на иголках, потом опрометью бросилась домой. Не снимая валенок, подлетела к полке в своей комнате и застыла в ужасе — да ведь открытки нет! Ее нет! Как же она этого не заметила? Девочка начинает лихорадочно перебирать, переставлять книги, ищет под диваном, под столом, за этажеркой с учебниками… Открытки нет, она исчезла. Маринка дрожит всем телом, потом ее прошибает холодный пот. Что, что она скажет сестре, когда та заметит пропажу?

На следующий день Маринка на первой же перемене подлетела к Ольке.

— Представляешь, у меня открытка пропала!

— Какая?

— Та самая, на которой подмигивают…

— Да я в воскресенье у тебя была, мы ее рассматривали, — говорит Олька. — Куда же она исчезла? Ты везде искала?

— Везде. В воскресенье была, а в понедельник у меня Наташа занималась… — Маринка замолчала, а Олька смотрела на нее вытаращенными от изумления и ожидания глазами.

— Ты знаешь, я вчера у Наташи была. У нее на полке стоит такая же… — еле выдавила из себя Маринка.

— Так это твоя! — без всяких сомнений заключила Олька.

— А вдруг и у Наташи такая есть?

— Такой ни у кого быть не может! — сказала Олька категорично.

— А вдруг?

— А ты проверь!

— Как?

— Посмотри, есть ли надпись на обороте…

— Не могу, это так стыдно, — чуть не плакала Маринка.

— А воровать не стыдно? — возмутилась Олька. — Ты почему такая трусиха? Хочешь, с тобой пойду?

— Нет, это еще стыднее. А вдруг это Наташина открытка? Получается, что я ошиблась, да еще другим растрезвонила…

— Тогда сама проверь! Ты когда к ней опять пойдешь?

— Почти через неделю, в следующую среду…

— А вдруг сестра обнаружит пропажу? Что ты скажешь?

— Не знаю, Олька, — у Маринки глаза были на мокром месте и голос дрожал.

Получилось так, что к Наташе Маринка попала раньше. В понедельник Наташа не пришла в школу. Вернувшись после занятий домой, Маринка позвонила своей подшефной ученице.

— Наташа, ты почему в школе не была?

— Горло болит, — ответила та осипшим голосом. — Мороженое на улице съела. Ты приходи сегодня заниматься ко мне, я не заразная.

Наташа открыла дверь и тут же юркнула в свою комнату, под одеяло. Маринка медленно стягивала с ног валенки, снимала пальто... Как начать такой страшный и неприятный разговор? Девочка задержалась на пороге, а потом робко подошла к книжным полкам и стала рассматривать картинки — стекла были заклеены вырезками из журналов: красивые девушки, просто глазки, губки… А вот и прекрасная парочка!

— Наташ, а у тебя тоже есть такая открытка? — не оборачиваясь, тихо спросила Маринка.

— Какая? — как будто ничего не понимая, уточнила Наташа.

— Ну, вот такая, объемная? — Маринка ткнула пальцем в розовое платье девушки.

— Да, есть, — Наташин голос вдруг стал высоким и даже возмущенным.

— Можно, я посмотрю?

Не дожидаясь ответа, Маринка быстро отодвинула стекло, схватила открытку и перевернула ее на обратную сторону. Так и есть: знакомый мелкий и острый почерк, подпись «Хуан».

— Наташа, это моя, моей сестры открытка, — Маринке было стыдно обернуться и посмотреть Наташе в глаза.

— Ну и забирай ее, забирай! — вдруг разрыдалась Наташа.

Маринка вышла в прихожую, положила открытку в карман пальто. За ее спиной уже стояла Наташа.

— Хочешь, любую куклу у меня бери! — кричала она.

— Не хочу! — опешила Маринка.

— Нет, бери! — Наташа уже достала с полки девушку–черкешенку и сунула ее Маринке в руки. — Бери, мне не жалко!

— Я не возьму, — Маринка протянула куклу Наташе.

— Что, она тебе не нравится, не нравится?

— Очень нравится, но она не твоя! Это же папина, из коллекции!

— Ах, она тебе не нравится! — словно не слыша Маринку, продолжала кричать Наташа. — Тогда я ее выброшу в окно! — девочка бросилась в комнату, распахнула окно… Через секунду черкешенка летела с шестого этажа в снег.

Маринка вскочила в валенки, набросила пальто, уже в лифте надела шапку. Опрометью обежала дом и растерялась: как с обратной стороны длиннющей девятиэтажки понять, где Наташин четвертый подъезд? Маринка шла, увязая в глубоком снегу, и считала окна — по шесть на один подъезд. Шесть, двенадцать, восемнадцать… Значит, уже начинаются квартиры Наташиного подъезда. Маринка внимательно смотрела по сторонам и, наконец, прямо перед собой увидела дырку, уходящую в глубь сугроба. Подошла ближе, сунула в снег руку по самый локоть и наткнулась пальцами на сапожок черкешенки. Аккуратно потянула куклу за ноги… Нарядного белого убора на волосах черкешенки уже не было. Девочка несколько раз копнула рукой снег в ямке, но ничего не нашла, только заморозила пальцы. Потом бережно отряхнула куклу от снега, сунула за пазуху и быстро стала пробираться обратно. Она уже подбегала к подъезду, как вдруг увидела, что со стороны остановки к нему приближается Наташина мама. Только бы опередить ее, только бы опередить… Маринка не стала вызывать лифт, взлетела на шестой этаж и отчаянно нажала на звонок. Наташа открыла сразу же, словно так и стояла под дверью. Маринка сунула ей в руки куклу, схватила свою сумку с учебником и тетрадкой, распахнула дверь и оказалось лицом к лицу с Наташиной мамой.

— Что у вас тут происходит? — спросила та строго, глядя сверху вниз на Маринку.

— Мы занимались… математикой… — Маринка влипла в косяк, пропуская маму, затем юркнула за порог и, перепрыгивая через две ступеньки, побежала вниз.

Только на улице обнаружила, что забыла у Наташи свои новые, связанные бабушкой, варежки — подарок к Новому Году. Ни у кого в классе таких не было — бабушка и узор подобрала красивый, и украсила рукавички у края бахромой. Но возвращаться за ними Маринке не хотелось. «Вот поправится Наташа, и принесет варежки в школу», — подумала она и, уминая пятками набившийся в валенки снег, зашагала к дому. Руки моментально замерзли от студеного ветра. Свободную от сумки руку Маринка засунула в карман пальто и нежно гладила пальцами ребристую поверхность открытки.

А что она скажет своей маме? Где варежки? Почему не вернулась, не забрала их? Эти вопросы вдруг заставили девочку остановиться. И правда, почему? Почему ты такая трусиха? — вспомнила она слова Ольки. Разве ей, Маринке, нужно чего–то бояться или стыдиться? Ведь она ничего плохого не сделала. Это Наташе, наверное, очень стыдно. Бедная... Как же ей сильно, очень–очень сильно хотелось, чтобы эта чудесная открытка постояла и у нее на полке... Захваченная своими мыслями Маринка опомнилась только у Наташиной двери. Отряхнув на коврике валенки от снега, позвонила.

— Ну, наконец, — Наташина мама стояла уже с варежками в руках. — А мы переживали, что ты их забыла, — вовсе не сердито, а даже ласково сказала она. — Когда теперь придешь заниматься?

— В среду, — легко и уверенно сообщила Маринка.

Александр ГАЛАГАНОВ

СТРЕКОЗЁНОК

Потерял Стрекозёнок крылышко. Было их четыре, стало — три. Идёт, плачет… Хотел лететь — не может, падает!

— Ха–ха–ха! — Смеются над ним Мошки. — Посмотрите, какой забавный Стрекозёнок! Как он смешно пытается лететь!

Ползёт мимо Червячок:

— Ты что плачешь, Стрекозёнок?

— Я крылышко потерял, летать не могу, — рыдает Стрекозёнок.

— А зачем летать? Ползай, как все, и будь счастлив!

— Не хочу ползать, хочу в небо!

— Ну и хоти…— проворчал Червячок и пополз своей дорогой.

Плачет Стрекозёнок. Села рядом Муравьиная Принцесса:

— Ты что плачешь, малыш?

— Крылышко потерял, летать не могу…

— Ну и что, я тоже скоро свои крылья потеряю, зато я помню, что летала, и эта память будет греть меня всю остальную бескрылую жизнь! Радуйся, что был в небе!

— Не хочу радоваться, хочу летать! Я страдаю без полёта!

— Ну и страдай! — Мстительно прошептала Муравьиная Принцесса, отламывая свои волшебные крылышки и заползая в норку, чтобы начать земную жизнь Муравьиной Королевы…

Подобрал Стрекозёнок её крылья и заплакал ещё горче!

Подлетели к нему две Мухи, начали кружить вокруг него и жужжать:

— Ты что ж плачешь, Стрекозёнок? Что ж не летаешь?

— Не могу я летать: крылышко потерял!

— Ж–ж! У тебя ж крыльев аж целых три, а у нас же всего по два! — Прожужжала первая Муха.

— Отломай одно, и будеж–ж как мы…— подхватила вторая.

— …И полетиж–ж–ж…

И начали они бестолково вокруг него носиться и советы бестолковые давать, как можно было бы лишнее крылышко отломать или откусить, да какое из оставшихся трёх выбрать можно, каким пожертвовать, что у него голова закружилась.

— Летите–ка вы, Мухи, со своими советами своей дорогой, а я тут сам разберусь! — Так уж он на них почему–то разозлился, что даже плакать перестал.

Подполз к нему Жук:

— А давай, Стрекозёнок, я тебя покатаю на спине? Оба полетим, ты только знай себе держись! Хочешь?

— Хочу! Хочу! — Обрадовался Стрекозёнок. — Давай!

Вскарабкался он на спину Жука, тот приподнял панцирь, расправил свои крылья, махал–махал ими, из сил выбился, но взлететь так и не смог…

— Извини, малыш, ничего не получается…

— Спасибо тебе, Жук, за надежду…— Улетел Жук один.

Начал Стрекозёнок в небо смотреть. А в небе — и Бабочки, и Комары, и Мошки, и другие Стрекозята: все летают, все радуются… Только он один плачет…

Опустилась рядом Пчела:

— Слышала я, Стрекозёнок, о твоей беде, давай помогу: на вот кусочек воска, прилепи вместо потерянного крылышка крыло Муравьиной Принцессы — и лети!

Так и сделали. Только раз махнул Стрекозёнок приклеенным крылом, только чуть над землёй приподнялся, — оторвался воск, упало чужое крыло, а следом и сам летун свалился, снова заплакал.

— Спасибо, Пчёлка, не получается!

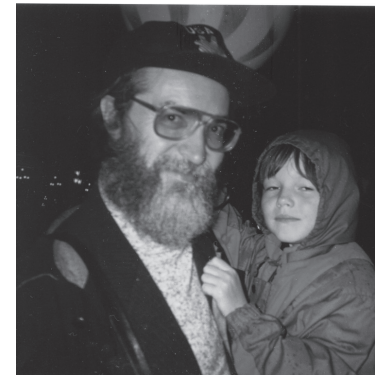
— Ладно, не плачь, всё ещё образуется. — Обнадёжила Стрекозёнка Пчела, улетая к цветам за пыльцой для своего мёда.

И решил он тогда без крыльев в небо забраться, подошёл к самой высокой крапиве и полез по ней вверх. Полз–полз, все лапки исколол, брюшко жгучей крапивой обстрекал, хвостик натёр, но всё–таки забрался на самую верхушку, вцепился в цветок и закачался вместе с порывами ветра. Далеко внизу стелилась трава, бегали муравьи, скакали кузнечики, ползали гусеницы, вверху порхали мотыльки. Посмотрел он вниз, посмотрел он вверх, начал крыльями махать, как будто летит. Поймал порыв ветра, настроился, — двумя крыльями один раз махнёт, одним крылом — два раза, двумя — один, одним — два, двумя — один, одним — два… Раз — два! Раз — два!..

Так увлёкся Стрекозёнок, считая разы, что и не заметил, как, ОЙ! — полетел! Пусть неуклюже, пусть низко, пусть рывками, зато сам! Без помощи! Ура Стрекозёнку!

Молодец, Стрекозёнок! Смог преодолеть и боль, и неудачи, и горе, и печаль! И насмешки, и сочувствие… Счастья тебе, маленький храбрый упорный Стрекозёнок!

Виктор КРОТОВ
и Ксюша,
его дочка,
когда она была маленькой



ВЛЮБЛЁННЫЙ КРОКОДИЛ

Расскажу тебе, дружок, историю про крокодила. Знаешь, какие бывают крокодилы? Ну–ка скажи — какие?..

Всё, что тебе придёт в голову, всё это совершенно правильно. Потому что крокодилы бывают разные. Особенно сказочные крокодилы.

Угадай, как его звали? Ну–ка, ну–ка, поугадывай...

Наверное, для каждого из имён, которые придут тебе в голову, найдётся где–нибудь крокодил с таким именем. Хотя бы в сказке. Ведь крокодилов на свете гораздо больше, чем имён для них. А уж в сказках крокодилов — вообще сколько захочешь.

Нашего крокодила звали Кркдл. В его имени остались одни только согласные, потому что все гласные он проглотил. Очень уж любят крокодилы глотать всё подряд.

А ты любишь глотать всё подряд?..

Конечно, нам с тобой всё подряд глотать не стоит. Иначе чем же человек будет отличаться от крокодила? Если уж что–то во рту оказалось, лучше пережевать как следует, правда?..

Тебе уже не терпится, чтобы история началась? И мне тоже. Так что давай начинать. Тем более, что по названию сказки уже понятно, что случилось с Кркдлом.

Кркдл влюбился.

Влюбился он не в девицу–крокодилицу и даже не в рыбку. А влюбился он — себе и всем на удивление — в птичку.

Что за птичка была? Как её звали? Это я тебе оставляю угадывать.

Ведь Кркдл даже об имени её не спросил. Так и звал её без имени, просто «птичка моя».

Он так эту птичку полюбил, что даже сказал ей однажды:

— Птичка моя! Ты мне так нравишься, так нравишься. Прямо проглотил бы тебя, да и только!..

Ведь всё, что ему нравилось, Кркдл тут же норовил проглотить. А птичка ему ОЧЕНЬ понравилась. И он ОЧЕНЬ хотел её проглотить.

А вот хотела ли этого птичка? Ты как думаешь?..

Не хотела. Но Кркдл никак не мог этого понять.

— Птичка моя, — говорил он ей, — я же о тебе заботиться буду. — Хочешь, телевизор проглочу, чтобы тебе во мне скучно не было?..

— Да ведь я тогда не увижу ни цветов, ни солнышка, ни приятелей своих, — чирикала птичка.

— Это всё дело поправимое, птичка моя, — уговаривал её Кркдл. — Цветы и солнышко по телевизору увидишь, я цветной проглочу, самый лучший. А приятелей твоих, кого захочешь, тоже проглочу с удовольствием. Не соскучишься!..

А тебе, дружок, как интереснее на цветы и солнышко смотреть? Может быть, по телевизору?..

— Я летать привыкла, — чирикала птичка. — Разве в твоём животе полетаешь?

— Хо–хо! — смеялся Кркдл. — Ты даже не представляешь, птичка моя, какой у меня живот внутри просторный. Столько всякого глотаю с утра до вечера, а там всё равно ветер гуляет. Соглашайся скорее! Очень тебя проглотить хочется.

Ну как, дружок, понимаешь ты переживания крокодила? Сочувствуешь ему? Ведь он так полюбил птичку, так полюбил...

Птичка не понимала.

— Не понимаю! — чирикала птичка. — Если ты меня так полюбил, зачем же тебе меня глотать? Ты же меня тогда и не увидишь.

— А что тут такого, птичка моя? — удивлялся Кркдл. — К чему понапрасну глазеть друг на друга? Зато ты будешь совсем моя. Будешь МНОЮ!..

— Вот уж нет! — чирикнула птичка. — Я хочу быть СОБОЮ. А вот как раз и друзья мои зовут меня полетать среди облаков. Нет, мои друзья тоже вряд ли захотят глотаться. Пока, пока!..

И птичка упорхнула.

Ты, должно быть, очень переживаешь за крокодила, дружок? Он ведь так полюбил птичку, так полюбил...

Но он на удивление быстро утешился. И вскоре снова был влюблён.

На этот раз — в мышку.

И говорил ей, взволнованно вздыхая:

— Мышка моя! Ты мне так нравишься, так нравишься. Прямо проглотил бы тебя, да и только!..

Ну, как, дружок? Хотелось бы тебе оказаться на месте мышки?..

А на месте крокодила?.. Представляешь, какое удовольствие — глотать всё подряд?..

Или лучше, как птичка, — фюить! — и улететь из этой сказки в какую-нибудь другую?..

Михаил СТАРОДУБ

БОЛЬШОЕ ЗВЁЗДНОЕ «БУ» С КУПЛЕТАМИ

пьеса в двух действиях

Действующие лица

ДЖОНСОН — существо парадоксальное.
ЛЫСЫЙ ПРЯНИК — вождь племени.
КРАСОТКА — прекрасная туземка.
БЛОНДИН — господин красного цвета.
СЕРЖАНТ — исполняющий функции начальника.
СТАРАЯ ГАЛОША — мать многих из племени.
ПЕРВЫЙ АГЕНТ.
ВТОРОЙ АГЕНТ.
ТУЗЕМЦЫ И ТУЗЕМКИ.
СЛОНОПОТАМЫ.

Западный сектор галактики.
Лоно природы планеты Z. Раннее утро.
Появляется ДЖОНСОН. Оглядывается. Находит цветок. Опустившись на колени, нюхает. Осторожно срывает его. Рассматривает. Пробует на вкус. Растение несъедобно, может быть, горькое на вкус. ДЖОНСОН сплёвывает. С ужасающим скрежетом выползает СЛОНОПОТАМ.

СЛОНОПОТАМ. — Ур–р–р!
ДЖОНСОН. — О!
СЛОНОПОТАМ. — Кра–кра!
ДЖОНСОН. — Э!
СЛОНОПОТАМ. — Ам! ***(Смыкает огромную беззубую пасть.)***

ДЖОНСОН ***(отчаянно).*** — Сам «ам!». Гляди у меня. Двигай отсюда.
СЛОНОПОТАМ. — Б–р–р... ***(скрежеща, уползает.)***
ДЖОНСОН ***(вдогонку, запальчиво)*** — То–то, «б–р–р»! Сиди и не высовывайся!

Появляется КРАСОТКА — прекрасная туземка, потом — не менее прекрасный туземец. ДЖОНСОН успевает присесть за куст.

ТУЗЕМЕЦ ***(галантно)*** — Пр–ш–ш–ш...
КРАСОТКА. — Хи–хи–хи.
ТУЗЕМЕЦ. — Бу! ***(Ударяет себя в грудь.)***

Подняв сухую ветку дерева, ТУЗЕМЕЦ не без труда сгибает ее.

КРАСОТКА — Хи–хи.

Ветка дерева с треском ломается.

ТУЗЕМЕЦ. ***(гордо)*** — Я!
КРАСОТКА. ***(уважительно)*** — Ого...
ТУЗЕМЕЦ. — Я, я... ***(Пытается обнять её, КРАСОТКА уклоняется, кокетливо убегает. ТУЗЕМЕЦ бежит вслед.)***
ДЖОНСОН. ***(встаёт из–за куста)*** — Эй!

Туземцы возвращаются, с удивлением разглядывают Джонсона.

ДЖОНСОН. — И я. И я.
КРАСОТКА. — Ну?
ДЖОНСОН. — Да ведь как сказать...
КРАСОТКА и ТУЗЕМЕЦ. ***(в восторге)*** — Я! Я! Эй! Эй!

Появляется множество туземцев. Галдят. ДЖОНСОН в ужасе. Мечется. Прыгает на камень. Толпа окружает его.

ДЖОНСОН ***(в страхе кричит).*** — Мамочка!
ТУЗЕМЦЫ ***(в восторге).*** — Бра! ***(Аплодируют.)***
ДЖОНСОН. — Кыш отсюда, мартышки!
ТУЗЕМЦЫ. — Бра! ***(Неистовствуют.)*** Бра!
ДЖОНСОН. — Пошли вон, говорю, братья по разуму!

Толпа потрясена. Общее молчание. Все восхищённо смотрят на Джонсона. Напряжённо ждут. Пауза.

КРАСОТКА ***(очень трудно, по слогам)*** — Да–ведь–ка–ак–ска–зать… кыш–от–сюда, мартышки…

Общий восторг, крики «бра!», аплодисменты. Туземцы разбегаются, с удовольствием выкрикивая:

«Да–ведь–ка–ак–ска–зать! Да–ведь–ка–ак–ска–зать! Вон–пошли! Кыш–мар–тыш!»

Остаются ДЖОНСОН и КРАСОТКА. Пауза.

ДЖОНСОН — ***(присаживаясь на камень, устало)*** Фу...

КРАСОТКА — Я...

ДЖОНСОН — Ну?

КРАСОТКА — Да ведь как сказать? Мамочка!

ДЖОНСОН — Очень просто. Словами.

КРАСОТКА — ***(подходит, гладит Джонсона по щеке)*** Словами… ***(Восторженно смотрит на Джонсона.)*** Я. Словами. Кыш отсюда.

ДЖОНСОН — ***(галантно)*** А скажите, любезная красотка, где в ваших краях подкрепиться усталому путнику?

КРАСОТКА — ***(заворожено, глядя на Джонсона)*** Красотка… путнику...

ДЖОНСОН — Сил нету, девочка. Без еды третьи сутки, понимаешь? Голодаю. Есть хочу, принимать пищу...

КРАСОТКА — ...Принимать?

ДЖОНСОН— ***(иллюстрирует руками, лицом)*** Наворачивать, поглощать... вцепиться и терзать. И, чтобы м–м–м, как вкусно! Глотать, глотать, глотать...

КРАСОТКА — Оу! Оу!

Скрежеща, выползает СЛОНОПОТАМ.

ДЖОНСОН — ***(в страхе)*** Чтоб тебя... жуткая тварь! Вылитый слонопотам...

СЛОНОПОТАМ — Ам!

КРАСОТКА — ***(ласкает животное, как большую собаку. Про слонопотама)*** Девочка, красотка...

(Подняв с земли половину скорлупы огромного ореха, КРАСОТКА опускается на колени. Начинает доить слонопотама. Наполнив скорлупу до краёв — предлагает Джонсону)

ДЖОНСОН — ***(выпивает отчаянно, единым духом)*** Вкусно. И, похоже, питательно.

КРАСОТКА — Оу!

СЛОНОПОТАМ уползает.

КРАСОТКА — ***(приглашая)*** Пр–ш–ш...

ДЖОНСОН — Погоди–ка... ***(Целует её в губы.)*** Спасибо за молоко!

КРАСОТКА — ***(о поцелуе)*** Вкусно... и, похоже, питательно.

ДЖОНСОН — Вкусно, девочка, ещё как вкусно!

Уходят.

СЦЕНА 2.

Вечер того же дня.

Посёлок. Хижины. Перед самой большой из них на поваленном стволе дерева восседает ДЖОНСОН. Вокруг — туземцы, которые, затаив дыхание, наблюдают его. ДЖОНСОН важен, говорит солидно. Рядом — корзины плодов. Рассуждая, ДЖОНСОН выбирает плод. Осмотрев, пробует. Если плод хорош, ДЖОНСОН неторопливо ест. То, что ему не нравится — швыряет в заросли. Кажется, ДЖОНСОН насытился, ему хорошо.

ДЖОНСОН — ***(продолжая)*** ...Таким образом, краснокожие друзья мои, заявляю со всей ответственностью: вселенная бесконечна. Но вы не одиноки. Что касается нашей галактики, она достаточно плотно заселена. В каком–то смысле исхожена вдоль и поперек. Тем более приятно и неожиданно встретить таких очаровательных простаков и разинь... встретить братьев по разуму, здесь, на задворках цивилизации.

ВОЖДЬ — Много слов. Не просто. Дай спросить на задворках цивилизации.

ДЖОНСОН — Валяй, Лысый Пряник, спрашивай.

ДЖОНСОН достает пачку сигарет. Закуривает. Общее внимание.

ДЖОНСОН — Никотин, яд. Дрянь приставучая… ***(С удовольствием затягивается.)*** Бяка. Тьфу.

ВОЖДЬ — Зачем?

ДЖОНСОН — Иди сюда.

(Вождь подходит. Затянувшись, ДЖОНСОН пускает струю дыма в лицо Вождя. Тот, отшатнувшись, кашляет, в глазах у него слёзы. Одновременно с Вождём, отшатнувшись, начинают кашлять, вытирать слёзы, окружающие туземцы)

ДЖОНСОН — ***(несколько удивлённо)*** Пардон, друзья, пардон... не рассчитал эффекта, ***(Затягивается.)*** Проклятое зелье.

ВОЖДЬ — ***(сквозь слёзы)*** Зачем?

ДЖОНСОН — Такие уж мы, люди, парадоксальные существа. Скверная привычка.

Пауза. Туземцы насторожены.

ДЖОНСОН — Что нахохлились, братья по разуму? ***(Затягивается сигаретой, туземцы отшатываются, смотрят почти враждебно.)*** Ну, будет... белокожий брат пошутил.

Пауза.

ДЖОНСОН — Хорош дуться, честное слово! ***(Гасит сигарету.)*** Давайте–ка лучше, в знак примирения... ***(Выбирает из корзины три одинаковых плода.)*** Демонстрирую! В качестве разрядки... Ап! Раз — два — три!

ДЖОНСОН неумело жонглирует плодами. Общий восторг. Туземцы, в свою очередь, пытаются подражать. Плоды рассыпаются. Однако, через фантастически короткое время, туземцы жонглируют хорошо, очень хорошо, блистательно. Необходимо подчеркнуть: жители планеты Z обладают способностью почти мгновенно обучаться. Всё, что умеет ДЖОНСОН, что показывает случайно, чему учит намеренно, — всё это с удовольствием перенимают туземцы. Поначалу для них это увлекательная, чуть гротесковая игра. Разумеется, местные жители копируют также пластику Джонсона, манеру рассуждать, прочее. К финалу 1 действия —

перед нами — множество почти не отличимых от Джонсона жителей планеты Z. Во втором акте — каждый найдёт нечто индивидуальное, своё.

ДЖОНСОН — ***(любуется туземцами)*** Молодцы, ребята! Браво! ***(Хлопает в ладоши.)*** Отлично! Какие таланты пропадают... крупный план, наезд... Добрый вечер, дорогие друзья! Начинаем нашу вечернюю развлекательную программу из жизни аборигенов планеты Z! Музыкальная заставка... ти–ра–па–рам...

Исполняет ритмичную мелодию, которую немедленно подхватывают туземцы. Разложив на голоса, виртуозно импровизируют, не прекращая жонглировать.

ДЖОНСОН — ***(потрясённый)*** Бесподобно! Высший класс, парни!

ДЖОНСОН вдохновенно солирует, исполняя популярные куплеты.

Крошка Мери,
С кем теперь ты
Крутишь стереокино?
Крошка Мери,
Ты поверь мне, —
Сердце насмерть по–ра–же–но.
Смени программу, крошка!
Пусть эти фирменные ножки,
Запатентованную гру–удь,
Вернёт мне «стереоокошко»
Хоть ненадолго, на немножко,
Хоть–на–чуть–чу–уть!

Пауза. Все счастливы, как могут быть счастливы дети — участники общей игры. Туземцы с обожанием смотрят на Джонсона. Так любуются необыкновенной игрушкой. ДЖОНСОН, кажется, — само добродушие.

ВОЖДЬ — ***(деликатно)*** Лысый Пряник хочет спросить. Да ведь как сказать? ***(Мнётся.)***

ДЖОНСОН — Не стесняйся, любезный. Смелее.

ВОЖДЬ — Со всей ответственностью... встретить... ***(Ищет слова.)***

КРАСОТКА — Я! ***(Джонсону.)*** Ты боишься. Жуткая тварь. Почему?

ВОЖДЬ — Почему ты боишься, жуткая тварь? Я чувствую твоё, как своё... ты боишься там... ***(указывает на звёзды),*** где вселенная не одинока.

ДЖОНСОН вскакивает. На секунду лицо его искажает страх.

ДЖОНСОН — Пожалуй, вас это не касается, любезные мартышки! ***(Пересилив себя, с напускным добродушием.)*** Концерт окончен, пора бай–бай. ***(Вождю.)*** А теперь я хотел бы отдохнуть. На моей планете существует традиция: мужчину в постель сопровождает особь женского рода. Что вы на это скажете?

ВОЖДЬ — Зачем?

ДЖОНСОН — Знак уважения. Чтоб не скучно было.

ВОЖДЬ — Зачем?

ДЖОНСОН — Спеть колыбельную на сон грядущий...

(Напевает мотив колыбельной.)

Будь мужчиной, виски лей!
Глохни, глазом стекленей,
Не умеешь плакать — пой.
Не берёт за душу — бей.

ВОЖДЬ ***(улыбается, кивает).*** Знак уважения твоей традиции. Эй!

Из толпы выходит пожилая туземка.

ВОЖДЬ — ***(рекомендуя)*** Мать многих из нас.

ДЖОНСОН — Не понял...

ВОЖДЬ — Спеть колыбельную на сон грядущий.

Мать запевает колыбельную без слов. Мотив Джонсона.

ДЖОНСОН— ***(терпеливо выслушав)*** Замечательно. Спасибо, Старая Галоша. Только...

ВОЖДЬ — Что?

ДЖОНСОН — Дудки, вождь, женщина должна быть молоденькой.

ВОЖДЬ — Зачем?

ДЖОНСОН — Да, пожалуй, от ночных кошмаров. Нежный голос, юная душа... по традиции, и прочее. Трудно объяснить. ***(Оглядывается. Указывает на Красотку.)*** Может быть, Вы? Если Вас не затруднит...

КРАСОТКА — Я.

ДЖОНСОН — Прошу Вас. Позвольте предложить руку... обопритесь на меня... смелее, не стесняйтесь, прошу Вас...

Уходят в хижину. Их провожают взглядами. Пауза. Все прислушиваются. Потом звук оплеухи, из хижины выкатывается ДЖОНСОН, выходит КРАСОТКА.

КРАСОТКА — Дудки. Галактика достаточно заселена, мы не одиноки. На моей периферийной планете это не вкусно.

Мать племени подходит к Джонсону. Погладив его по голове, запевает колыбельную песню. Племя подхватывает. Мелодия ширится, растёт.

ДЖОНСОН — Я уже сплю, сплю. Довольно музыки, Старая Галоша! Оставь меня в покое... изыди...

Звучит общая, добрая и печальная колыбельная песня.

СЦЕНА 3.

Утро следующего дня. Поселок пуст. Мы видим только туземку–Мать, которая толчёт в ступе какой–то корень. Появляется ДЖОНСОН. Оглядывается.

ДЖОНСОН — Доброе утро, Старая Галоша! Как спалось?

МАТЬ — Бу.

ДЖОНСОН — Справедливо. Вот и у меня «бу». Крепкий, освежающий «бу», полный волшебных сновидений… ***(Подозрительно.)*** Где народ? Что молчишь, бабка? Где народ, я спрашиваю? Ну?!.

ВОЖДЬ — ***(появляясь)*** Народ собирает «наворачивать, глотать». Чтобы м–м–м, как вкусно. Доброе утро, можно собирать, никому не больно.

ДЖОНСОН — Никому не больно?

ВОЖДЬ — ***(указывая на дерево)*** Ему не больно. Ему... ему... Народ видит его, как себя. Лысый Пряник знает: утро, ему не больно, можно собирать.

ДЖОНСОН — ***(про дерево)*** Ему не больно? Вот этому? ***(Пинает дерево.)***

ВОЖДЬ — ***(в гневе)*** Зачем?!

ДЖОНСОН — Низшая форма. Клетчатка. Ему не может быть больно. Не должно.

ВОЖДЬ — Знаю его, как себя. Утро — не больно. Утро — клетчатка спит. День — проснулся, будет чувствовать: клетчатке больно.

ДЖОНСОН — Чушь. Лысый пряник преувеличивает.

Появляются туземцы с корзинами плодов. В руках у туземцев длинные заострённые палки, которыми сбивают плоды с верхушек деревьев.

ДЖОНСОН — Привет кормильцам! Что у нас сегодня на завтрак, парни?

Ответные возгласы туземцев.

ДЖОНСОН — Ну–ну, не все сразу. По одному...

Туземцы собираются вокруг Джонсона, охотно предлагают еду.

ДЖОНСОН — Что у тебя? ***(Пробует.)*** Замечательно. А ты? Изумительно. Кто следующий? ***(Пробует.)*** Отстой. Это оставь себе. Порядочное дерьмо. Этим поделись с Вождем, предложи старушке... угощайся, Старая Галоша! ***(Бросает плод.)***

МАТЬ — Бу.

ДЖОНСОН — «Бу», «бу», точней не скажешь. Пища вождей и престарелых. Сюрприз природы… ***(Стоящим вокруг туземцам.)*** Спасибо, друзья, Спасибо! Белый брат насытился. Сейчас самое время выпить чего–нибудь освежающего. ***(КРАСОТКЕ.)*** Девушка! Помниться, вчера ты меня всласть напоила. Там, на поляне... ***(Объясняет жестами.)*** Слонопотам, «оу», жуткая тварь...

КРАСОТКА — ***(зовет)*** Оу!

Выползает СЛОНОПОТАМ. Пока КРАСОТКА доит слонопотама, ДЖОНСОН подходит, осматривает животное. Решившись, неожиданно прыгает, оседлав слонопотама. Общие возгласы. СЛОНОПОТАМ мечется, скрежещет. Пытается сбросить седока. ДЖОНСОН держится, постепенно укрощая животное.

ДЖОНСОН — Но–но, не балуй, голубушка! Не таких, было время, тёлочек объезживали... Стой спокойно, скотина, тебе говорят!

СЛОНОПОТАМ дрожит боками, замирает на месте.

ДЖОНСОН ***(гордо).*** Звёздный ковбой экстра–класса. Так–то вот, любезные аборигены. Все вам покажи, надоумь... кто рискнет прокатиться? Ну? Есть желающие? Занимайте очередь, друзья!

Неожиданно СЛОНОПОТАМ встает на дыбы, в последней попытке освободиться. ДЖОНСОН держится. Наклонившись, подхватив с земли ветку, безжалостно хлещет слонопотама. Общие возгласы.

ДЖОНСОН — Вот я тебе... дерьмо... сукина девка... кляча обозная... Стоять!

Наконец, СЛОНОПОТАМ полностью укрощен. Оставаясь верхом, ДЖОНСОН едет по кругу, заставляя слонопотама исполнять разного рода трюки: поклониться, встать на дыбы, отступить, и прочее по ассоциации с цирковой лошадью.

ДЖОНСОН — Не слышу аплодисментов, друзья мои... ну–ка... ***(Подавая пример, хлопает в ладоши.)*** От души, заслужил, а?

ВОЖДЬ — Отпусти «сукину девку» на волю. Ей обидно, больно.

ДЖОНСОН — А как же? Разумеется, кому–то из нас всегда больно в этом мире... за то, чтоб тебе было хорошо. Больно? Что ж, она — животное, тварь, скотина. Ты — человек, венец природы. Имеешь право.

ВОЖДЬ — Право? Откуда?

ДЖОНСОН — Отсюда! ***(Показывает кулак.)*** Отсюда... ***(Стучит пальцем по виску.)***

ВОЖДЬ — А здесь? ***(Указывает на сердце.)*** Отсюда?

ДЖОНСОН —Атавизм, пережитки. Плюнь и разотри, Вождь.

ВОЖДЬ — Уходи.

ДЖОНСОН — Совсем рехнулся, старый пенёк. Счастья своего не понимаешь! ***(Обращаясь к туземцам.)*** Прогресс, парни... образчик эволюции! Недалёк тот день, когда табуны дрессированных слонопотамов можно будет использовать по мере надобности. Как средство передвижения — раз, как рабочую силу — два, как боевую единицу — три... в борьбе за жизненные пространства. Чья это земля, Вождь?

ВОЖДЬ — Наша.

ДЖОНСОН — Ну, а другие племена, прочие народы имеются? Соседи?

ВОЖДЬ — Имеются. Братья этой руки... ***(Показывает руку.)*** Братья руки этой.

ДЖОНСОН — Гони их в шею.

ВОЖДЬ — Как?

ДЖОНСОН — Вот так... ***(Прыгнув, гонит слонопотама.)*** Свободна, жуткая тварь!

ВОЖДЬ — Уходи, парадоксальное существо.

ДЖОНСОН — Чудак, вдумайся... ну, ты отжил своё, ладно. Но молодёжь, интересы племени... кто–нибудь рано или поздно захочет жить лучше, есть вкуснее, взять больше. За твой счёт, старая кочерыжка! Закон природы. Сколько вы продержитесь в первобытном своём целомудрии — сто? Двести лет? А потом станет тесно, на всех не хватит. Начнёте спускать друг другу шкуры, глотки рвать. Сообразишь первым — больше достанется. Пора, вождь, возводить города, прокладывать трассы, изобретать электричество... Я — наставник, старший брат, советник по прогрессу... подскажу, выведу к счастью...

ВОЖДЬ —Уходи.

ДЖОНСОН ***(увлеченно).*** Туристические базы, гостиницы, бары. Блестящие перспективы, золотое дно. Фрукты, овощи, природа... райский уголок. Массовый отстрел слонопотамов, но по лицензии, Вождь, строго по лицензии! Чтобы сохранить поголовье. Жизнь закипит. Гости со всех концов галактики... и монеты, монеты, монеты... что, Лысый Пряник, увлекательно?

ВОЖДЬ — Свободен, жуткая тварь. Уходи.

ДЖОНСОН — Вон, что... всё-таки гонишь?

ВОЖДЬ — Ты принёс обиду, боль. Ты и сам — боль. Мне тебя жаль.

Пауза.

ДЖОНСОН — ***(туземцам)*** А что, голубчики, не пора ли сменить президента? Не назначить ли нам выборы? По старой демократической системе?

Прыгнув к стволу дерева, ДЖОНСОН начинает отбивать ритм, запевает лихую песню.

Воевать, так воевать:
Шкуры портить, глотки рвать.
Льётся человечий сок.

В нём солдат — дерьма кусок.
Лезвия луч просится в дело.
Ладонь рукоять находит.
Нож входит в хлеб, как в тело.
В тело входит, как в хлеб входит...

Ритм, песня гипнотизируют, подчиняют. Туземцы подхватывают мелодию. Импровизируя, разнообразят.

ДЖОНСОН ***(неожиданно кричит).*** Лазеры к бою! ***(Начинает маршировать, туземцы повторяют.)*** Раз–два, левой! Раз–два, левой! Левой! (ловко организует строй, объясняя, показывает на ходу). Напра–аво! ***(Поворачивается сам, за ним туземцы.)*** Раз–два! Раз–два!.. ***(Раздает палки, которыми туземцы сбивают плоды, организовывает шеренгу.)*** Лечь! Встать! Ко–оли! Да не так, олухи... Ко–оли! Молодец, парень, будешь сержантом! Два шага вперёд... рядовым олухам стоять на месте... два шага вперёд... раз–два! Молодец, выражаю благодарность, как нужно ответить, сержант? Рад стараться, нужно ответить. Ну–ка? Давай вместе... рад–ста–рать–ся…

Сержант молчит.

ДЖОНСОН — Ещё разок... приготовился? Ра–ад–ста–рать–ся!

Ближайший туземец кричит вместе с Джонсоном, СЕРЖАНТ молчит.

ДЖОНСОН — ***(ближайшему)*** Это ещё что такое? Врежь ему, Сержант. Не понимаешь? Врежь за инициативу, ну? Размахнись... вот так, и... молодчина!

Общие возгласы. Крики удивления, боли, но и торжества, злобной радости.

ДЖОНСОН — Молодец, Сержант, будет толк... ***(Ближайшему, который скривился от ужаса.)*** Не нравится, мальчик? А ну–ка, Сержант, для профилактики... врежь ему!

Опьяненный криками Джонсона СЕРЖАНТ, ударяет. Возгласы.

ДЖОНСОН — Добавь ему! Ногой, смелее... ну, кто хочет добавить?
ТУЗЕМЕЦ — Я!
ДЖОНСОН — Умница, блондин! Хвалю.

Туземец БЛОНДИН бьёт лежащего. Возгласы.

ДЖОНСОН — Ага! Выражаю благодарность, Блондин. Награждаю тебя... ***(Оглядывается, хватает корзину плодов.)*** Вот... теперь это твоё. Только твоё, заслужил. Остальным не прикасаться, ясно?!.
СЕРЖАНТ — Я.
ДЖОНСОН — Тебе тоже. За то, что сержант. За то, что по чину ***(Отдает корзину. Оглядывается. Подходит к девушке–туземке, толкает ее Сержанту.)*** Это тоже твоё. Забирай, не жалко.
ВОЗГЛАСЫ ТУЗЕМЦЕВ — Я! Я!
ДЖОНСОН — Молчать! Остальное моё. Назначаю себя императором. Уразумели, мальчики?

Пауза.

БЛОНДИН — Я!
ДЖОНСОН — Что тебе?

БЛОНДИН подходит к одному из туземцев. Бьёт.

ДЖОНСОН — Гляди, какой шустрый... ***(Отдает корзину плодов.)*** Заслужил.
БЛОНДИН ***(пинает ногой корзину плодов, указывает на девушку-туземку).*** Бу!
ДЖОНСОН — ***(смеётся)*** Соображаешь... Забирай, твоё…
БЛОНДИН — Я.
ДЖОНСОН — Ну, что ещё?

БЛОНДИН подходит к следующему туземцу, замахивается.

ДЖОНСОН — Отставить! Остановись, подонок, хорошего понемножку! ***(Окружающим.)*** Вольно! Разойдись...

Пауза. Все стоят

ДЖОНСОН — Ну?! Что я сказал?! ***(Туземцы медленно расходятся.)***

ДЖОНСОН — Веселей, ребята! А ну, чтоб не скучно было, чтоб по–солдатски, бодро! С огоньком! Запевай!

Запевает бравурную песню. Её подхватывают. Туземцы бодро расходятся по хижинам. Песня… и, может быть, последняя реплика сцены:

— Больно–то как... больно...

Конец первого действия

Действие второе

Прошло три дня.

Посёлок, вечер. Может быть, время заката, отчего всё вокруг напряжённо красно. Впрочем, очень недолгое время. ДЖОНСОН сидит в самодельном кресле, украшенном гирляндами цветов. Позади кресла — туземец с опахалом, два телохранителя с пиками. Лица туземцев напряжены: игра, похоже, закончилась, началась утомительная работа. На заднем плане три девушки–туземки выпевают странную, невесёлую мелодию.

ДЖОНСОН — ***(возмущённо)*** Стоп–стоп–стоп! Уволю! Лишу гражданства. Оставлю без ужина. В тюрьму посажу. К этим, к бунтовщикам. Что такое? Ну, я спрашиваю?

ТУЗЕМКА — Мелодия, белый господин.

ДЖОНСОН — Какая мелодия?

ТУЗЕМКА — Народная, белый господин.

ДЖОНСОН — Для чего она, народная мелодия?

ТУЗЕМКА — Для профилактики. Для уверенности в завтрашнем дне. Чтобы снять напряжение.

ДЖОНСОН — Справедливо… ***(Неожиданно кричит.)*** Бодрее, милашки! Бодрее!

Туземки поют бодрее. Впрочем, очень скоро мелодия опять заунывна.

ДЖОНСОН — ***(стоящему перед ним туземцу)*** Продолжим с тобой, холуй...

ТУЗЕМЕЦ — ***(кланяется в пояс)*** Ваше императорское величество!

ДЖОНСОН — Формально. Невыразительно. Без жизненной правды в голосе. Не–ре–а–ли–стич–но.

ТУЗЕМЕЦ — ***(кланяется)*** Ваше императорское величество!

ДЖОНСОН — Мертво. Не верю, статист, не верю! Больше поэзии... личного и, разумеется, общественного обожания!

ТУЗЕМЕЦ — Ваше импера...

ДЖОНСОН — Нет. Удивительно бездарно. Демонстрирую, оболтус! (кланяется туземцу в пояс) Ваше императорское величество! ***(С глубочайшим почтением.)*** Ваше императорское величество!

ТУЗЕМЕЦ — Хи–хи–хи.

ДЖОНСОН — Убью, мерзавец! Блондин!

Появляется БЛОНДИН.

ДЖОНСОН — Врежь ему!

ТУЗЕМЕЦ — Нет, нет... ***(Судорожно кланяется, с глубочайшим почтением.)*** Ваше императорское величество!

ДЖОНСОН — Наконец–то, проняло... молодец. Ведь можешь, сукин ты сын. Свободен, Блондин!

Блондин уходит.

ДЖОНСОН — Ну–ка, еще разок... ***(Садится в кресло.)***

ТУЗЕМЕЦ — ***(почтительно)*** Ваше императорское величество!

ДЖОНСОН — Слушаю тебя, статист.

ТУЗЕМЕЦ — ***(не менее торжественно и почтительно)*** Убью, мерзавец!

ДЖОНСОН — ***(уныло, махнув рукой)*** Бестолочь…

ТУЗЕМЕЦ — ***(торжественно)*** Бестолочь!

ДЖОНСОН — ***(уныло, стражникам)*** В каталажку.

Туземца уводят.

ДЖОНСОН — Блондин! ***(Появляется БЛОНДИН.)***

ДЖОНСОН — Что же мне с вами делать, парень? Руки опускаются. Ты–то меня понимаешь?

БЛОНДИН — Я понимаю… ***(Торжественно.)*** Ваше императорское величество!

ДЖОНСОН — Укротитель галактики...

БЛОНДИН — ***(торжественно)*** Укротитель галактики!
ДЖОНСОН — Млечный волчище
БЛОНДИН — Млечный волчище!
ДЖОНСОН — ...Олух царя небесного...
БЛОНДИН — Дудки. Ни в коем случае. Ваше императорское величество!
ДЖОНСОН — Ну вот, совсем другое дело.

Джонсон достает косточку плода с дырой в середине. Продев в отверстие нитку, вешает самодельное украшение на шею Блондину.

ДЖОНСОН — Награждаю!
БЛОНДИН — ***(поражен, в восторге)*** Бу!
ДЖОНСОН — Нравится?
БЛОНДИН — Бу! Бу!
ДЖОНСОН — Ответь по–человечески, мартышка.
БЛОНДИН — Нет слов, Ваше императорское величество, чтобы выразить почтительную благодарность и удивление...
ДЖОНСОН — Ну, будет. Разговорился, не остановишь. Где Сержант?
БЛОНДИН — Сержант!

Появляется СЕРЖАНТ.

СЕРЖАНТ — Ваше императорское величество!
БЛОНДИН — ***(Сержанту)*** Где шляешься, краснокожая нелюдь, в рабочее время?! Величество соскучилось! Бранится, нервничает...
ДЖОНСОН — Ладно, Блондин, сам разберусь. Не шуми. Сержант, ступай, принеси мяса. Хочу жареного мяса. Иди, забей молоденького слонопотама. Иди, и возвращайся с добычей.
СЕРЖАНТ — ***(в ужасе)*** Нет! Животному больно, господин... я знаю, как ему больно...
ДЖОНСОН — Отключись. Не знай. Белый господин берет эту боль себе. Разрешаю тебе не ощущать его боль как свою.
БЛОНДИН — ***(тоже в ужасе, но кричит Сержанту)*** Или не слышал?!. Топай, Сержант! Не увиливай... иди, и возвращайся с добычей!

СЕРЖАНТ уходит.

ДЖОНСОН — Ну, а ты Блондин...

БЛОНДИН — ***(в страхе)*** Слушаюсь...

ДЖОНСОН — Давай, приведи бунтовщицу Красотку. И создай необходимый аккомпанемент для разговора по душам.

БЛОНДИН — Эй! Эй!

Появляются туземцы и туземки.

БЛОНДИН — Бу, мальчики–девочки. Энергичное народное «бу» с полной отдачей. Бу–бу–бу, и чтоб не халтурить. А если кто у меня бу, тому — бу.

БЛОНДИН строит туземцев, организовывая хор.

БЛОНДИН — ***(стражникам)*** Введите подследственную Красотку!

Два стражника ведут Красотку. Вступает хор. Доносятся распоряжения Блондина.

БЛОНДИН — ***(командуя хору)*** Мощнее, друзья мои, искренней! Мужские голоса энергичней... женские — больше серебристости в исполнении! Драматичней, сукины дети, драматичней! ***(Дает отмашку.)*** Пауза!

Напряженная тишина.

БЛОНДИН — ***(Красотке «гробовым» голосом)*** Подойди к императору, маленькая дрянь.

ДЖОНСОН — Не так активно, Блондин. С оттенком лиризма.

БЛОНДИН — ***(хору)*** Включились, мальчики–девочки! Мужские голоса, мягче, женские — проникновенней... ***(Отмашка.)*** Пауза!

Менее напряженная тишина.

БЛОНДИН — ***(Красотке)*** Подойди к императору, заблудшая крошка. Император тебе плохого не желает. Не бойся, девушка, подойди, не укусит. Император любит молоденьких девушек...

ДЖОНСОН — ***(Блондину)*** Утомляешь!

БЛОНДИН — ***(Красотке)*** Зачем ты утомляешь императора, маленькая дрянь? Император у нас не первой молодости, его надо беречь...

ДЖОНСОН — Ах ты, краснокожая поганка! Да я тебя...

БЛОНДИН — ***(в страхе, Красотке)*** Ах ты, поганка! Сейчас император тебя...

ДЖОНСОН — Пошёл вон!

БЛОНДИН — ***(в ужасе)*** Пошла вон... ***(Хору.)*** Мужские голоса, эпичней! Женские — обобщенней!

Звучит мощный трагический вопль.

КРАСОТКА — Хи–хи–хи.

ДЖОНСОН — Уйдите все… ***(Кричит.)*** Ну?!

Туземцы разбегаются. Остаются ДЖОНСОН и КРАСОТКА. Пауза.

ДЖОНСОН — ***(говорит трудно, ищет слова)*** Знаешь, девочка... большинство моих соплеменников — люди с бледными нездоровыми лицами, раскормленными телами. Исключение — профессионалы или те немногие... которые почему–то другие. Предполагается, что мы должны быть разными: желаниями, поступками. Но это не так. Мой мир хорош для парней 58–62 размера штанов. И лоб должен быть узеньким, а шея отсутствовать. Чтобы стать крепче. Защищённей. И там, где удобно всем — должно быть удобно мне. Большинство из нас надевает шляпы, ширится в плечах и бедрах, худеет головой. Почти все мы делаем деньги, ищем счастья. То есть, каждый сравнивает своё с чужим, и тот, кому выпало меньше — заболевает. Он несчастлив. Самый богатый из нас должен быть самым счастливым. Он имеет право на тонкую шею, высокий лоб. И там, где удобно ему — должно быть удобно всем. И плевать на прочих. Богатство позволяет быть нестандартным. С некоторых пор я богат. Сумел взять у общества. У этих, с бледными лицами и мягкими животами, которые, разумеется, желают вернуть своё. Вернуть меня, сукиного сына, который посмел взять. Но богатство позволило переждать, отсидеться. На некоторое разумное время потеряться здесь, в глуши, на краю света. И что же? Ну–ка, спроси меня: что же?

Пауза. КРАСОТКА молчат.

ДЖОНСОН — Курьёз не в том, что я забыл... забыл какой я есть, кто я, зачем... растерял планы, надежды, желания... собственно, то, из чего складывается будущее... Курьёз в том, что я не хочу вспомнить кто я, какой, и зачем есть.

КРАСОТКА. — Если не ошибаюсь, ты — император… ***(Торжественно и почтительно.)*** Ваше императорское величество!

ДЖОНСОН — Чепуха... завтра отменим... дай срок... вы — народ свободолюбивый, талантливый. Страх берет от ваших способностей. Помоги мне, девочка, мы не просто чужие — мы разные, помоги стать одним из вас... как это? ***(Вспоминает.)*** Почувствовать тебя, как себя. Ощутить... чужую боль, счастье... поделиться... или разделить твоё… ***(Обнимает её.)*** Природа устроила разумно. Вот моё плечо. Сюда, в ложбинку можно и нужно прилечь щекою. Твой выпуклый затылок. Как раз для моей ладони. И темя, темечко... здесь, когда я устану держать голову, здесь можно передохнуть. Задержаться подбородком...

Неожиданно раздаются крики. Кричат одновременно с разных сторон поселка. Туземцы–женщины и туземцы–мужчины.

Крики: «Убил! Убил! Он убил!»

ДЖОНСОН — ***(всё ещё обнимая Красотку, в бешенстве)*** Не мешать своему императору! Мерзавцы... Блондин! Разберись, что там?

БЛОНДИН — Ваше императорское величество! Там... Сержант... По Вашему приказанию...

ДЖОНСОН — Ну?!.

КРАСОТКА — Убил молоденького слонопотама. Убил девочку. Убил красотку.

СЦЕНА 2.

Следующий день.

Посёлок, декорации те же.

ДЖОНСОН сидит в кресле, чуть в глубине сцены. За ним — туземец с опахалом, рядом — два телохранителя, по правую руку — БЛОНДИН.

На авансцене проходят шеренги вооруженных пиками туземцев. Они демонстрируют строевые навыки: маршируют, печатая шаг, отдают честь, поворачиваются кругом и в стороны... исполняют прочее, вполне идиотское. Может быть, туземцев немного, три–четыре пары. Возникает ощущение идеальной точности, автоматизма в исполнении.

Командует СЕРЖАНТ. Мы слышим короткие, энергичные распоряжения.

«Парад» заканчивается эффектным гладиаторским боем между группами туземцев, которые дубасят друг друга жестоко и самозабвен-

но. Но молча. Без возгласа и вскрика. Наблюдать происходящее, пожалуй, жутковато.

БЛОНДИН — ***(хлопая в ладоши)*** Молодцы, сукины дети, очень неплохо получается. Император доволен. Доволен?

ДЖОНСОН — ***(переживая увиденное)*** Да уж... что и говорить...

БЛОНДИН — Сержант! Выражаю благодарность!

СЕРЖАНТ — Рад стараться!

БЛОНДИН — Может быть, Ваше императорское величество желает принять посильное участие? Продемонстрировать боевое умение на радость подданным?

ДЖОНСОН — Не в настроении.

БЛОНДИН — ***(негромко Джонсону)*** Не ленись, величество, оторви задницу от кресла.

ДЖОНСОН — Пожалуй...

Вооружившись пикой, ДЖОНСОН подходит к одному из туземцев. Нападает. Туземец легко защищается. В свою очередь, атакует. Сбивает Джонсона с ног.

БЛОНДИН — ***(туземцу)*** Хорошо. Выражаю благодарность.

ТУЗЕМЕЦ — Рад стараться!

БЛОНДИН — Все свободны.

СЕРЖАНТ — Разойдись!

Воины расходятся. ДЖОНСОН поднимается, кряхтя и постанывая, добирается до кресла.

ДЖОНСОН — Головорезы. Бандиты. Молодцы–убийцы.

БЛОНДИН — Чем недоволен, величество? Что–нибудь не так?

ДЖОНСОН — Да нет, всё в порядке, голубчик. Давай–ка мы с тобой, лучше... в очко сыграем. На пальцах.

БЛОНДИН — Так ведь скучно, величество. Проиграешь.

ДЖОНСОН — А ты поддайся.

БЛОНДИН — Зачем?

ДЖОНСОН — Из уважения. Ты парень толковый, схватываешь на лету. Самообучаешься. Удивительно. Почему?

БЛОНДИН — Как бы тебе объяснить... Каждый из нас знает и умеет то же, что все. Знание едино. Принадлежит обществу. Кто хочет — берет. Мы — существа более тонко организованные. Острее чувствуем... то есть, чувствуем в

полном, почти абсолютном объёме. В каком–то смысле, мой народ — избранный. Народ–самородок. Если не возражаешь, народ, который...

ДЖОНСОН — Остынь, самородок! Приди в себя.

БЛОНДИН — Не перебивай, император. Это невежливо… ***(Продолжает.)*** Мы, если не возражаешь, народ перспективный во вселенной, которая бесконечна, в галактике, которая плотно заселена.

ДЖОНСОН — ***(иронично)*** Аплодисменты!

БЛОНДИН — ***(серьезно)*** Не возражаю. Хвалю! ***(Снимает косточку плода, которой украшена грудь.)*** Награждаю тебя, голубчик.

ДЖОНСОН — ***(в изумлении)*** Ну и ну... хорош...

БЛОНДИН — ***(самодовольно)*** Нравится? Твоё, заслужил. Носи на здоровье… ***(Подмигнув, показывает целую горсть таких же косточек.)*** У меня много. На всех хватит! ***(Вешает себе на грудь сразу несколько украшений.)*** Просто и демократично.

ДЖОНСОН от души смеётся. Пауза.

БЛОНДИН — ***(зловеще)*** Смеёшься? А ведь не смешно. И я это тебе сейчас докажу. Сержант!

Появляется СЕРЖАНТ.

БЛОНДИН — Сержант, врежь ему!

Пауза. СЕРЖАНТ растерян.

ДЖОНСОН ***(телохранителям)*** — Взять его!

БЛОНДИН — Стоять, мальчики… ***(Сержанту.)*** Или не слышал? ***(Кричит.)*** Ну?! Уволю! Гражданства лишу! Оставлю без ужина!

СЕРЖАНТ делает шаг в сторону Джексона.

ДЖОНСОН — ***(примирительно)*** Будет, Блондин, не шуми. Ты прав, смеяться, пожалуй, не стоило.

БЛОНДИН — Свободен, Сержант.

БЛОНДИН — ***(сварливо)*** Что–то у тебя, император, начинает характер портиться. Может быть, имеет смысл отдохнуть? Погулять в лесу. Оседлать слонопотама, развлечься. Может быть, вообще пора возвращаться?

ДЖОНСОН — То есть?

БЛОНДИН — Возвращаться в просторы галактики, к своему неталантливому народу.

ДЖОНСОН — Да как ты смеешь... да я тебя...

БЛОНДИН — ***(искренне веселится)*** Бедняга, аж посинел. Гляди, лопнешь — не соберём. Зачем ты нам, император? Больше с тебя взять нечего. Мы уж теперь как–нибудь сами...

Пауза.

ДЖОНСОН — ***(через силу)*** Не гони, Блондин. Придёт время, уйду.

БЛОНДИН — Оставайся, чего там. Будешь младшим братом.

ДЖОНСОН — ***(искренне)*** Спасибо, Блондин. Не ожидал.

БЛОНДИН — Давай, младший брат, повеселимся.

ДЖОНСОН — Готов... о чём речь! Повеселимся от души, дружище!

БЛОНДИН — Сержант!

Появляется СЕРЖАНТ.

БЛОНДИН — Зови всех, Сержант!

ДЖОНСОН — Зови, Сержант, будем веселиться!

Резкие окрики, собираются туземцы.

ДЖОНСОН — За что я тебя люблю, дружище... Откровенно, как младший брат — старшему... Люблю за воображение. Всё–то у тебя с огоньком, в охотку. Не заскучаешь.

БЛОНДИН — Да. Я такой.

Пауза.

БЛОНДИН — Ну?

ДЖОНСОН — Что?

БЛОНДИН — Весели, белокожая нелюдь. Господин красного цвета желает чего–нибудь... эдакого... с огоньком, в охотку.

Пауза.

БЛОНДИН — Не хочешь? Сержант...

ДЖОНСОН исполняет куплеты. Пауза.

БЛОНДИН — Плохо, голубчик–холуй–младший брат. Похоже, у тебя нет таланта. Впрочем... ***(Берет из корзины плод, надкусив его, бросает Джонсону.)*** Твоё, заслужил. Что нужно ответить? Ну?!.

ДЖОНСОН — Рад стараться, сукин ты сын, старший братишка!

БЛОНДИН — Молодец. Одобряю.

ДЖОНСОН — Ай да Блондин, просто чудо... кто бы подумал... ***(Многозначительно.)*** Пойду–ка, я погуляю в лесу. Развлекусь. Осмотрю окрестности. Нервишки успокою.

БЛОНДИН — Гуляй, белая поганка. Места хватит. Господин красного цвета разрешает тебе не нервничать. Отключиться. Господин берёт твои огорчения на себя. Топай, ***(Кричит.)*** Все свободны!

СЦЕНА 3.

Ночь.

Потом возгласы, факелы.

В окружении соплеменников появляется ВОЖДЬ. Рядом ДЖОНСОН. Он суетится, кажется, шумит больше всех.

ДЖОНСОН — Вперёд, угнетённые народы... бойцы освободители! Сюда, друзья мои! Дорогу мстителям! Воинам невидимого фронта! Национальным массам! ***(Вскакивает на кресло, как на трибуну. Горячо.)*** Нам нечего терять, кроме своих цепей, парни! Как это? ***(вспоминает)*** Угнетённые галактики, соединяйтесь! Разрушим этот мир насилья до основанья, а затем… а затем… ***(Забывает.)*** А там видно будет. Где они, прислужники тирана? Подлые сатрапы, наемники, экстремисты? Не уйдут от нашего гнева! Где главный преступник? Ведите его сюда! Попил народной кровушки?

Приводят Блондина.

ДЖОНСОН — Ах, ты, диктатор доморощенный, дилетант, мальчишка. Пришло время расплаты. ***(Вождю.)*** Ну, Лысый Пряник, самое время восстановить справедливость. Руководи: что с ним сделать? Вздёрнуть? Забить ногами? Может быть, утопить? Подходящая речка найдется? Нет? Значит, придется повесить. Решено. Командуй, Вождь, не тяни! Так бы сейчас и восстановил справедливость! Этими вот руками восстановил…

ВОЖДЬ — Отпустите его.

Блондина отпускают.

ДЖОНСОН — Жаль. Оно, конечно, вождям виднее... Я бы его... ***(Туземцам.)*** Как, народные массы, а? Что скажете?

Ответное молчание. Пауза.

ДЖОНСОН — ***(Блондину)*** Благодари вождя, дилетант, на колени! Кланяйся... ***(Подскочив, силой заставляет Блондина кланяться.)***

БЛОНДИН — Спасибо тебе, пуп земли...

ДЖОНСОН — ***(суфлируя)*** Наставник угнетённого народа!

БЛОНДИН — Спасибо, наставник!

ДЖОНСОН — Знамя национального прогресса.

БЛОНДИН — Спасибо, знамя!

ВОЖДЬ — Встань.

ДЖОНСОН — Справедливо, вождь. Гони его в шею. Мудрое решение.

ВОЖДЬ — ***(Блондину)*** Подойди к своим братьям. Будешь снова одним из нас. Вместе со всеми… ***(Обращаясь к окружающим.)*** С сегодняшнего дня мы будем учиться молчать. Чтобы снова чувствовать чужую боль, как свою. Чтобы слышать друг друга и любить.

ДЖОНСОН — Ну, ты не прав, Вождь, честное слово. Ты консерватор. Противник прогресса. Можно ли...

ВОЖДЬ — Кому не нравится, пусть уйдет. ***(Вождь поворачивается к Джонсону спиной. Делает несколько шагов.)***

ДЖОНСОН — ***(вдогонку)*** Я только хотел заметить... сказать напоследок...

ВОЖДЬ оглядывается. Оглядывается племя. Какое–то время они стоят так: ДЖОНСОН и племя глаза в глаза.

ДЖОНСОН — Бу. Чтобы слышать и любить друг друга. То есть, я хотел сказать... бу. Бу.

СЦЕНА 4.

Прошла неделя.

Посёлок. Тишина.

Появляются ДЖОНСОН и ТУЗЕМЕЦ. В руках у них корзина плодов. ДЖОНСОН загорел, оброс. Он в набедренной повязке.

Почти одновременно с противоположной стороны входят ПЕРВЫЙ и ВТОРОЙ агенты. Они вооружены пистолетами (разумеется, лазерными).

ПЕРВЫЙ АГЕНТ — Джонсон!

ДЖОНСОН — ***(удивленно)*** А?

ВТОРОЙ АГЕНТ — Подойдите, Джонсон.

ДЖОНСОН — Я не Джонсон! ***(Бьёт себя кулаком в грудь.)*** Бу! Кр–р–р! Пш–ш–ш! Ошибочка вышла, парни. Местный я.

ПЕРВЫЙ АГЕНТ — Будет дурачиться. Погулял на свободе — хорош.

ДЖОНСОН делает шаг в сторону.

ПЕРВЫЙ АГЕНТ — Как у тебя со слухом, Джонсон? Я считаю до трех... ***(Поднимает пистолет.)*** Один... два...

ДЖОНСОН — Иду. К Вашим услугам, сэр... ***(Подходит.)*** С прибытием, господа. Погода располагает.

ПЕРВЫЙ АГЕНТ ударяет, ДЖОНСОН мешком валится на землю. Пауза. ДЖОНСОН трудно встает.

ПЕРВЫЙ АГЕНТ — Погода располагает. Ты у нас, как помнится, известный балагур.

ДЖОНСОН — А Вы, если не ошибаюсь, особенно сердечный собеседник, сэр. Как Ваша ударная правая? Не хворает?

ПЕРВЫЙ — Соскучился?

ВТОРОЙ — Довольно, ***(Достаёт бумагу.)*** На основании Кодекса, статей 116, 235 пункт «С», а также...

Неожиданно, ДЖОНСОН ударяет Первого агента. Выбив пистолет, прыгает в сторону. Одновременно Второй агент выхватывает оружие.

ВТОРОЙ — Утомляете, Джонсон. Будьте мужчиной: счёт в нашу пользу, умейте проигрывать.

ПЕРВЫЙ АГЕНТ подходит к Джонсону, заламывает ему руку. ДЖОНСОН кричит от боли. На крик сходятся туземцы.

ПЕРВЫЙ — Я тебя выучу хорошим манерам. Будешь уважать работу государственных служащих...

ДЖОНСОН кричит.

ВОЖДЬ — Отпусти его. Ему больно.

ВТОРОЙ — Просим извинить, господа, за вынужденное нарушение границ Вашей прекрасной планеты. От имени Космической Федерации Западного сектора галактики просим разрешения на выдачу Джека Джонсона. Он же — Боб Шоу по кличке Ловкач, он же Вильям Редрок, он же Френк Счастливчик, он же…

ДЖОНСОН делает попытку вырваться. Ему заламывают руку. Он корчится, кричит. Племя угрожающе надвигается.

ВОЖДЬ — Ему очень больно. Я чувствую.

ПЕРВЫЙ — Верно чувствуешь, черномазый. Преступнику Джонсону больно. Как маме родной, «уголёк»: мы профессионалы, свои монеты отрабатываем. Давненько не виделись, Джонсон! Заставил ты нас прогуляться. Устроил, как говорится, круиз на казённый счет.

Джонсону больно, он кричит.

ВОЖДЬ — Оу! Оу!

Племя подхватывает. Возгласы. С ужасающим скрежетом являются слонопотамы. Агенты растеряны. В руках у них пистолеты. ДЖОНСОН отходит под защиту племени.

ПЕРВЫЙ — ***(Вождю)*** Ну, черномазый, молись, если успеешь...

ВТОРОЙ — ***(Первому)*** Прекратите, коллега! Кодекс запрещает...

ПЕРВЫЙ — Плевать на Кодекс!

ВОЖДЬ — Уходите.

ВТОРОЙ — Позволю себе напомнить, сэр... этот человек заслуживает наказания. И если Вы... если Ваше правительство... есть здесь кто–нибудь из представителей власти?

ВОЖДЬ — Уходите.

ВТОРОЙ — Мы готовы заплатить в межзвёздной валюте.

ПЕРВЫЙ — Дерьмо! Мартышки... ***(Делает шаг.)***

ВОЖДЬ — Оу! Оу!

Слонопотамы дружно скрежещут. Надвигаются. Агенты отступают с оружием в руках.

ПЕРВЫЙ — ***(Вождю)*** Запомни меня, «уголёк»! Возьму отпуск, жди в гости. Побеседуем... как высшая ступень эволюции с низшей ступенью! ***(Уходит.)***

ВТОРОЙ — Мы не прощаемся, Джонсон. Мы говорим: до свидания… ***(Уходит.)***

Пауза. ДЖОНСОН подходит к Вождю. Хочет сказать, но спохватывается.

ДЖОНСОН — Бу.

ВОЖДЬ — Бу.

Расходятся туземцы. Уползают слонопотамы. Остается ДЖОНСОН и туземка КРАСОТКА. Пауза. ДЖОНСОН находит сухую ветку.

ДЖОНСОН — Я! ***(Ударяет себя в грудь. Пытается согнуть ветку, но силёнок явно не хватает.)***

КРАСОТКА — Хи–хи–хи...

ДЖОНСОН — ***(пыхтит)*** Я... я... Нет, ничего не получится! ***(Спохватывается, в страхе от того, что заговорил.)*** Эх... ***(Расстроенный садится.)***

КРАСОТКА подходит со спины к Джонсону. Кладёт ему руки на плечи. Обнимает.

ДЖОНСОН — ***(он счастлив, бормочет)*** Я–я... милая... хорошая моя девочка... любимая... Бу! ***(Бьёт себя в грудь.)*** Бу!

Конец

Олег ИВАНОВ

ПРОЗА ЖИЗНИ

Не положено!

Середина 80–х. Вася Лебедев с отличием закончил школу милиции и был распределен в одно из районных отделений Тульской области, недалеко от знаменитой Ясной Поляны Льва Николаевича Толстого.

Едва он приступил к работе на своем участке — началась знаменитая кампания Горбачева–Лигачева по борьбе с пьянством. С энтузиазмом взялся за это дело и Вася Лебедев. Устраивал проверки рейсовых автобусов, которые отправлялись из его поселка в Тулу, вынюхивал–высматривал по окрестным деревням, где можно уловить запашок браги…

Верным помощником участкового в этих рейдах был его четвероногий друг Рекс, которого он еще с щенячьего возраста тренировал, готовя к службе в погранвойсках. Они вместе и отслужили на одной из погранзастав в Средней Азии, ну а дальше началась у них уже вахта милицейская.

Всех злостных самогонщиков на своем участке Василий и Рекс вскоре знали в лицо и определяли по запаху за версту.

Однажды, в один из выходных дней, Василий с Рексом снова вышли на «охоту». На остановке у железнодорожного переезда участковый зашел в переполненный местными жителями автобус. Женщины ехали на базар с набитыми сумками, авоськами — продавать выращенное в своих подсобных хозяйствах.

Раз прошелся по автобусу Василий — не заметил подозрительного. Для стопроцентной гарантии еще раз пустил вдоль рядов своего Рекса. Но что–то подсказывало ему: везет кто–то все–таки на продажу или в подарок запрещенное зелье!

Рекс, пройдя несколько сидений, остановился у одного. У окна сидел розовощекий мужичок, сжимая между ног большую сумку.

Рекс зарычал, втянул ноздрями воздух и впился в нее зубами. Сидевшие рядом женщины шарахнулись в сторону, закричали:

— Уйми своего пса! Загрызет!

Василий медленно подошел и, взглянув на мужчину, ахнул от удивления.

На сиденье, развалившись, невозмутимо сидел начальник его отделения и смотрел в окно, не обращая никакого внимания на рычание пса.

— Сергей Иванович! — обратился Василий к своему начальнику. — Можно досмотреть вашу сумку? Что–то мой пес нервничает…

— Ты что, охренел?! Я тебе досмотрю! — огрызнулся начальник.

Василий не отставал:

— Давайте по–хорошему — выйдем из автобуса, Сергей Иванович, и поговорим. Что привлекать лишнее внимание…

Начальник неохотно поднялся и под смешки пассажиров вылез наружу.

— Показывайте, что там в сумке, — обратился к Сергею Ивановичу Василий.

— Что ты, мудила, комедию затеял на глазах у всех?! Тебе непонятно, что у меня в сумке? Гостинец везу своим родственникам в Тулу: настоящий первач!

— Не положено, Сергей Иванович! Нельзя самогон гнать!

— Кому это не положено? Мне?! Я тебя в порошок сотру! — разгорячившись, возмущался начальник. — Завтра же, на утренней поверке, получишь у меня по полной!

— Не положено… — уже мягче, но все–таки с металлом в голосе, повторил несколько раз участковый.

Видя, что с таким упертым служакой спорить бесполезно, начальник оставил сумку на обочине дороги, под смешки пассажиров залез в автобус — и уехал в Тулу налегке.

На следующий день он действительно всех собак навешал на участкового, и вскоре Васю с треском выгнали из милиции «за служебное несоответствие». Но Вася не приуныл. Он и дальше стал бороться за правду. Выучился на юриста, стал адвокатом, борцом за права простых граждан.

Иногда, под хмельком, в кругу своих друзей, знакомых, он до сих пор с улыбкой вспоминает историю, как он бесстрашно сказал своему начальнику: «Не положено»…

Всем миром

В одном из российских городов перед чемпионатом мира по футболу, чтобы не ударить лицом в грязь перед иностранными болельщиками, стали

«чистить» ряды дворников, увольняя гастарбайтеров. Многие разъехались тогда по своим Киргизиям и Таджикистанам.

Вася Чавкин, старожил дворницкого «цеха», житель одного из спальных районов города, не унывал: он же не гастарбайтер. Продолжал пить и кое–как выполнять свою работу. Его местные муниципалы почему–то не трогали. А когда захотели зацепить и все–таки уволить за беспробудное пьянство и разгильдяйство, случился неожиданный казус.

Все местные старухи вступились за него и пошли качать права в местную администрацию. Расписывали своего дворника в таких прекрасных тонах — какой он внимательный, заботливый, какую образцовую чистоту наводит, — что начальники ЖКХ только руками разводили: они–то знали ситуацию на самом деле.

Чем же так покорил Василий местных пенсионеров? Все ведь знали, что он пьяница, лодырь, убирается из рук вон плохо. И откуда вдруг такая всенародная поддержка — хоть в депутаты выдвигай!

Оказывается, он обходил квартиры наиболее больных, немощных стариков и старух, брал у них заказы на покупку продуктов питания, медикаментов — и добросовестно их выполнял, принося полные сумки. Мог он и полы помыть в квартире, и мусор выбросить…

Весь пожилой контингент, разумеется, души не чаял в заботливом Василии, даром что он всегда был под хмельком. Подумаешь, пьет, человек–то золото! Поэтому, когда встал вопрос об его увольнении, старики и старухи стали стеной за своего доброго дворника.

Вот так никудышный дворник Вася превратился в народного социального работника — и припеваючи продолжает трудиться на своем месте и поныне.

Товарищ полковник

Есть у меня знакомый — бывший летчик, гвардейский полковник. Заработал хорошую военную пенсию — жить да жить.

Но губит его наша российская страсть…

Стоит ему эту самую пенсию получить, как на него, словно стая стервятников, налетают местные пьяницы. И начинается гульба — дня на два–три, в одном из укромных закутков в стратегической близости от важного объекта: магазина со спиртным.

Кого только там не встретишь! Здесь много ранее уважаемых, а ныне опустившихся граждан: известный архитектор, почетный железнодорожник, на-

родный артист, профессор… Компания пестрая и веселая. Шум–гам слышен за версту. Не раз уже их забирали в местное отделение полиции, пропесочивали, штрафовали — бесполезно. День пенсии гвардейского полковника — праздник для всей округи!

На третий день, пропившись до последней копейки, полковник останавливает каждого встречного и жалобно просит на опохмел — по–соседски, клятвенно обещая вернуть долг.

Но все знают, что он никогда этот долг не вернет. Однако многие дают полтинник, сотку. Соседи же…

И опять продолжается веселье.

Даже не верится, что когда–то этот неухоженный седой человек был воздушным асом, летал на боевых самолетах, защищая наши рубежи. Судьба!

Страница МТО ДА

Наши друзья и партнеры — авторы Международного Творческого Объединения детских авторов (МТО ДА) представляют Союзу литераторов Москвы свое творчество. Подборку подготовила Татьяна Шипошина, член Союза литераторов Москвы, главный литературный редактор МТО ДА.

Ее стихотворения открывает подборку.

Татьяна ШИПОШИНА

СТИХИ ЭТОГО ЛЕТА

Да…

Вот скоро — придёт мой срок
И срежу я гири с ног.
А вольным — в лицо — ствол.
Простите, я недовол… и
Да!
Работящий вол.

Вот скоро придёт мой срок,
Отмерянный парой строк.
Их надо сложить бы в стол —
Пустой, холостой, отстой — и
Да!
Под стрелой не стой.

Ох, мне бы войти бы в раж,
Но холоден ваш мираж.
Гараж у вас — весь во льду.
Не строй из себя балду — и
Да!
Лукоморье. Дуб.

Ну, хватит фальшивых нот.
От фальши болит живот.
От фальши — броня во лбу.
Простите же! Я не бу…
ду — и

Да!
Не вини судьбу.

Шашлык у леса

Да ладно, ладно!!
Устроим встречу!
В такой прохладный
Осенний вечер —

Устроим, сдвинем,
Зажжём, нарежем…
Забудем.
Вскроем, плеснём и врежем.

Посмотрим, как улетают птицы…
И снова —
Главное испарится,
За старой шуткой,
За лёгкой искрой…

Дойти до сути —
Процесс не быстрый.
Но есть один из путей процесса:
Шашлык у леса.

* * *

Везде мои части, везде — мои доли.
На эти доли меня кололи.
С болью, без боли.
Годами, часами,
Рыдали, плясали,
Бросали в пруд.
И даже писали
Научный труд.

Лежу, дроблённая, на привале.
Блестит столичная биеннале.
А сколько бы вы
Выдержали
На лесоповале?
Вот и я.
В отвале
Руда.
Куда?

Как меня звали…

Как звали утром,
Днём и в ненастье?
Где было счастье?
И все остальное,
Которое со мною,
Со страной,
С Вселенной,
А что — измена,
А что — по колено…
Какие части собирать воедино,
Ведь это необходимо,
Это необходимо…

Прожито много.
Всё почти.
Перечти.
Сочти.

Что-то японское

Жёлтый лист, как в рамочке —
Символом прощания.
Пожилая бабочка
Пишет завещание.

Слова

Вы буквы мои! Вы, слова —
Вы павшая наземь листва.
И что мне?
Мне слышно едва,
Обычное:
«Ты не права!»

«Не пра…»
Если бы, да кабы,
Хотелось мне правою быть,
Уж я бы умерила прыть,
Уж я бы нашла, что провыть.

Но осень срывает листву,
Слова ещё тихо плывут…
«Не пра…»
И удел меньшинства —
С упорством волхва —
Слова.

Ангел мой…

В глазах — чёрные точки.
В глазах — белые точки.
«Мёртвые петли» и «бочки».
Строчки.
Строчки.
Строчки.
Кричала,
молчала.
От зачатого —
печатала.

Я не пою декаданс.
Я не пляшу брейк–данс.

Душа — в струну — диссонанс.
Память — в струну — провал.
Слова. Слова. Слова.
Ангел мой!
Ты диктовал?

Эй!

Посвящается г. Феодосии

Эй, Эмириклян, Эмериклиди, Эмерикли!
как там тебя
в детстве нарекли,
какие черти тебя носили
и куда.
Это — ерунда.
Главное — вода
морская,
и линия горизонта,
она не горбата.
Сладкая вата, дети!
Сладкая вата!
Сладкая вата.

Эй, Эмириклян, Эмерикли, Эмериклиди,
Что где войдёт — то, брат, и выйдет.
Крутится круг,
крутится круг.
Из твоих рук.
Белый и сладкий иней…
Нос горбат, и лицо морщинней
печёной груши,
и даже лучше.
Инеем волосы выстланы.
Недорасстрелянный,
недовысланный,
забился мальчишкою в щель, как краб,
в узкую бухту,
как корабль
пиратский.

А мир этот
б…ский,
то НКВД, то команды зондер,
то просто зомби…
Но линия горизонта,
она не горбата.
Сладкая вата, дети!
Сладкая вата!
Сладкая вата.

Эй, Эмерикли, Эмериклиди, Эмириклян,
Нет, ты не пьян.
Просто на берегу
наливают портвейн
в пластиковые стаканы.
Был бы художник
Рембрант ван Рейн
или Ганс Гольбейн,
нарисовал бы
портрет твой
тёмный и пряный,
и без понта,
на фоне Эвксинского Понта,
на фоне линии горизонта,
которая не горбата,
в которой нет
ни вранья, ни мата.
Сладкая вата, дети!
Сладкая вата!
Сладкая вата…

О возрасте

В 60 лет — хорошо,
А в 65 — ещё лучше!
Поскольку жизнь–то уже прошёл,
Можно сказать — домучил.

Среди народа
Разного рода,
Рода и племени.
Бивали тебя тут
По темени,
Под дых и по почкам.
А ты всё спишь, свернувшись клубочком,
Руки под щёчку.

И видишь цветные сны:
Вот такой ширины,
Вот такой вышины,
Вот такой глубины.

Нет, 65 — самое то!
Не переубедит никто!
Потому, что одинаково летается во сне,
По крайней мере, мне.
И в пять,
И в шестьдесят пять,
И в восемнадцать…

И хватит за мной гоняться!

Лечо

На кухонном столе, на середине,
В консервной банке сжатые сардины.
И там же, на столе, в стекляшке, лечо.
И молвит мне лечо
Голосом человечьим:
— Смотри, как грубо меня накрошили!
Пересолили, а сахар стащили,
А ты на ужин меня открыла,
Ну, а сама — ни уха, ни рыла.
Всё б тебе спать, да есть.
Невелика честь.

Разве что не пьёшь пива,
А то было бы — совсем некрасиво.

Ночь за окном.
Ну, очень поздний вечер.
— Чо, лечо, чо?? Чо делать, лечо?
Какие тебе нужны уколы и примочки,
Чтоб соединились твои кусочки?
Хочешь, расколочу стекляшку скалкой,
Так мне тебя жалко…
— Спасибо на добром слове, — сказало лечо.
— Доброе слово и лечо лечит.
Спи давай, раз уже уснула!
Да смотри, на кухне не свались со стула.
Не храпи и не оборви гардину.
А мы тут сами…
Посидим с сардиной.

Мария СЕМЁНОВА

Старые сады

Нет, не смятенье, не тоска,
А то, чего нельзя словами
Сказать. Неспешно облака
Плывут над Старыми Садами.
Храм провожает их крестами...
Им плыть — ему стоять века.

Я слёз внезапных не стыжусь
И не ищу им объясненья.
Опять, опять сюда вернусь —
За светом, чудом, вдохновеньем.
С надеждой и благоговеньем
Я этих древних стен коснусь.

Как речки горные, с холма,
Зовя, струятся переулки.
Когда звонят колокола,
Не слышен века голос гулкий.
Как бесконечны здесь прогулки,
Как трепетно нежна Москва.

Меж Пречистенкой-Остоженкой

Я смотрю на Вас восторженно,
Восхищенно и влюбленно.
Меж Пречистенкой–Остоженкой,
Как меж небом и землею.

Даже призрак дней безрадостных,
Надоевший, исчезает.
Слов боюсь своих несказанных,
А молчание терзает.

Это счастье и смятение,
Сладость подступивших слёз.
Жизнь моя — прикосновение
Ваших рук и Ваших роз.

Возвращение в город

Возвратиться в летнюю Москву
В час, когда усталый город замер.
Силуэты дремлющие зданий
Вписаны в ночную синеву,
И уже не спорит с веком век,
А над тишиной плывёт созвучье
Куполов и шпилей — облик лучший,
Временем дарованный Москве.
Оглянуться, чтобы не забыть
Старый вяз, склоненный к колокольне,
Переулка вьющуюся нить
И решетки кружево литое.
Скоро, нежно кистью проведя,
Утро нарисует акварелью
Этот город в капельках дождя.
Возвратиться бы к нему скорее!

Утро

Что ж, обвиняй меня в любви,
В восторге, в трепете, в печали.
Слова холодные твои
Давно уже не огорчают.
Давно те времена прошли,
И я не плачу пред тобою,

Теперь я знаю, отчего
Восходит солнце над Москвою.
Проснувшись, робко, не спеша,
Оно потянется лучами
К Остоженке и Кадашам,
А на Никитской меж домами
Лежит, на крыши опершись,
Подняться будто не решаясь,
И вспоминает, как в тиши
На Бронной тополя шептались.
О чём? Как странно — о любви.

Переулок

Переулок с названьем вернувшимся,
Не молчи, не молчи, я прошу.
Через сердце моё протянувшийся —
Я брожу по тебе, не дышу.
Ты мне снишься — то корочкой льдистою,
То сверкающей рябью волны.
Меж дорогами людными, быстрыми
Островок тишины.
Средь московских тропинок особенный,
Как тебя обойти стороной?
Так не прячь, возврати на мгновение
Голос ласковый, голос родной.

И.А.

Я устал, и сердце изболелось.
Капелька тепла — вот все, что нужно,
Чтобы чуть уютней стало телу,
Чтоб согреть озябнувшую душу.

Засыпаю, чтобы не проснуться.
Только б немощь бременем не стала!
И порою горько оглянуться
Мне на жизнь. А что ещё осталось?

Все ушли, кого любил когда–то.
Снятся голоса и силуэты...
И уже не страшно расставаться:
Подождите — скоро я приеду.

Скоро обниму вас, дорогие.
Долгая нам выдалась разлука!
Расцелую лица молодые
И пожму протянутые руки.

Он привык на первый зов — быть рядом,
В час нелёгкий быть кому–то нужным.
Он давно, еще под Сталинградом,
Понял цену верности и дружбе.

И среди портретов пожелтевших,
Что его улыбками встречают,
Он — меж позабывших и ушедших —
Маленький, несломленный, печальный.

Давит тишина и оглушает.
Он, пером поскрипывая, пишет.
Телефон молчит, молчит часами...
Позвоню — пусть он меня услышит.

Шагал

Странный художник рисует парящих влюбленных
И музыканта со скрипкой на крыше ночной.
Старый художник — такой беззащитный ребёнок,
С трепетной, нежной, ранимой и хрупкой душой.

Добрый мечтатель, столетье и мир покоривший,
Домом давно называя привычно Париж,
Как он любил свою бедную, горькую землю,
Где плачет скрипка о нём над изломами крыш.

Город сожжённый, истерзанный, снова рождённый,
Встречи не будет — не жди его гостем седым.

Как не хотел он увидеть тебя незнакомым,
Как он боялся узнать тебя — прежним, родным.

Перед рассветом, когда спят и дворники, и почтальоны
И затихает уставший под утро Париж,
Он возвращается — юным парящим влюбленным,
Слушать, как скрипка поёт над изломами крыш.

Тамара КРЮКОВА

ЧЁРТОВЫ СТАРИЧКИ

— Подходите! Пробуйте! Сегодня акция! Такой вкусноты вы ещё не ели. Домашняя выпечка. Всё печётся здесь же, при вас. Только натуральные продукты, без маргарина, без холестерина…

Сашка стоял возле входа в булочную–кондитерскую с подносом, на котором ощетинились зубочистками мелкие кусочки нарезанного бисквита. Падкие на халяву люди пробовали, кто–то шёл дальше, но большинство он уговаривал зайти в магазин. Работа была не ахти, но где же найдёшь хорошую? До шестнадцати даже в Макдональдс не берут, а айфон хочется. Пока не наступили холода, можно и уличным промоутером поработать, а потом видно будет.

Сегодня дела шли неплохо. Люди охотнее расстаются с деньгами в солнечную погоду. Сентябрь стоял тёплый: конец месяца, а деревья ещё зеленели. Только кое–где осень редким мазком добавила жёлтой краски.

Взгляд выхватил из толпы двух симпатичных девчонок. Стильные штучки. Вообще–то Сашка не знакомился на улице, но поднос с кексами предоставлял большие возможности.

— Эй, не походите мимо. Супербисквиты для супердевчонок!

Сашка не сомневался, что девчонки притормозят. Он умел произвести впечатление. Зря, что ли, в качалку ходил?

— Мы фигуру бережём, — кокетливо отозвалась одна, но кексиком не побрезговала.

Сашка с усмешкой кивнул на стаканчик с кофе у неё в руке.

— Кто фигуру бережёт, тот в Макдональдс не ходит.

— В Макдональдс ходят все, — отозвалась девчонка.

— Фигня. Ща это уже не модно. Отстой. Такие клёвые девчонки и будете гамбургеры лопать? Вы знаете, чего в них кладут? А тут старинный рецепт, все продукты с рынка. Не, правда, всё натуралис. Европа.

— Вкусно, — сказала девчонка.

— Бери ещё, не стесняйся. С кофе самое оно. А лучше зайдите. Там есть из чего выбрать. Всё только из печи.

Девчонки направились к двери кондитерской.

— Э, а телефончик оставить? — крикнул вслед Сашка.

— Ну ты наглый, — протянула девчонка, но без неприязни, скорее с одобрением. — Ищи ВКонтакте Селестру.

— Лады. А я Саныч, если что.

Как только девчонки скрылись в магазине, Сашка закинул удочку дородной тётке в пёстрых легинсах. Судя по тому, как деформировался узор, легинсы натянули на толстые ляжки с большим напрягом. Поклонение культу еды было налицо. Такого клиента грех упустить.

— Домашняя выпечка. Попробуйте, вам понравится.

— Да я сама таких напеку, — бросила тётка, закидывая в рот бисквит.

— Не сомневаюсь. Вы наверняка так печёте, что соседи слюной захлёбываются, но это ж сколько времени надо. А тут всё готовое. Прямо из печи. Каждый день — праздник. И главное, полезно для здоровья. Холестерина ноль. Все продукты протестированы. А хотите, там есть с имбирём, для похудания.

Загипнотизированная последним словом, тётка пошла за покупкой.

Сашка почувствовал на себе чей–то взгляд. Коренастый мужик со стрижкой бобриком стоял неподалёку и беззастенчиво пялился на него. Этот был не из клиентов. Тех Сашка выделял безошибочно. В голову полезли всякие мысли. Санинспекция, что ли? Или документы будут проверять, мол, восемнадцати нет, трудовой кодекс нарушаешь?

Сашка сунул в рот сиротливо лежавший на подносе кусочек и нырнул в магазин. Когда он вернулся с полным подносом, мужика уже не было.

Закончив смену, Сашка направился к метро. Путь лежал мимо салона, эмблема которого известна во всём мире. Надкусанное яблочко прочно завоевало своё место под солнцем. Сашка не мог отказать себе в удовольствии зайти внутрь и тотчас прилип к витрине с новеньким айфоном. Вот это была вещь! Старьё, которое лежало в кармане у Сашки, давно просилось на помойку. Памяти — ноль, практически склероз, ничего толком не закачать. Камера — дрянь. Аккумулятор почти сдох. Всю ночь заряжается, а до вечера не хватает. Лишний раз ВКонтакт не зайдёшь. Но от предков понимания не жди. У них один разговор: тебе телефон только два года назад купили.

Два года! Это ж целая вечность! За это время Мишка уже три модели поменял. Такой антиквариат надо в музей сдавать. В общем, милости от природы ждать не приходилось, надо крутиться самому.

— Нравится? — спросил незнакомый голос.

— Я б за него душу заложил, — буркнул себе под нос Сашка. Не то чтобы он вкладывал в слова какой–то смысл, просто поумничал.

За спиной стоял тот самый мужик с бобриком, который наблюдал за ним на улице:

— Душу не надо, а вот работёнку предложить могу. Там ты живо на такую игрушку накопишь. Тебе восемнадцать–то есть?

— Э–э, почти, — стушевался Сашка, но мужик понимающе произнёс:

— Не важно. Главное, ты можешь уболтать кого угодно. Это талант, и его надо развивать. Я научу тебя, как зарабатывать нормальные бабки, — он по–взрослому протянул Сашке руку, как равный равному. — Эдуард. Можно просто Эдик.

Фирма выглядела как Сникерс в подарочной упаковке. Стойка из хромированных панелей со вставками из стекла, секретарша с когтями в стиле вамп, на стене огромная плазма, автомат с халявным кофе.

— Вадим Юрьич у себя? — спросил Эдуард.

— На складе. Товар пришёл, — бросила секретарша.

— Я новичку хозяйство покажу, лады? — сказал он, открыл дверь в кабинет и кивком пригласил Сашку подивиться, к чему нужно стремиться.

Офис был небольшой, но крутой: массивный стол, на котором двадцатисемидюймовый Макинтош соседствовал с антикварной лампой. Диван и кресла — натуральная кожа. И главная фишка — журнальный столик в виде готовой к прыжку пантеры, на спине которой покоилась стеклянная столешница. От дипломов и сертификатов на стенах рябило в глазах.

Отметив впечатление, которое произвёл на Сашку офис, Эдуард усмехнулся:

— Но ты не обольщайся. Это, типа, переговорная для клиентов, а наша берлога попроще.

Они прошли на склад, который ничем не отличался от миллиона других. На сборных металлических стеллажах рядами стояли коробки. В закутке, отгороженном лёгкой панелью, за компьютерами трудились менеджеры: две серые мышки в джинсах и свитерах. Гламуром тут не пахло, но это ж не подиум. Надо кому–то и на складе сидеть.

— Хозяин тут? — спросил Эдуард.

Из–за стеллажей выглянул дородный мужчина в костюме-тройке. Набрякшие под глазами мешки делали его похожим на грустного бассет-хаунда.

— А, Эдик. Что у тебя?

— Вадим Юрьевич, я тут новенького привёл.

— Восемнадцать есть? — спросил шеф, вперившись в Сашку тяжёлым взглядом.

Сашка напрягся. Кажется, работа готова была выскользнуть у него из–под носа, но выручил Эдик:

— Всем когда–то будет, а у кого–то прошло. Толковый парнишка. Я его в деле видел. Всё что угодно, впарит.

— Ладно, разберёмся, — кивнул хозяин.

Фирма торговала ионизаторами: фильтрами для водопроводных кранов, которые структурируют воду. Менеджеры–надомники обзванивали клиентов и договаривались о встрече, а потом к согласившемуся посмотреть на чудо техники выезжала бригада из двух человек, которая демонстрировала продукт во всём его великолепии: с показом рекламного ролика и тестированием воды.

Сашке тут понравилось. Он сразу почувствовал себя взрослым. В основном на фирме работали мужики от тридцати до шестидесяти, но Сашку приняли на равных. Коллектив постоянно обновлялся. Задерживались немногие, потому что при всех плюсах был существенный минус: платили не за хождение по адресам, а по результату: что продашь, то и заработаешь. Далеко не каждый мог уломать клиента расстаться с деньгами. Как ни крути, а сто пятьдесят тысяч — это не десять рублей мелочью. Как говорил Эдуард: «Не у всякого есть жилка для бизнеса. Надо подход к людям иметь, к каждому свой ключик. А тупо впаривать рекламу — не прокатит».

Чтобы изучить азы коммерции, новички проходили стажировку. Сашку взял под своё крыло Эдик. Вот у кого стоило поучиться умению втюхивать товар. Эдуард так ловко брал людей в оборот и окручивал клиента, что тот выкладывал купюры на розовой салфеточке.

— Главное, не отпускай хватку. Что называется, здесь и сейчас, — поучал Эдик новичка. — Как только начинается волынка: подумаю, завтра скажу, считай — с крючка сорвался. Ты ему сразу: скидка действует только сегодня, завтра уже другие цены. Двадцать тысяч выгоды — не чох собачий. Мол, смотри, сколько экономишь. Буратино надо на жадность брать.

— Ни фига себе жадность, сто пятьдесят штук отвалить за простую воду.

— У тебя артрита и простатита нету, поэтому тебе их не понять. Вот когда скрючит, квартиру заложишь, чтобы облегчение получить.

— А чё, реально помогает?

— Как тебе сказать. Про плацебо слышал?

— Не, а чего это?

— Ну, это когда больному дают мел, а говорят, что сильное лекарство. Человек верит и исцеляется.

— Значит, это просто вода, а фильтр — разводилово?

— Ну, если кто исцеляется, значит, уже не разводилово. Тебе главное что? Чтобы комиссионные шли. Мы с тобой не доктора, верно?

— Верно, — кивнул Сашка.

— Вот и молоток. Буратино не твой родной дедушка, чтобы ты о нём пёкся.

— А чего мы только по пенсионерам ходим? Вон сколько квартир вокруг.

— Чудак–человек! В наше время деньги только у пенсионеров и есть, — улыбнулся Эдуард.

— Да ладно. У них же пенсия — копейки.

— Но они эту пенсию на айфоны не тратят. У них всё в кубышечке. А у молодёжи в кармане ветер. Молодым пожить охота, на юга съездить, на Канарах позагорать. Хочется на Канары–то? — подмигнул Эдуард.

— Не знаю, не думал.

— А ты подумай. Если за дело с умом возьмёшься, будешь айфоны каждые полгода менять.

Во время стажировки денег не платили, но Эдик был классным мужиком. Он всегда отстёгивал Сашке «на пивко», хотя знал, что пиво Сашка не пьёт, но ведь это не единственный соблазн в мире возможностей. Деньги лишними не бывают. Да и говорил Эдик по делу. Советы давал жизненные и по существу. Встретить хорошего наставника — большая удача.

Зима началась неожиданно рано. Деревья не успели сбросить листву, а снег уже повалил, внося сумятицу в жизнь города. Городские службы ещё не раскачались. Снежное месиво на дорогах тормозило движение. Машины на летней резине заносило. Сотрудники ГИБДД не успевали выезжать на места аварий.

Тойота Эдуарда почти подъехала к дому клиента, когда из переулка выскочил автомобиль. Эдуард ударил по тормозам, тойоту развернуло, и она бампером задела идущее в соседнем ряду шевроле. Оба водителя выскочили из машин. У тойоты оказалась разбитой передняя фара, а у шевроле на двери появилась вмятина. Эдуард достал портмоне и предложил разойтись полюбовно, но владелец шевроле заартачился.

— Неизвестно, сколько мы здесь проторчим, — сплюнул Эдуард. — Ты вот что, Санёк, бери бандуру и гони к клиенту. Тут недалеко, всего через три дома.

— Я один? — опешил Сашка.

— Когда–то надо начинать.

— А может, я тебя подожду? Вдруг не сумею? — забеспокоился Сашка.

— А чего тут уметь? Помнишь, как ты пирожки втюхивал? Зацепил рыбку на наживку и тяни. Главное, силу рассчитать: резко дёрнуть нельзя — сорвётся, но и сопли не жуй. Энергично и в оборот. Да ты и сам знаешь. У тебя чутьё.

Чутья у Сашки было не отнять. Он и сам удивлялся, как умел находить общий язык с разными людьми. Порой это сильно помогало. Да что там порой? Всегда. И всё же он волновался. Можно сказать, начало собственной карьеры.

Дверь открыл аккуратный старичок в вельветовых брюках и просторном кардигане. Седенькие волосы пушком прикрывали лысину, на носу очки в тонкой металлической оправе. Интеллигент.

— Проходите, проходите, молодой человек, — засуетился старичок.

Прихожая была такая же старомодная, как и старичок: обои с вензелями, зеркало в массивной бронзовой оправе, по бокам подсвечники. Прошлый век.

Сашка достал одноразовые бахилы и только тут заметил на ногах у старичка дутые тапки в виде медвежат. От такого зрелища Сашка буквально впал в ступор.

— Вас удивляет моя обувь? Это для Настеньки, моей жены, — пояснил старичок. — Она болеет, и её сейчас мало что радует. Когда я сказал, что куплю такие тапки, она рассмеялась. Теперь она так редко смеётся. И знаете, это отличная покупка. Она всегда улыбается, когда на них смотрит, — старичок тоже грустно улыбнулся. — Вешайте куртку. Вас как величать?

— Саша.

— Прекрасно. Проходите.

Пахло лекарствами. Обычно там, где находятся больные, царит полумрак, но тут шторы были широко распахнуты, и комнату заливал свет. В инвалидном кресле сидела сухонькая старушка, укрытая пледом. Она была бледной, почти прозрачной, точно заранее репетировала роль привидения. Всё ещё пышные волосы с голубоватым отливом были аккуратно уложены, а на шее красовалась нитка бус.

— Настенька, к нам Александр. Прошу любить и жаловать, — объявил старичок.

— Защитник людей, — кивнула старушка.

— Почему защитник? — спросил Сашка.

— Александр в переводе с древнегреческого означает защитник людей. Славное имя. Так называли полководцев.

Старик улыбнулся и озорно, по–молодому подмигнул Сашке:

— Села на своего конька. Анастасия Всеволодовна специалист по ономастике, исследует этимологию имён собственных. Вот погодите, Сашенька, Настюша поправится, сможет снова копаться в своих любимых архивах и составит вам полное происхождение вашей фамилии.

— Боюсь, не в этой жизни, — вздохнула старушка.

— Что за упаднические настроения? Ты ведь знаешь, что ничего не бывает случайно. Если нам послан защитник людей — это неспроста. Я же читал тебе про ионизатор. Он непременно поможет. Так ведь?

Последний вопрос был обращён к Сашке. Тот машинально кивнул. Он так растерялся, что забыл, зачем сюда пришёл. Но случай Сашке благоволил. Судя по всему, старички были лёгкой добычей. Деньжата наверняка имеются — не рабочий класс. И уже в теме.

— Конечно, — с жаром поддакнул он. — Я вам сейчас всё покажу. Можно нам пройти на кухню?

Старичок взялся за ручки инвалидного кресла. Сашка хотел помочь, но он с улыбкой его отстранил:

— Я справлюсь. Мне сподручно. А вот имя вам дано не напрасно.

В рабочей обстановке к Сашке вернулась уверенность. Он достал аппарат и реактивы.

— А может, прежде чайку? — предложил старичок.

— Нет, сначала дело, — отказался Сашка. — Может, после того, что я вам покажу, вы вообще не захотите больше пить то, что течёт из крана.

По мере того, как Сашка говорил, его охватывало вдохновение. Старички, точно дети, ахали, глядя на жёлто–серый осадок в воде, с интересом смотрели демонстрационный фильм. Сашка чувствовал, что первая получка, точно сочная морковка, висит у него прямо перед носом. Теперь главное — правильно подсечь, но оставалось самое трудное — объявить цену.

— Сто шестьдесят девять тысяч, но со скидкой — сто сорок девять. Двадцать тысяч экономии, — оттарабанил Сашка.

Повисла пауза. Старушка посмотрела на мужа по–детски распахнутыми глазами и, словно извиняясь, сказала:

— Милый, обходились же мы без ионизатора.

— Но у нас есть эти деньги, — возразил старичок.

«Молоток. Правильный чел, — подумал Сашка. — Не фиг в кубышке держать».

— Петенька, не глупи. Это практически всё, что у нас есть. Тебе ведь ещё жить.

Птичья лапка старушки трогательно и нежно легла на руку мужа.

— Без тебя? Ничего мне без тебя не надо, — отозвался старичок.

— А хоронить на что будешь?

— Что ты всё о похоронах? Деньги должны быть для жизни. Борись. Нам такой парнишка ниспослан: Александр, защитник людей. Может, это знак. Надежда ещё есть.

— Блажен, кто верует, — покачала головой старушка.

— Вот и веруй. Веруй! — с неожиданным жаром воскликнул старичок, а потом сник. Он приобнял жену за плечи и мягко добавил: — Стасенька, это ведь шанс. Что деньги? Как–нибудь проживём. Я ещё могу писать за двоечников дипломы.

— У вас скидка. Двадцать тысяч. Это по акции, — напомнил Сашка.

— Вот видишь, ещё и скидка, — сказал старичок.

— Петя, о чём ты говоришь? Какие дипломы? У тебя у самого здоровье не ахти.

— Вместе мы справимся, а одному… — старичок махнул рукой. — И вообще, кто в доме хозяин?

Сашка смотрел на них, и медвежата на тапках его уже не удивляли. У него было странное чувство, будто эти двое находятся в параллельном мире. Только они двое и больше никого. Такие динозавры, а поди ж ты, друг другу не надоели. Смотрят глаза в глаза, точно голубки на первом свидании. Ромео и Джульетта, блин.

Оформление документов прошло на редкость легко и быстро. Старички предложили чаю, но Сашка отказался. Хотелось скорее похвалиться успехами Эдуарду.

Надевая куртку, Сашка пообещал:

— Я постараюсь, чтобы вам прямо завтра всё установили. Не волнуйтесь.

— Спасибо вам, Сашенька. Вы даже не представляете, что вы для нас делаете, — сказал старичок и шёпотом добавил: — У Настеньки ведь рак. Вы — наша последняя надежда.

Он смахнул навернувшиеся слёзы.

— А сколько вы уже вместе живёте? — не удержавшись, спросил Сашка.

— Пятьдесят семь лет. Не представляю себя без неё. Она ведь моя вселенная.

Плечи старика задрожали от едва сдерживаемых рыданий. Сашка растерялся, но старик быстро взял себя в руки:

— Всё. Простите, что вас побеспокоил. У вас ведь свои заботы.

Сашка вышел на улицу. Настроение было какое–то смурное. Вроде, заработал бабки, надо радоваться, а на душе такое чувство, словно детей обманул. Они ему ещё и яблоко на дорожку сунули. Чёртовы старички.

— Ну что? Как там у тебя? — поинтересовался на следующий день Эдик.

— Продал, — коротко отрапортовал Сашка.

— Ай молодца! Я знал, что ты далеко пойдёшь.

Сашка высказал вслух то, что его мучило:

— Там у бабки рак. Они надеются.

— Пускай надеются. Надежда — основа жизни, — философски заметил Эдик.

— Они все деньги выгребли.

— Кончай нюни разводить. Она тебе кто, родная бабушка? Все рано или поздно помрут, с ионизатором или без. Но лучше с ионизатором. А бизнес штука такая, кто особо чувствительный — тот ходит без порток.

Умом Сашка понимал, что Эдуард прав, но что–то не складывалось. Почему–то всё время лезли в голову эти тапочки с медвежатами. Чёртовы старички.

Вечером Сашка отправился в торговый центр. Поистине, это благословенное место придумал великий человек. Трудно представить, как раньше люди обходились без гипермаркетов. В слякоть и с девчонкой не встретишься. Шастать по улице под дождём — удовольствие сомнительное, а романтики ещё меньше. Молодое поколение выбирает здоровый образ жизни и пепси!

Светка, как всегда, явилась с опозданием. Она считала, что парень должен ждать. Сашка уже привык к её выкрутасам. У каждого свои тараканы. Зная её особенность, он и сам не торопился. Он устроился на диванчике возле суши–бара и достал мобилу. Ползая по Сетям, можно было ждать хоть час и не париться. Если б ещё мобила была достойная, а не этот отстой, у которого вечно не хватает заряда. В подтверждение Сашкиных мыслей на мобильнике загорелся красный огонек. Телефон требовал подзарядки.

— Вот сволота, — выругался Сашка.

К счастью, на аллее показалась Светка — девочка–конфетка. Как есть кукла Барби: блондинистые волосы до талии, ноги от ушей. В распахнутом пальтишке и коротенькой юбочке она выглядела что надо. Сашка с чувством собственника отметил, как на неё пялились два пацана.

— Привет, — бросила Светка, даже не подумав извиниться за опоздание или поинтересоваться, сколько он здесь торчит.

Сашка постучал пальцем по циферблату часов:

— Тридцать пять минут.

— Слышь, не будь занудой. Куда пойдём: в суши или в киношку?

— Я голодный.

— Тогда — в суши.

— Давай лучше по пицце.

— Нет, пицца — это неполезно. Японцы толк знают. Видел, как они выглядят? Потому что рис едят. Питаться надо правильно, — безапелляционно заявила Светка.

Сашка предпочёл бы питаться вкусно, суши он не любил, но чего не сделаешь ради девушки. Он нехотя поплёлся питаться правильно.

— Чё-то ты какой-то смурной сегодня, — заметила Светка.

— Старичкам одним ионизатор впарил.

— Да ты что! Это ж радоваться надо.

— Для них это большие деньги. Они надеются, что он поможет бабульке вылечиться.

— Надеяться не вредно, а даже полезно, — заявила Светка.

— Они все деньги на это просадили.

— Тебе что с того? Комиссионные получишь — и ладно. Тебе эта бабка родная бабушка, что ли? Забей. Несчастненьких много, всех не облагодетельствуешь.

Её слова прозвучали, как эхо слов Эдика. Оба они были правы. Но почему же тогда в Сашке сидела эта заноза? Чёртовы старички!

В суши–баре Сашка всегда брал себе привычную вилку. Есть так есть, а не отлавливать на тарелке рисинки. Он за пару минут покончил с суши и стал смотреть, как ловко Светка орудует палочками.

— Свет, ты бы меня стала любить через пятьдесят лет? — неожиданно спросил он.

— Чё, с дуба упал?

«Не стала бы», — понял Сашка.

Перед глазами возникли старички. Как бережно дедок касается руки старушки, а она накрывает его руку своей ладонью. Сашка тоже коснулся Светкиной руки, но она отмахнулась и полезла в сумку за сигаретами.

— Курить хочется, сил нет. Запреты эти хреновые. Пойду в туалет.

Внутри у Сашки будто что–то взорвалось. И это называется любовью? Ему впервые захотелось чего–то другого. Переплетённых рук, понимающих взглядов… Глупость, конечно, но именно этого ему не хватало.

— Далось тебе это курево! Как суши жрать — так здоровый образ жизни, а сама табаком уже провоняла. Давно бы бросила. Я же не курю.

— Ты чё, борзый? Бизнесменом стал и зажрался? Да я таких, как ты, сотню найду. Провоняла я! Иди, ищи другую дуру, — Светка вскочила и размашистым шагом пошла к выходу.

Сашка тупо сидел и смотрел, как она уходит. Бежать следом? Нет. Завтра он позвонит и наведёт мосты. И чего вдруг его повело? Не дала за ручку подержать? Фигня. Она давала ему подержаться и за что другое, только намекни. Далась ему эта романтика. Чёртовы старички!

Родители привычно коротали вечер: отец перед телевизором в гостиной, мать перед теликом на кухне.

— Явился. Есть будешь? — донеслось из кухни.

— Не, я не голодный.

— Всё гамбургерами питаешься? Зачем я только вам готовлю, возле плиты торчу.

Этот диалог повторялся изо дня в день. Слова уже давно потеряли смысл, нужно было только исправно вставить реплику и забыть.

И в гостиной, и на кухне по НТВ шла «Криминальная Россия». Прежде Сашка не обратил бы на это внимания, но тут заинтересовался:

— А чё вы вместе не смотрите? Одна же программа.

— Электричество, что ли, экономить? Так телевизор почти ничего не жрёт, — сказал отец.

— Кстати, ты за электричество заплатил? — спохватилась мать.

— Завтра заплачу.

— Я это уже неделю слышу.

— Не нуди. Сказал, заплачу.

Сашка ушёл к себе в комнату. Был обычный день. У них была нормальная семья. Родители никогда не ругались. Почти. Почему же вдруг Сашке стало душно и тесно дома? Чёртовы старички!

Зима плавно перетекла в весну, хотя март был неотличим от февраля. Сашка часто работал в паре с Эдиком, но теперь получал свой законный процент. Айфон давно перестал быть предметом вожделения. Жизнь удалась, но отчего–то иногда на Сашку накатывало, как будто он чего ожидал, но оно не происходило.

После очередной удачной сделки Эдик передал Сашке папку с договорами:

— Занеси в офис сам, лады? Мне в автосервис заскочить надо.

— Без проблем, — согласился Сашка.

Он спрятал папку в рюкзак и зашагал к метро. Это был тот же район, с которого он начал полгода назад. Вспомнились старички, которым он продал свой первый ионизатор. Интересно, как они?

И тут он увидел знакомое лицо: очки в тонкой металлической оправе. Сашка бросился было к старичку, но его остановило едва ли не физическое ощущение беды. Людям свойственно сторониться тех, у кого случилось горе, так же как животные избегают заболевших собратьев.

Согнувшись и ссутулив плечи, старик брёл медленно и осторожно, как будто на ощупь. Он был неухоженным и каким–то потерянным: в замызганном пальто и грязных ботинках не по погоде. Глаза слезились на холоде. Так выглядело одиночество. Старик подошёл к мусорным бакам.

К горлу Сашки подкатил ком. Он видел, как старик выбирает алюминиевые банки из–под тоника.

Обычный мир будто взорвался. Все слова, которые до сих пор звучали такими правильными, убедительными вдруг потеряли смысл.

«…Кто он тебе, родной дедушка?.. Петенька, тебе же ещё жить… Без тебя мне ничего не надо... Ты чё, с дуба упал?.. Александр, защитник людей…»

Сашка развернулся и побежал назад. В доме не было лифта. Запыхавшись, он, перескакивая через две ступеньки, поднялся на пятый этаж. Дверь открыла старушка, которой полчаса назад они с Эдиком продали очередной ионизатор.

— Что–то забыл, милок?

— Да, то есть, нет.

Сашка снял рюкзак и вытащил договор.

— Вот, возьмите. Порвите его. И деньги не переводите.

— А что случилось–то? — забеспокоилась старушка.

— Партия бракованная. Вся. И эта, и другие. Нам вообще брак поставляют. Так что не подписывайте больше договор. Вам эти деньги пригодятся.

Сашка сунул документ бабке в руки и, не оглядываясь, побежал вниз.

Старичка возле баков уже не было.

Начался снегопад. Сашка стоял и смотрел, как снежные хлопья ложатся на замызганный город. Он был один на пустынной улице, лишь шалая ворона слетела с ветки, чтобы оставить свои иероглифы на чистом листе уходящей зимы.

В этот момент Сашка понял, что до сих пор он жил в неправильном мире. Но ведь есть и правильный. Значит, он его найдёт.

Елена ШУТИЛОВА

ПРОЩАНИЕ СЛАВЯНКИ

Молодой офицер запрыгнул на подножку уходящего поезда. Свежевыкрашенное деревянное здание станции мигнуло на прощанье яркой желтой краской и исчезло, так и не догнав состав.

Несмотря на поздний час в вагоне было многолюдно. Пассажиры, в основном возвращающиеся с работы усталые женщины с гладко убранными в кичку волосами, в мужских пиджаках, надетых на легкие цветастые платья, бабки, в темных вязаных кофтах и разноцветных ситцевых платках, с корзинками яиц и всякой мелкой живностью. Между двух лавок расположилась шумная компания подвыпивших мужиков приблатнённого вида. Они азартно играли в карты, время от времени пропуская по стаканчику и закусывая на редкость богатой для голодного времени закуской — хлебом, американской тушенкой, домашней колбасой.

Заглянув в вагон сквозь треснувшее стекло, военный остался в тамбуре, поставил маленький чемоданчик на пол и закурил. Домой! Он и так задержался на два долгих послевоенных года. Его артиллерийскую часть три месяца назад передислоцировали из Германии в Токсово. За это время он видел мать лишь однажды, когда та примчалась к нему, узнав о переводе. Полчаса отпущенных им командиром пролетели незаметно. Он и сейчас не демобилизован. Ему дали целых три дня отпуска. До Терийоки, куда после войны вернулась их семья, около часа езды. Под размеренный стук колес, сменяя друг друга, как пейзаж за окном, бегут мысли: «Брат вернулся из Кореи больным, сестренка пошла в первый класс. Скоро закончится его срочная служба. Может, остаться в армии? Так он больше поможет своим». Мимо проплывали стройные шеренги высоких густых елей. Еще пара остановок — и он дома.

В тамбур вышел мужчина с папироской в руке:

— Дай прикурить, служивый. Куда едешь?

— Домой, — ответил военный и протянул зажженную спичку в сложенных по старой фронтовой привычке ладонях.

Склонившийся к ним мужчина второй рукой неожиданно с силой ударил ножом под ребра — раз, другой. Затем быстро, не оглядываясь, открыл дверь и сбросил тело с мчащегося поезда. Следом полетел чемодан.

На покрытом вязаной хлопчатобумажной салфеткой столе стояли тарелки со студнем и пирогами. Больше на нем ничего не поместилось. Что может уместиться в старой девятиметровой рубленой финской бане, куда их поселили после возвращения из эвакуации? Буржуйка, металлическая высокая кровать, стул и небольшой платяной шкаф.

В предбаннике — примус, оцинкованные ведра с водой. Вечерело. Стрелки большого круглого будильника гулко стучали, отмеряя безразмерное время. Узловатыми натруженными руками мать теребила серый армейский конверт, принесший долгожданную весть — сын едет! Она не знает точного дня, но ждет его каждый вечер.

Сыночка, родимый! Как ждет она этот день! Её старшенький весь в мать — курносый, с открытой улыбкой. Она всегда видит его таким, широко улыбающимся озорным солдатом в пилотке набок, как на той фотографии, что прислал он из училища перед отправкой на фронт. Заскорузлыми, плохо гнущимися пальцами мать взяла его последнюю фотографию: повзрослевший молодой мужчина смотрит с неё добрыми усталыми глазами, улыбка потерялась где–то в уголках губ.

— Я все расскажу тебе, сынок, — думает мать. Всё, о чем молчала эти годы. Как чуть не потерялась моя младшая, когда нас вывозили из осажденного города на баркасе через Ладожское озеро. Как встретили эвакуированных на Вологодчине. Странная это была встреча, не радушная. Гостей расквартировали по избам и определили на работу в колхоз. Потеснившиеся хозяева косо смотрели на приезжих, осуждающе качали головами, видя, как те много и на совесть работают. У них не было подсобного хозяйства, и рассчитывать приходилось только на заработки. Это оттуда Пелагея привезла своё богатство — козу Машку и мешок муки.

— Я все расскажу тебе сынок, теперь, когда ты дома, — думает женщина, поглаживая фотографию своего сына руками с распухшими, выступающими от тяжелой работы венами. Об отце, что пропал без вести в сентябре сорок четвертого, овдовев её в неполные сорок лет. Вот его последнее письмо в синем довоенном альбоме с тесненными алыми розами, рядом с единственной фронтовой фотографией коротко стриженного усталого мужчины в выгоревшей гимнастерке. Кто знает, может, он еще вернется? Люди рассказывают удивительные истории. Вот и её Мишенька, слава богу, жив и здоров. Каждый раз, видя в доме отдыха, где Пелагея работала, подтянутых,

в новой военной форме офицеров с их модно одетыми холёными женами, мать вспоминала о сыне. «Когда-нибудь и он будет жить так же хорошо», — мечтала она. И еще она знала, что ничего не расскажет своему сыну. Просто будет радоваться его возвращению, позабыв обо всём.

Минута медленно ползет за минутой. Свет от керосиновой лампы ярким пятном выхватил из темноты фигуру сидящей у стола женщины в длинной свободной юбке и короткой батистовой кофточке. Мать вздрогнула от стука входной двери. Звякнуло ведро — это младшая прибежала выпить воды.

Пелагея вздохнула. Бедно и тяжело живется ей после войны. Этой зимой её Марфа готовила уроки, не снимая пальтишка и варежек. Не на что было купить дров. Если бы не классная руководительница Варвара Алексеевна, Пелагея не знает, как бы они пережили эту холодную зиму. Учительница, обратившая внимание на то, что девочка ходит не в школьной форме, а в комбинированном сине–бордовом платьице, пришла посмотреть, как живет её ученица, а через две недели им бесплатно привезли машину дров.

Средний сын — не помощник, из госпиталя в госпиталь. Наоборот, его бы надо получше кормить. И Пелагея старалась: надрываясь, высаживала огромное поле картошки, чтоб и на семью хватило, и на борова, что так музыкально хрюкает в сараюшке рядом с их жильем. С утра до позднего вечера работала уборщицей и посудомойкой в Доме отдыха. Нет, она не жалуется. У неё хорошие дети.

Пелагея взяла со стола тарелки и вынесла их в предбанник, поставила на холод, накрыв сверху чистым полотенцем. Сегодня сын уже не приедет.

Мать вышла на улицу. По тропинке к их жилью шли двое военных. Сердце ёкнуло. Напряженные суровые лица, желваки гуляют на скулах. В руках у одного маленький коричневый чемоданчик её Мишеньки.

— Мать, не доехал твой сын…

Слова оглушили. Она не слышала, не понимала, что ей говорят. Второй военный зачем–то открыл чемодан, и в глаза бросился отрез яркого ситца в мелкий цветочек. Пелагея непонимающе перевела взгляд с офицера на сверток. Дрожащей рукой взяла его. Непосильная тяжесть обрушилась и стиснула сердце. Оно замерло, не бьется в груди. Рука судорожно стиснула материю, дыхание перехватило, и из задыхающегося рта вырвался вдруг короткий нечеловеческий крик. Воздух замер. Кажется, сама тишина переполнилась и вибрирует от ужаса.

Это потом будет вековой плач русских женщин. Потом она упадет на руки своих товарок и будет голосить, и причитать, задыхаясь от слез. А сейчас горе сковало душу и разум, почти остановило сердце и, лишив сил, подкосило ноги. Её едва успели подхватить.

Потом будет утопающая в осенних флоксах могила, и их одурманивающий запах она возненавидит на всю оставшуюся жизнь. Потом — армейский салют над могилой её сына, прошедшего войну и погибшего от руки недавно освободившегося уголовника. Потом командир, видя, как трудно живет их семья, выхлопочет ей половину деревянного дома, как родным фронтовика, трагически погибшего от руки бандита. Потому что жена пропавшего без вести не имела права на помощь и льготы. Еще через месяц найдут убийцу и станут известны дикие подробности: жизнь двадцатипятилетнего военного убийца, куражась, поставил на кон, потому что больше ставить ему было нечего. И проиграл. Ему посчастливится попасть в краткий промежуток отмены смертной казни, и бандит получит семь лет тюрьмы. Всего семь лет за отнятую молодую жизнь не успевшего ни жениться, ни сменить военную форму на штатскую, человека. Все это будет позже. А пока фотография её сыночка желтым листком легла в довоенный альбом рядом с коричневатым снимком мужа–красноармейца, пропавшего на Ленинградском фронте через два месяца после того, как на войну ушел его старший сын.

Ольга КИСИЛЁВА

МЫШЬ

Как же хреново! Тошно, противно... В горле — пустыня Сахара. Голова раскалывается, а ещё эта Мышь пиликает на своей скрипке! Я со стоном приподнял голову. Ненавижу свою соседку! Серая мышь, в вечно сером платье, со своей серой скрипкой. Вру. Скрипка была благородного цвета. Она отливала красным деревом, переливалась, перекатывалась теплом клёна. Соседка говорит, что её музыкальный инструмент (она так и говорит, — инструмент) сделан из дерева, которое росло в горах. Выдумщица моя соседка. И мышь. Серая. Я уже второй год снимаю комнату. И угораздило делить квартиру с этой скрипачкой!

Вчера была первая презентация моей книги стихов. В библиотеке, куда собрались приглашённые, звучали пафосные речи, мне улыбались, меня фотографировали. А вечером мы с Матвеем напились. Пытаюсь вспомнить, как оказался дома. В памяти — провал. Чёрт бы побрал эту скрипку! Замолчит она когда–нибудь? Я сжал кулак и загрохотал в стену. Скрипка пискнула и умолкла. Вот и хорошо. Я сел на кровати. Голову словно сдавило в тисках. Нашарив тапки, я поплёлся на кухню. В раковине лежали тарелки с остатками засохшей пиццы, в красивой изящной рюмочке скорчились окурки. А рюмочка–то не моя. Блин! Сейчас Мышь распищится, что посуду её трогали. Я попытался вытряхнуть окурки, но рюмка выскользнула из рук и со звоном ударилась о кафельный пол. Осколки разлетелись. Скрипнула дверь. Из–за двери осторожно выглянула соседка. Рыжеватые волосы не были, как обычно, собраны в идиотский пучок, а волной спускались на плечи. Мышь отбросила волосы назад и посмотрела на меня, на осколки, на гору немытой посуды.

— Вам плохо?

— Нет. — Съехидничал я. — Очень хорошо! Не видно разве?

— Семён, вам надо полежать. Идите в комнату, я чай сделаю.

— Мария Батьковна, а не пошли бы вы? — Огрызнулся я.

Соседка покачала головой, ничего не сказала и пошла в ванну. Вернулась с веником и стала подметать пол. Я отошёл к окну и закурил. Всего год назад

обо мне никто и не знал. Я ушел от родителей, так как решил доказать, что сам могу добиться всего. Снял комнату, стал работать в магазине электроники менеджером по продажам. А по ночам стал писать стихи. Неожиданно, для себя. Нет, в детстве, конечно, слагал всякие вирши. Мама радовалась и складывала в жестяную коробочку из–под чая мои произведения. А отец смеялся и называл это баловством.

Маша, так звали мою соседку, мне сразу не понравилась. Я люблю ярких женщин. А эта… ну, действительно, мышь. Зашла в комнату ко мне, поздоровалась и стоит. Личико, правда, чистенькое–чистенькое. Полупрозрачное такое, как на картинах Средневековья. Знаете, где дамы такие томные изображены? Не тициановские пампушки, а получахоточные, обескровленные красавицы. Вот и у соседки моей такое личико. И на вздёрнутом носике огромные очки. Я ей предложил как–то линзы подарить, а она почему–то обиделась. Вот познакомились мы с ней. Договорились не мешать друг другу. А в первый же вечер она начала играть на скрипке. И мелодию выбрала такую щемящую. Я, честно, чуть не расплакался. Детство вспомнил, домой захотел... А Мышь всё играет и играет. Не будешь же под музыку телевизор смотреть. И так мне захотелось юность вспомнить, дар свой поэтический применить. Достал тетрадь, и пока соседка пиликала, я успел написать пару стихотворений. Ого! Получается! Дальше — больше! Мышь на скрипке играет, а я у себя в комнате стихи пишу. Отправил в несколько редакций свои сочинения. На тебе! Откликнулись, попросили ещё написать. Начали публиковать. А потом уже как по маслу пошло. Даже на телевидение пригласили. Под заказ стал стихи писать. Думаю, больше написал бы, если бы скрипачка не мешала. Так надоела её музыка, что слов нет.

Я выкурил сигарету, затушил о стеклянное блюдце, которое стояло на подоконнике. Маша уже подмела пол, вымыла посуду. Неожиданно зазвонил телефон. Я помчался в комнату.

— Алло! Да! Да, конечно, смогу. Завтра нужно? Обязательно.

Вот это номер! Позвонили из редакции. Я заключил пару дней назад договор. В журнале будет колонка моих стихов. Завтра первый выпуск. Подводить нельзя. Если сорву, «попаду» на деньги. Но как я могу сорвать? Стихи сейчас из меня «рекой бегут». Всё. Пью чай и за работу. Я достал тетрадь. Сейчас, сейчас. Где моя муза? Я задумался. Голова по–прежнему болела. На ум ничего не шло. За стенкой снова тихонько зазвучала скрипка. Потом заиграла всё громче и громче. Моё раздражение нарастало и нарастало. Мне казалось, что голова сейчас лопнет и разлетится на осколки, как та стеклянная рюмочка.

— А–а–а–а! — зарычал я и бросился к соседке. Она стояла посреди комнаты, склонив чуть голову, и играла с закрытыми глазами. Тонкие пальцы

порхали по грифу скрипки, смычок взлетал и падал. И тут на меня что–то нашло! Я выхватил скрипку и бросил её на пол.

— Страдивари хренова! Совсем помешалась на своей музыке! У меня заказ! Понимаешь, заказ! А ты мне мешаешь!

От моих резких движений у Маши упали очки, и я увидел её глаза. Голубые–голубые, такие беззащитные. Эти голубые глаза наполнились слезами. Соседка всхлипнула и бросилась поднимать скрипку. Она прижала инструмент к себе и стала баюкать, как ребёнка. И слёзы капали прямо на скрипку.

— Мышь! — крикнул я и хлопнул дверью.

Прошло полчаса. Стихи не писались. В голову лезла всякая ерунда, но только не стихи. Я услышал, как хлопнула входная дверь. Выглянул в окно. Из подъезда вышла Маша. Она шла, опустив низко–низко голову, прижимая к себе скрипку.

Я — дурак? Я честно попытался себя оправдать. У меня ничего не получалось. Снова и снова я видел глаза своей соседки. Такие удивительные, голубые–голубые и… беззащитные. Но, честное слово, мне очень мешала скрипка. Я не могу постоянно писать стихи под музыку. У меня заказы, у меня договор с издательством, а тут постоянная музыка, шум.

Я просидел всю ночь. Соседка не пришла ночевать. Впервые. А я не написал стихи. Утром звонил в редакцию, сказал, что заболел и попросил включить в колонку свои прежние произведения. Редактор со скрипом согласился. Но предупредил, что нужны только новые стихи, иначе мы потеряем читателя. Ну, хорошо, успокоился я. Дома тишина, никто не мешает. Я столько насочиняю, что не на одну колонку хватит.

Время пролетает незаметно. Передо мной остывший чай и чистая тетрадь. Может, я и вправду заболел? Мозг отказывается слушаться, рифмы не складываются, и в душе пустота. Я прислушиваюсь к каждому шагу на лестнице. Соседки нет. Где же ты бродишь?

Пошёл третий день. Третий день одиночества. Не написано ни одного стихотворения. Я подошёл к зеркалу.

— Ну, что тебе надо, гений пустых страниц? Никто не мешает, Мышь смылась вместе со своей скрипкой, тишина и спокойствие. А где стихи? Стихи где??

Меня затрясло, словно поднялась температура. Я стал метаться по комнате, как зверь. Я вспоминал, вспоминал. Первая ночь в этой квартире. Первый стих. Маша играла за стенкой, а я писал. И так каждую ночь. Она играла, я — писал. Скрипка — стих!

О, Боже! Я — идиот! Я уничтожил свою музу! Где её теперь искать? Я же ничего не знаю о ней!

Стукнула входная дверь. Я бросился в коридор. Возле двери стояла Маша. На голове все тот же идиотский пучок, за огромными очками прячутся голубые глаза, и к груди она прижимает скрипку.

— Где же ты была? — Я схватил её в охапку и прижал к себе. — Ты только не уходи больше никуда. Слышишь? Не уходи.

Я осторожно отпустил Машу, снял очки и поцеловал глаза, потом вынул шпильку, которой были заколоты волосы. Волна упала на лицо, я отодвигал волосы и целовал, целовал бледное лицо...

А потом я писал стихи. Строчка за строчкой бежала на бумаге, рифма за рифмой складывалась в голове. А за стеной играла скрипка...

Литературно-художественное издание

МОСКОВСКИЙ СОЮЗ ЛИТЕРАТОРОВ

«ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПЕРЕКРЕСТОК»
№ 13, 2018

альманах

Координатор *Д. Б. Гвилава*
Главный редактор *Михаил Стародуб*
Редакционная коллегия:
Татьяна Шипошина (1-й заместитель главного редактора),
Жанна Голубицкая (заместитель главного редактора),
Надежда Днепровская, Лариса Адлина, Ева Меркачева, Виктор Черняк

Редакция не обязательно разделяет точку зрения авторов

Подписано в печать 02.11.18. Формат 60x90$^{1}/_{16}$
Печать офсетная. Бумага офсетная №1. Печ. л. 10,5.
Тираж 700 экз.